

Рарог Кривич

Ш от

О гненного

М еча

Легенда I

Битва Наследников

Рарог Кривич

**Дом Огненного Меча.
Битва наследников**

«Издательские решения»

Кривич Р.

Дом Огненного Меча. Битва наследников / Р. Кривич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936015-1

«Битва Наследников» является одной из самых древних легенд во всем Аркхорне. Каждому жителю этих земель знакома история о юном жреце, который вынужден был взять в руки меч и отправиться навстречу заклятому врагу. Виной всему стало некое пророчество, много десятилетий хранимое жрецами севера, но известное каждому псу на юге Аркхорна. Тогда в битве за престол сошлись два наследника распавшейся державы. Но было ли их только двое в этой схватке, или в тени за всем наблюдал некто третий?

ISBN 978-5-44-936015-1

© Кривич Р.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
КНИГА I	8
Пролог	8
33 год Четвертой Эпохи	8
Глава 1. Последний Наместник	10
Лето 142 г. Третьей Эпохи	10
Осень 142 г.	14
Глава 2. Приспешники Тьмы	17
Зима 142 г. Третьей Эпохи	17
Весна 143 г.	19
Лето 158 г.	20
Осень 159 г.	23
Весна 163 г.	30
Глава 3. Древнее пророчество	36
Осень 181 г. Третьей Эпохи	36
Весна 183 г.	42
Глава 4. Царь бернов	56
Весна 183 г. Третьей Эпохи	56
Глава 5. Рождение Семерии	64
Лето 184 г. Третьей Эпохи	64
Лето 204 г.	66
Глава 6. Храм Творца	69
Осень 189 г. Третьей Эпохи	69
Зима 189 г.	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Дом Огненного Меча Битва наследников

Рарог Кривич

Дизайнер обложки Дарья Евгеньевна Степанова

© Рарог Кривич, 2018

© Дарья Евгеньевна Степанова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-6015-1 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-6016-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга, дорогой читатель, познакомит тебя с одним из самых ярких и главных эпизодов в истории Меровура, который вошел в современные летописи под романтическим названием «Битва Наследников». Именно упоминание об этой битве, как одной из самых решающих для нашего прошлого, мы можем встретить, если откроем любой мало-мальски известный исторический справочник о древних временах Артании, Второй Конфедерации. События, произошедшие более тысячи двухсот лет назад, явились отправной точкой для образования нашей Конфедерации четырех царств. «Битва Наследников» является одной из самых древних легенд во всем Аркхорне. Однако и за пределами нашего материка слагаются песни о ней. Так лично я удостоился чести слышать пересказ тех событий многовековой давности из уст одного барда в Аониссе – столице Кемии, острова, что к востоку от Аркхорна. Поистине, то, что произошло тогда в конце Третьей Эпохи, повлияло на судьбы не только народов северной расы ариантов в Аркхорне, но и на племена расы темнокожих, златооких кхортов из Кемии. Событие то, стало поворотным и потому от него ведем мы новый отсчет времени – после Третьей Эпохи, именуемой также и Самой короткой Эпохой, мы начали счет Четвертой Эпохи.

Книгу свою, уважаемый читатель, я писал не один год и прежде, чем взять в руки перо, провел я немало исследований и лично проскакал весь Аркхорн вдоль и поперек встречаясь с теми из ведунов, кто наиболее точно сохранил в своих библиотеках предания о тех событиях. Считаю нужным также заметить, что данная книга является уже второй, дополненной и исправленной редакцией моего труда, вышедшего в свет годом ранее – в 1280 году 4Э. Погрешности в предыдущем издании возникли большей частью по причине того, что многие манускрипты древности в книгохранилищах разных храмов сохранили немного различающиеся между собой описания. Ныне же, проведя полную работу, я с абсолютной точностью смог установить какие из них являются вымыслом, додумками или же ошибками прочих исследователей прошлого, а какие все же отражают более точно действительность событий того времени.

Главным героем Битвы Наследников является молодой ведун из Семиводья (земли, что раскинулась на востоке Аркхорна и входит в состав одного из четырех царств Второй Конфедерации) по имени Таргита. О нем за последнюю тысячу лет было сложено немало гимнов и сказаний, и стоит заметить, что многие из них являются плодом народной фантазии из-за любви к этому великому человеку (позволю себе заметить, что любовь и почитание его действительно оправданы). Так уж повелось в ариантском народе, что людям свойственно обожествлять своих далеких предков и приписывать им всевозможные чудеса и деяния, которых они даже могли и не свершать. Однако в этом своем труде я постарался свести к минимуму присутствие народных легенд и взял за основу своего повествования самые что ни на есть достоверные исторические факты (хотя, конечно, порой и сложно говорить о достоверности событий тысячелетней давности).

Прочитав эту книгу ты, мой любезный читатель, поймешь почему же Священные Рода, управляющие Второй Конфедерацией, так часто приписывают в своих семейных легендах свое происхождение от ведуна Таргита. Многие из них, кто не так давно сражался за власть в Конфедерации, заявляли о своем более тесном, нежели другие рода, родстве с Таргитаем. Таким образом современные наши цари и князья желают значиться потомками полу-мифических Яровиндлов. Этот древний род некогда, еще до Третьей Эпохи, в Эпоху Арты, управлял Первой Конфедерацией, Артой – предшественницей нашей Второй Конфедерации. Потому-то, столкнувшись в новом противостоянии, Священные Рода вдруг стали вспоминать, кто из них ближе в родстве к Таргитаю – последнему по истине великому правителю из Яровиндлов. Нынешние же цари, хоть и зовут себя также Яровиндлами, но сугубо по моему личному мнению, вряд ли все из них могут претендовать на то, чтобы причисляться к тому роду.

После прочтения этой книги моему читателю станет также ясна и причина не так давно произошедшего раздора между Священными Родами, ибо корень всего лежит именно там, в событиях свершившихся тысяча двести восемьдесят лет назад. И тогда, мой дорогой читатель, ты поймешь, что Битва Наследников не закончилась тогда, а длится и по сей день, раздирая Конфедерацию на части.

Рарог Кривич, 1281 г. 4Э

КНИГА I

Пролог

33 год Четвертой Эпохи

Царские палаты были залиты золотистым светом играющей у изголовья кровати свечи, через занавешенные шторы проникал ярко синий свет луны Ладалона, которая в ту ночь встретила на небосводе с алым диском месяца, называемого Фаамон. Во всем огромном дубовом дворце, походившем на терем, пожалуй, это было единственным помещением где струился свет. Сложенные из бревен стены в покоях правителя были украшены яркими ткаными коврами с причудливыми узорами. Даже находясь уже столько лет в этих землях, старый правитель не мог забыть своих молодых лет, проведенных на юге, в жарких странах, где даже зимой достаточно было лишь накинуть тунику потолще и довольствоваться этим. Здесь же, среди холодных гор, зимы были всегда суровы, особенно в этом городе, который находился прямо у подножия самой высокой горы в этой стране. Гору ту именовали Алатур, а на вершине ее, вечно укрытой облаками, располагался Престол самого Творца, как гласили местные легенды и сказания. Потрескивание дров в благодатно истопленной печи придавал царским покоям некоего обычного, огнищанского уюта. Возлагающий под теплым шерстяным одеялом на ложе старый правитель, казалось, пребывал в мире снов и грез, его густая укрытая серебром борода слегка приподнималась при каждом вздохе мощной груди. Распушенные длинные седые, почти белесые волосы старика спускались по его плечам прямо до пояса, согревая его еще больше, чем все меха, в которые был укутан он. Единственная свеча у изголовья уже догорала в своем подсвечнике, а из слегка приоткрытого окна в комнату пробирался свежий снеженский воздух. Неожиданно покой и умиротворенность помещения была нарушена легким поскрипыванием приоткрывающейся двери, занавески на окнах приподнялись из-за образовавшегося сквозняка, и входящий человек приложил усилия, чтобы не дать двери распахнуться с шумом: Великого Кохана, так называли правителя этой огромной державы, тревожить лишний раз не следовало. Хотя те вести, которые принес гонец и так уже должны были заставить правителя заволноваться сильнее, чем когда-либо прежде.

– Твое Сиятельство, – неуверенно пролепетал вестник, подойдя поближе к ложу старика, но при этом оставаясь все же на достаточном расстоянии от него.

Царь с усилием приоткрыл глаза: его потревожили, но на его испещренном морщинами лице не было ни единого признака раздражения – он всем своим видом излучал справедливую доброту, хотя взгляд его в тот час и был тяжелым:

– Я слушаю тебя, – спокойно произнес он, – молви.

– У меня нехорошие известия, Великий Кохане... – высокий худощавый человек в отдающем свежестью улицы кожухе замаялся, теребя в руках меховую шапку, внезапно в его правой руке появился сверток, который, по-видимому, находился до этого в ней, – Прибыл гонец из Турана, – вестник протянул послание правителю, – он передал это письмо от твоего среднего сына... и, – тут доносчик опять скукожился, – и еще посылку...

Услышав о посылке, правитель насупил брови – этим жестом он был удивлен даже больше, чем письмом от, казалось бы, забывшего о нем сына. Седовласый царь аккуратно приподнялся в постели и, прищурившись, начал читать послание, жадным взглядом впиваясь в каждую его строчку. Чем ниже опускался его взор, тем озабоченнее и взволнованнее становилось выражение его лица. «Они не могли этого сделать...» – пролепетал еле слышно старик

и поднял глаза на ожидающего у ложа человека. Тот заметив, что царь закончил чтение, поспешил молвить слово:

– Прикажешь внести посылку в покои? – дрожащим голосом спросил он и уставился взглядом полным ужаса на старца – тот лишь одобрительно кивнул тяжелой головой.

Вестник два раза прихлопнул в ладоши и окликнул ожидавших за дверьми слуг, те же в свою очередь не замедлили внести в покои резбленный сундук, украшенный дорогими самоцветами. Слуги поставили его подле ног вестника и поспешили отойти назад к двери. Правитель жестом приказал снять крышку, и его собеседник тотчас же повиновался: взору обоих предстал лик зрелого мужа, чьи золотые длинные, до плеч волосы теперь были беспорядочно разлохмачены и слиплись из-за крови, которой было измазано все его лицо; на его такой же соломенной, как и волосы, короткой бороде застыла запекшаяся бордовая кровь; взгляд его озерных глаз устремлялся куда-то вдаль... Лицо царя не выдало никаких внутренних переживаний при виде отрубленной головы его младшего сына, но глубоко в душе он с прискорбием осознавал, что все, за что он боролся, оказалось тщетным, и что его враг все-таки оказался куда-более могущественным чем он сам, ежели ему оказалось под силу ввести во искушение двух старших сыновей Великого Кохана и заставить их убить своего младшего брата – это значило лишь, что семя раздора было посеяно между братскими родами и в скором времени оно уже должно было быть возвращенным и дать свои первые плоды.

Старик повернул свою седовласую голову в сторону приоткрытого окна:

– Великая Ночь уже близко... – задумчиво произнес он и его темно-зеленые глаза начали постепенно меркнуть...

Глава 1. Последний Наместник

Лето 142 г. Третьей Эпохи

Поигрывающее своими лучами в чистом небе солнце припекало как никогда, чему были особенно рады всевозможные диковинные птицы, резвящиеся над просторами полноводной быстрой реки. Эта река, имевшая загадочный желтоватый оттенок, будто отражала в себе златистое солнце, стремящееся к горну, откуда каждое утро восходило солнце, ее потоки виляли среди горных долин сих просторов. Горы здесь встречались совершенно разные: были и незначительные холмики, взобравшись на которые, можно было бы без труда разглядеть все окрестности и наблюдать извилистый путь великой реки, а были и такие возвышенности, которые своими ледяными пиками доставали чуть ли не до небес и самого солнца, на котором по преданиям местных жителей обитали их древние Боги и предки, а также один из самых великих правителей сих земель – златоликий Сиан из расы ариантов, положивший начало правящему роду наместников Сиа. По преданиям местных жителей именно он пришел в сии земли с севера, к берегам Златой реки, и собрал воедино все разрозненные дикие племена народа с бронзового цвета кожей, имя которым ринцы. Он принес им мир и культуру, благодаря которым им открылся путь к душе. Много воды утекло с тех времен из великой реки, но к ней из года в год стало прибывать все больше и больше людей, жаждущих и ищущих лучшей и справедливой жизни, которая, как они все те странники были наслышаны, и была обещана всем страждущим на берегах той реки. Со временем и речку ту прозвали Злата, ибо как отражала она великое небесное светило, так и хранила память о тех древних временах, когда пришел к ним вестник с севера. Задолго до него же еще являлся ринцам и первый посланник Солнца, имя которому было Имир. Он считался отцом златоликого Сиана, и явился он в те времена, когда после великой Битвы Арты во всех землях наступила разруха. Имир был первым человеком, которому удалось благополучно вознестись к Престолу Богов и вернуться обратно на землю. С Солнца он принес с собой Золотые Конны, которые были записаны им на каменных скрижалях, тогда же обрел он и вечную молодость. Местные люди верили, что эти легендарные скрижали с тех пор находились на вершине одной из тех высоких гор, через долины которых и протекает сия великая река. К сожалению, история Имира закончилась довольно печально, ибо, возгордившись своим величием, он ступил на темную сторону и был низвергнут своим же братом Кайсаком, который отрубил ему голову и забрал с собой в западные Касские земли. Сущность же Имира разделилась на две равные части: светлая его сторона устремилась к Солнцу, темное же его начало ушло во Тьму. Но на земле Имир оставил своих кровных потомков – златоликого Сиана и великий род Сиа, который и продолжил управлять Ринией...

– ...Твой отец, принял сию обязанность от своих предков, и ты, юный Таргитай, подобно своему отцу наследуешь сей титул – Наместника Ринии и будешь праведно служить своим Богам, – мощный седобородый старец в длинном сером одеянии из грубой ткани, украшенной серебряными нитями, улыбнулся и потрепал за русые волосы совсем еще маленького юнца, которому от роду было лет двенадцать.

– А мы, а мы, Ульгень? – восторженно вскрикнули вдруг сидящие напротив двое других ребяташек на вид помладше первого.

– А вы, близнецы, станете могучими воинами и верными помощниками вашего старшего брата, – похлопал по плечам старик и их.

Сидевшая между близнецами их мать обняла обоих и прижала к своей груди.

– А почему отец не с нами? – спросил вдруг один из них.

– Он должен скакать впереди свиты, ведь он – наместник, – ответила молодая женщина, старик заметил как в ее изумрудно-зеленых глазах, сливающихся с шелковым платьем на ней, блеснула искра – она должна была поддерживать осторожный круг вокруг своего мужа, ибо он как наместник каждый день подвергал себя опасности, вступая в очень близкие и доверительные отношения с местными людьми, которые у Миры никогда не вызвали доверия с тех самых пор, как она приехала в эти земли следом за своим возлюбленным. Свита, состоявшая из украшенной ярко-красными шелками кареты с царской семьей, менее богатой кареты, в которой находились важные державные советники наместника, и нескольких десятков всадников, медленно двигалась вдоль вытопанной конями и повозками дороги по правому берегу Златой реки. С запада приближалась огромная черная туча, несущая в себе небесные воды, которыми собиралась умыться и освежить живые ярко-зеленые леса этой долины...

– Почему ты не хочешь прислушаться к моим словам? – взмолилась Мира и резким движением накинула себе на плечи пуховый платок. В покоях наместника как обычно было холодно и те несколько свечей, что стояли на камине, да и сам тусклый огонек внутри него придавали всей комнате лишь еще куда более холодящего антуража. Столица, как и построенный из сизо-голубого камня дворец правителя рода Сиа, находились немного севернее Златой реки и располагались высоко в горах, на склонах которых даже в такие знойные лета как это покоились снежные шапки. За окном уже опустилась ночь, отчего задувающий в приоткрытое окно ветер казался еще зябче.

– Но, душа моя, – приобнял Миру за плечи подошедший к ней статный муж одетый в черную просторную котту и подпоясанный обычным кожаным ремешком, – мы должны научиться приходить к взаимопониманию с ними, – мужчина запустил руку в длинные, волнами спускающиеся по спине, отливающие каштаном волосы своей любимой. – Да, они – варвары, но я же не держу их в конце концов в своем совете – я лишь пытаюсь завоевать их доверие, в целях всеобщей безопасности же, – встряхнул своими темно-русыми вьющимися до плеч волосами воин. – Ты же знаешь, что со времен Имира ринцы преклоняются перед нами лишь из-за страха – это рано или поздно может привести к предательству...

– И я о том же, Двоян, – посмотрела в его стальные глаза Мира, взгляд ее колдовских зеленых очей всегда завораживал и успокаивал Двояна Адвина. – С ними не получится установить мира, взгляни в их черные глаза – в них нет души, они всегда должны быть на расстоянии от нас...

– Ладушка моя, я понимаю тебя... – отошел к камину Адвин, – но и ты пойми меня: разве не успешны мои усилия хотя бы в том, что мы смогли объединиться с вождями племен у берегов Данайского моря? Весь наш длительный поход, который мы проложили к устью Златой реки и обратно, не был ли он напрасным по-твоему?

– О да! – выдохнула Мира и упала на мягкое ложе, – но зачем было их приглашать сюда, в наш дворец? Лишь Богам известно, что у них может быть на уме! Ведь они же прибыли сюда со своими войсками, Двоян! – безысходно запричитала женщина.

Адвин подошел к кровати и присел рядом с супругой:

– Сим своим приглашением я указал им на то, что мое величие намного превышает их, так, что я даже не страшусь пустить их в самое сердце своей державы. Они должны чувствовать наше превосходительство! – голос Адвина звучал уверенно и строго, было ясно, что он не под каким предлогом не изменит своего решения, – А теперь пошли, любимая, – потянул он Миру к себе и смягчил долгим поцелуем в ее алые губы, – Нас уже ждут гости...

В тронном зале в тот вечер расставили крепкие дубовые столы, которые не должны были ломиться под всем тем объемом яств, приготовленных специально к визиту теперь союзных

правителей из восточных земель Ринии. Зал каменного дворца был довольно просторным и, казалось, благодаря своим высоким потолкам мог вместить даже великанов волотоманов, которых уже давно не видали в этих землях. Если в обычные дни это помещение было крайне холодным и непрогретым, наподобие всех остальных комнат дворца, то сейчас оно буквально было переполнено жаром и испарениями, исходящими то ли от всевозможных горячих блюд на столах, то ли от такого огромного количества народа, собравшегося там, ведь в тот вечер во дворце Наместника Ринии встретились около двух дюжин правителей всех провинций мощной державы со своими прислужниками, семьями и воинами, а так же и несколько десятков новых вождей, в честь объединения с которыми, собственно, весь этот пир и был устроен. В зале стоял необычайный гам, которого обычно не бывало там даже в дни застолий и праздников, сейчас же вперемежку с Золотой речью здесь слышались и всевозможные причудливые наречия местных кхортских племен, со всех углов доносились песнопения различных бардов, которые исполняли свои гимны и песни как на Золотом языке, так и на Волчьем – так именовался язык расы кхортов и всевозможные наречия их племен, самыми многочисленными из которых в этих землях являлись ринцы.

Сам наместник восседал на своем отлитом из серебра троне, подле него ошуюю сидела его верная ладушка-жена Мира, ее темно-каштановые волнистые волосы украшала золотая тиара с самоцветами, одесную же находился седовласый старик с длинной бородой, который в своей стального цвета мантии с капюшоном натянутым на глаза выделялся из всей толпы людей и не походил ни на одного из присутствующих – это был Ульгень, главный советник Адвина, важнейший из мудрецов державы, а так же наставник детей правителя, рядом же со своей матерью восседали и юнцы: двенадцатилетний русоволосый Таргитай, который своими темно-зелеными глазами походил в Миру, но строгим и упрямым характером – весь в своего в отца; восьмилетний Порыш – светловолосый малец, который пытливым взглядом рассматривал всех собравшихся в тронном зале пришельцев – ему всегда было любопытно наблюдать за необычными меднокожими полудикарями-ринцами; третьим ребенком в семье Адвина был брат-близнец Порыша – Спорыш, который был так назван из-за того, что появился на свет на пять мгновений позже своего брата, его стальные глазенки так же стреляли по сторонам в поисках любопытных вещей или людей.

Неожиданно в зале раздался громкий металлический звон: Адвин постукивал кончиком ножа по своей опустевшей серебряной чаше. Когда все смолкли, правитель поднялся, налил из деревянного бочонка в свою чашу медовой сурьи и молвил:

– Кхортлар! – громко обратился он на Волчьем языке к ринцам, его обращение эхом раздалось по тронному залу. – Я буду краток! – стряхнул невидимую пылинку со своего богато-расшитого и украшенного яркими самоцветами камзола Адвин. – Сегодня мы собрались в нашем дворце, дабы отметить знаменательное событие, а именно: согласие правителей восточных земель и морских побережий присоединиться к нашей великой державе и стать одним целым с Ринией! Теперь вы находитесь под нашим покровительством, и мы, даем слово рода Сиа, что пока мы живы, в наших землях не будет ни одной войны и соперничества за владение какой-либо весью! Так было, так есть и так будет! Славься Риния! – с этими словами Адвин поднял наполненную медовым напитком чашу.

– Славься Двоян! – закричали в ответ присутствующие и принялись жадно опорожнять свои кубки и рога, правитель последовал их примеру и пригубил божественный напиток.

Едва успел он сделать первый глоток, как ощутил, что горло его будто некто невидимый обхватил удавкой, незамедлительно за этим тут же раздалась невыносимая боль в животе, словно его пронзила тьма кинжалов. На устах правителя начала выступать белая пена. Адвин почувствовал, как его тело размякает, в глазах же у него начинало мутнеть. В мгновение ока его обессиленное тело упало на трон, откинув русоволосую главу назад. Все произошло на столько быстро, что Мира даже не могла сообразить, что происходит: она что-то кричала, била мужа

по щекам, пыталась вытереть пену у его рта. Она уже не обращала внимания на то, что происходило вокруг – волна смятения и негодования прошла по всему залу, неожиданно часть ринских воинов выхватили свои мечи из ножен и набросились на стражей дворца, вокруг начали разлетаться брызги крови, отовсюду доносились ужасающие крики; младшие близнецы Адвина рыдали во всю, не понимая, что творилось вокруг, Таргитай же напротив сидел спокойно и наблюдал за всем с неким не присущим его возрасту беспристрастием. Мира все еще пыталась вернуть своего горячо любимого мужа к жизни, но все было тщетно. Внезапно словно ниоткуда возникший рядом с ней среди всего этого хаоса старик в серой мантии схватил находящуюся в отрешенном состоянии женщину, по щекам которой текли слезы, и буквально поволок ее куда-то, отдав жестом некий приказ находившимся позади мужам в таких же длинных одеяниях, которые послушно увели и не успевших опомниться детей наместника...

...Когда Мира уже пришла в себя, она обнаружила, что находится на ложе в собственных покоях: у тусклого камина сидели перепуганные дети, в плетеном кресле у кровати восседал длиннородый старец в серебряной накидке, капюшон по-прежнему покрывал его глаза. Когда же он заметил, что Мира пришла в себя, то он привстал и подошел к ложу жены Адвина. Откинув капюшон назад, он заговорил:

– Княгиня, вам нужно бежать, – в глазах его читалась взволнованность, – и как можно скорее... – из глубин дворца все еще доносились звуки потасовки, которая, по-видимому, еще не закончилась, хотя масштабы ее и стали поменьше.

– Ульгень, – пролепетала обессиленно Мира, – что это? Что происходит?

– Переворот! – с прискорбием произнес советник наместника.

– Как? Но кто?! – недоумевала женщина, теперь она уже присела на краю кровати и пыталась здраво оценить все только что произошедшее с ее еще недавно счастливой и целой семьей.

– Я думаю, это сделал кто-то из гостей, возможно правитель одной из волостей.

– Я же говорила ему, – простонала Мира, – я же предупреждала, что не стоит доверять этим варварам... Зачем он только позвал этих восточных главарей... Двоян считал, что покажет им свое бесстрашие таким образом, но к чему это привело... – одинокая слеза скатилась по щеке убитой горем жены правителя.

– Это сотворили не они, княгиня, – спокойно перебил девушку старик, – Мне донесли мои вороны: о заговоре знали до вашего прибытия с берегов Данайского моря, в нем участвовали и слуги сего дворца, как мне удалось выяснить.

– Нужно немедленно их всех казнить, если они знали и не предупредили! – вспылала вдруг праведным гневом Мира.

– Увы, девочка моя, власть теперь не в наших руках, – мудрец подошел к камину, где на шелковом ковре игрались дети, взгляд старика был устремлен куда-то сквозь догорающие угольки. – У нас, – кашлянул старик и поправился, – вернее, у вас, есть только один выход...

– Бежать? – отчаянно спросила девушка и, встав с кровати, подошла к окну.

– Да, но на севере, на твоей родине небезопасно, – повернулся к Мире Ульгень.

– Куда тогда? – негодовала женщина.

– Ты не знаешь, так как это было личной тайной Трувора, отца Двояна... Но у твоего мужа есть незаконнорожденный брат.

– Как это может быть! – удивилась девушка, ибо помнила о строгих нравах старого наместника Трувора.

– О, это было давно, Двоян и его брат Один были тогда еще юны, а их отец Трувор оставался молодым и полным сил мужчиной. Как-то раз, когда он еще не вступил в право на престол, занимаемый тогда Сианом Златоликим, судьба занесла его в Семиводье. Там же

он и нашел свое мимолетное увлечение – наивная девчонка-огнищанка родила от него сына, которого назвали Трояном. Он знал сына лишь одно лето – вскоре старый наместник Сиан, отец Трувора, отозвал его в Ринию, но брать с собой девушку с ребенком он не решился, ибо боялся гнева отца, и, стоит заметить, не напрасно, ибо Сиан был довольно скверного характера и строгого уклада человек... Когда-то мы учились с ним вместе... – на лице старика проступила улыбка и на мгновение взгляд его провалился куда-то в глубину веков.

– Так ты предлагаешь бежать в Семиводье?! – удивленно приподняла брови Мира, – Но это же южнее Чюдрокских гор!

– Троян правит теперь в тех землях. Я думаю, он сможет дать должную опеку своим племянникам и их матери. Столица его находится в горах, в Кологарде, и там вам будет находиться безопаснее всего.

– Что же, – вздохнула женщина, понимая всю безысходность сложившейся ситуации, – Твои советы всегда были мудры, и ты никогда не предавал наш род. Я верю тебе, так же как верил и мой муж, – Мира на мгновение замолчала, как будто вспоминала что-то, и потом продолжила, – Ты смог узнать, кто стоит за этим заговором? – ее зеленые глаза впелись в старца.

– Прислужник, которого успели допросить мои вороны, назвал лишь одно имя, княгиня, – деликатно ответил Ульгень. Взгляд девушки сделался еще более пронзительным и внимательным, – Зохак...

Осень 142 г.

Город, в котором правил царь Троян не был похож на те остальные города, какие доводилось видеть Таргитаю за всю свою короткую жизнь, проведенную в далекой Ринии – стены его были возведены из цельных камней, вероятно, собранных в окрестных горных долинах, внутри же деревянные дома были выстроены ровно-вычерченными круговыми улочками, среди которых выделялись три самые широкие и просторные, вероятно, служившие границами в каком-то непонятном для молодого мальчика делении города. Когда он вместе со своей матерью и братьями только въехал за стены этого необычного поселения, то первое, что бросилось ему в глаза, была неопишуемая красота резбленых узоров на абсолютно каждом домике без исключения. Казалось, будто все эти жилища принадлежали лишь боярам и людям в достатке, в то время как в городах страны, которой правил его покойный отец, можно было отчетливо наверняка знать по внешнему убранству домов, кто в них обитал: бедняки, бывшие по большей части ринского происхождения, зачастую ютились в небольших, скромных избушках или вообще в землянках, сами же арианты могли позволить себе выстроить и достойные хоромы да терема, так же, как и те из ринцев, кои состояли на службе у наместника в качестве управителей, они и представляли то самое высшее сословие среди своих соплеменников. Вторым, что удивило сознание Таргитая, было то невероятно огромное пространство, которое занимал данный град, ведь у себя на родине малец никогда не видывал таких просторных селений, да еще и укрепленных столь мощными стенами. Проезжая верхом на своем коне по выстроенным кругами улицам сего нового для себя града, юный наследник Ринского престола не переставал дивиться странной слаженностью и красотой сего места: все словно было на своих местах, ничего лишнего невозможно было наблюдать на его улочках. Тогда же Таргитаю и пришла мысль, что возможно сей город и назвали Кологардом лишь из-за того, что возведен он был по такому необычному образу и содержал в своей основе круги. Хоромы правителя же должны были находиться где-то ближе к центру города, ибо свита, сопровождавшая малыша и его семью, никак не думала останавливаться и продвигалась все дальше и дальше вглубь града. Но уже совсем скоро вся колонна из лошадей плавно затормозила у порога знатного терема, сложенного из отборного дубового бревна, впрочем, как и все дома здесь, лишь размеры его заметно выделялись на фоне остальных, но это было оправдано – тут жил местный царь, и в сих

хоромах частенько должны были собираться сонмы народа во время каких-либо важных событий. Гостей уже встречали: Мире учтивые вои подали руку и помогли слезть с коня; другой же высокий мужчина молодых лет подошел к лошади Таргитая, человек улыбнулся своими добрыми светло-кариими глазами и на его черной жесткой щетине отразилось слепящее яркое солнце – это был сам Троян, он не замедлил поднять мальчика за пояс и легким движением руки опустить его на землю, потрепав по русявой головушке; к близнецам, забавно гордо восседавшим на своих жеребцах рядом друг с другом, со спины внезапно подошел здоровый, широкий богатырь, который ловко словно перышки подхватил обоих неугомонно заливающихся хохотом юнцов себе под мышки и поднес их к самому крыльцу. Когда все уже ощутили землю под ногами, Троян, любезно распахнув широкие двери в свои хоромы, пригласил гостей проследовать внутрь. Успели только прибывшие войти в тронный зал, который не выглядел так богато, как зал в столице Наместника Ринии, но тем не менее отдавал своим тяжелым величием и древностью, как навстречу им выбежал белобрысый, почти белесый молодой человек: его недлинные курчавые волосы были взлохмачены и торчали в разные стороны, а розовое лицо мужчины искрилось радостью так, что от этого казалось даже блестел его гладковыбритый подбородок – видимо, он был наказан за какую-то провинность. Этим молодым человеком был Сам – сын Трояна.

– С приездом, Сиятельство! – воскликнул он приветственно Мире и расплылся в улыбке, завидев стоявших подле нее Таргитая с братьями.

– Проходите, мы давно ждали вашего приезда, и какова была наша радость, когда гонцы донесли нам сегодня, что ваша свита уже на подходе к городу! – начал провожать Миру с детьми по хоромам Троян. Сопровождавшие же семью наместника слуги и вои из Ринии были приглашены богатырями Кологарда в свое, военное, крыло здания.

– Ты не представляешь, как я счастлива, что наши скитания наконец закончились и мы теперь в безопасности! – выдохнула Мира упав на любезно пододвинутый ей Самом стул – гостей встречали небольшим семейным пиром. Сам же сын Трояна уселся напротив женщины, одесную своего отца, который уже успел занять свое место во главе стола. Внезапно двери, ведущие в царские покои, распахнулись и в зал вошли три совсем молоденькие девушки – жены Сама, которые, поздоровавшись с присутствующими, не замедлили присесть рядом со своим мужем.

– А Зорян где? – вопросительно уставился на одну из них черноволосый Троян, который со своими распущенными до плеч власами выглядел довольно грозным правителем, восседая на том самом дубовом троне. Еще большей суровости его лицу придавал вытянутый с горбинкой нос.

– Он сегодня захотел провести день со своей семьей, – поведала светловолосая девушка с ярко-голубыми глазами, на что Троян неудовлетворительно хмыкнул.

– В коем-то веке приезжает и дед, и родичи из Ринии, а он не удосужился явиться вместе с женой и детьми на семейный ужин... – в карих глазах правителя проскользнули нотки печали.

– Он уже взрослый, отец, ему двадцать семь лет и у него двое маленьких чад и беременная жена, которой он должен уделять много внимания в последнее время, – начал оправдывать беловолосый Сам своего сына.

– Что ж, прошу прощения, княгиня, за наш небольшой семейный разговор, – вновь заулыбался Троян. – Не стесняйтесь, налегайте на стравы, ибо вы порядком изголодались в пути, – обратился он к Таргитаю с братьями и подмигнул им. Все принялись с огромным аппетитом явствовать добрые семиводские угощения.

Спустя некоторое время Троян, сделав большой глоток яблочного напитка из своего рога и утерев свои черные масляные усы, завел беседу:

– Итак, насколько мне известно, – многозначительно посмотрел он в зеленые глаза Миры, – вы были вынуждены бежать из Ринии после того, как моего брата предали и отравили местные правители. Почему, ты думаешь, это случилось?

Закончив дожевывать свою снедь и выпрямившись, Мира начала с тревогой в голосе излагать свою историю:

– Я всегда ожидала от этих дикарей какого-нибудь подвоха и много раз предупреждала Дворяна, чтобы он не доверял им и не подпускал их на столько близко к себе... – неожиданно одинокая слеза покатила по щеке девушки, жены Сама тоже приостановили свою трапезу и с грустными лицами внимали рассказу Миры, – И вот на том самом злосчастном пиру кто-то из них подсыпал ему яд в сурью... О, Боги! Его глаза... – всхлипнула женщина, – они застыли на одной точке, в них читался неопиcуемый ужас... Ульгень, советник моего мужа, сказал, что это сделал кто-то из особо приближенных Дворяна, кто-то, кто жил бок о бок с нами на протяжении многих лет и исполнил сие по указу некоего Зохака, – неожиданно при упоминании этого имени на лице Трояна проступило беспокойство, – Ульгень и помог мне с детьми бежать... У меня единственная надежда на тебя Троян, хоть ты и не мой родич, но все же брат Дворяна, прошу тебя, возьми хотя бы моих сыновей к себе, обезопась их. Я же смогу выжить сама. Но они, они еще совсем юны, чтобы терпеть скитания и нищету. Назад же нам уже пути нет... – уже смирившимся тоном договорила Мира.

– Не переживай, княгиня, я памятую, что эти мальцы все же мои племянники, и я даю тебе обет, что они и ты тоже будете находиться под нашей опекой, – мягким голосом сказал Троян, – Здесь, в Семиводьи, княжит мой сын Сам, вы останетесь при нем. С собой же в Трою я вас взять не могу, ибо это весьма долгий и опасный путь, – закончив, царь повернул свою голову к Саму и его женам и отдал приказ. – Вы, девицы, примите Миру, приобщайте ее к вашим делам, помогайте ей во всем, а ты, Сам, воспитай из этих юнцов таких же воинов, каким я сделал тебя. И помни главное – никто не должен знать, что это семья Дворяна, свергнутого Наместника Ринии. Пускай все считают, что они – наши родичи из Чюдрока, – Троян смолк и, задумавшись на несколько мгновений, туманно добавил, устремив свой взгляд куда-то вдаль:

– Не нравится мне, что шахиншах зашел так далеко...

Глава 2. Приспешники Тьмы

Зима 142 г. Третьей Эпохи

Зима в Семиводьи почти не отличалась от тех двенадцати, которые успел застать Таргитая еще в Ринии. И если до появления первого снега мальчик ощущал себя еще не в своей тарелке, ибо все в этих землях было совершенно по-другому нежели у него дома, то с наступлением заморозков он практически даже начал забывать, что находился не в родных горах, а в далеких западных землях, которые так же, как и родина мальчика, были полны разнообразных горных долин, достаточно высоких, как и там, где провел большую часть своего детства беглый наследник престола Ринии. Теперь же ему этот престол было не видать – после того, как предатели свергли его отца, они полностью взяли всю власть в тех землях в свои руки и посадили нового правителя на трон, который был ринского происхождения, всех же ариантов, как частенько слыхивал юнец из разговоров старших, они напрочь лишили всяких чинов и положений в обществе страны и даже начали гонения на представителей северного народа, многие из которых были вынужден укрыться в братских землях и в Семиводьи в том числе. Конечно, не все из тех беглецов поселялись именно в Кологарде – семиводские земли были довольно просторными и занимали часть южных склонов Чюдрокских гор и обширные степные, озерные территории на полдень от тех гор, восточные же границы этой страны доходили вплоть до их юго-восточных склонов, за которыми дальше на восход солнца уже открывались просторы Ринии, тянущиеся вплоть до Данайского моря. Всю величественность Чюдрокских гор Таргитаю посчастливилось оценить во время их с матерью и братьями конного побега из столицы рода Сиа через чюдрокские земли к Семиводью. Уже в столь юном возрасте молодой ариант осознал насколько огромным является весь Мероур, до этого же момента он лишь мог представлять, что где-то далеко, за пределами Ринии могли существовать иные земли, населенные интересными людьми, полные всевозможных загадок и диковинных животных. Хотя до двенадцати лет Таргитая практически даже и не покидал пределов города своего отца и не имел даже представления о том, каковы были размеры их страны. Но малец пока еще не знал, какие обширные просторы раскидывались еще дальше в сторону заката солнца. Здесь же, в Семиводьи, для него началась новая страница его жизни, именно тут он осознал, что детство его кончилось и пора было становиться сильным мужем. Отчасти это осознание также пришло и с потерей отца, с которым маленького Таргитая связывали очень сильные и необычные узы: он не был даже столь привязан к своей молодой матери, нежели к тятю, который дарил ему свою безграничную и суровую отцовскую любовь как своему первенцу. Его выющиеся темнорусые волосы, почти такие же как у матери княжича, но покороче – лишь до плеч, и стального цвета очи придавали статному мужчине еще большей схожести с героем какого-нибудь древнего ариантского эпоса, как всегда казалось Таргитаю. Не мог также малец забыть и улыбки своего отца, особенно когда будучи еще совсем маленьким он играясь дергал его за бороду, предвкушая того момента, когда наконец и у него начнет пробиваться первая щетина, дабы еще больше быть похожим на папу. Адвин всегда мечтал, чтобы его сын стал первоклассным воином и достойно занял его место на престоле, а младшие же братья-близнецы ему бы в этом помогали, поэтому и воспитывал наместник Таргитая, Порыша и Спорыша в строгой ариантской воинской традиции, а для постижения ими в равной мере и сакральной мудрости их древних предков он также приставил к ним своего самого доверенного советника – Ульгения, мудрее которого, по мнению Адвина, было не сыскать. Так в юного Таргитая было заложено сразу два зерна – для возвращивания огненного тела и водяной души, становления, соответственно, искусным и велимогучим воем и образованным человеком. Здесь же, в Кологарде, военным

воспитанием мальчика занялся Царь Семиводья Сам, который являлся двоюродным братом Таргитая, но был на порядок старше его самого. Искуснее воина, нежели Сам, в этих землях не было, и он по праву занял престол своего отца Трояна, который уже несколько лет как уехал далеко на юго-запад, где построил величественный град на берегу синего моря, в котором начал править. А со временем, как также слыхивал Таргитай из разговоров взрослых, вокруг того горда разрослось и целое царство.

В один из зимних дней трое братьев уже возвращались со своих занятий военному искусству с Самом и любовались всей снежной красотой, которая придавала и без того сказочному городу еще большей чудесности и живости. Это утро действительно стало сюрпризом для мальчишек, ибо, проснувшись и выглянув в окно, они увидели толстые шапки снега, накопившиеся всего за одну ночь – их радости не было предела. И вот сейчас, завершив свои ежедневные практики, они бежали по просторным круговым улочкам Кологарда и задиристо кидались друг в друга снежками. Дом, в котором они теперь жили находился не так и далеко от военного двора, где тренировались все стражи и вои города. Братьев принял в свой терем сын Сама – молодой Зорян вместе со своей супругой. У них также имелось и двое деток – мальчик Славен и девочка Ильмера, они были помладше Таргитая и его братьев – Славену было пять лет, а его сестренке – всего три годика. Их-то трое юных воинов и встретили на подходе к дому. Оба закутанные в толстые медвежьи шубки детишки походили на косматых медвежат, весело резвящихся в сугробе у ограды. Завидев приближающихся Таргитая, Порыша и Спорыша, они тут же быстро перешепнулись о чем-то, и в руках обоих сверкнуло по комку снега. Успели только близнецы приблизиться к калитке, как в головы им тут же прилетело по снежку – немногочисленная улица заполнилась раскатистым детским смехом. К Таргитаю же младшенькие не решались задирается – все-таки он был старше их обоих более, чем в два раза. Старший же сын Адвина пребывал в прекрасном расположении духа, поэтому не замешкался и заступился за своих младших братьев, зарядив огромным снежком, ибо ручонка у него была уже побольше, в мелких проказников и сразив их обоих в сугроб. Повеселившись вдоволь, все пятеро гурьбой ввалились через порог дома в сени и принялись счищать с себя остатки снега на своих дубленых шубках и вытаптывать снег с валенок. Первым с этим делом справился Таргитай и поторопился скрыться в глубине дома, устремившись побыстрее к добротной вытопленной печи. Он уже было собрался отодвинуть занавес, перегородивший одну комнату от другой, где находилась печ, как вдруг услышал громкие крики – разговаривали взрослые. Таргитай не решился зайти внутрь и прерывать их и принялся ожидать за бархатной шторой. До его уха доносились речи Зоряна:

– О, Боги, Рада! С меня хватит этого всего! – молодой человек уже, казалось, был на пределе. – Мне надоели эти твои вечные: «Принеси то, сделай это!». Я не твой прислужник в конце концов!

– Но я же беременна, Зорян! А ты – мой муж! Ты обязан исполнять мои просьбы, не могу же я все делать сама в таком положении! – голос столь же молодой его жены выдавал в ней не привыкшую отступать от своего женщину.

– О, чем я только думал, когда заключал с тобой этот союз! – воскликнул он с иронией в голосе. – И как я смог вытерпеть рождение первых двоих чад! – на миг он смолк, но, будто что-то вспомнив, сразу продолжил. – Но ты не была такой в те разы, я не знаю, почему ты с каждым разом становишься все ершистее и ершистее!

– Да как ты смеешь так говорить! – из комнаты раздался отчетливый звук пощечины.

– Да поделом это все! Надоело! – взбесился мужчина. – Я может хочу, как настоящий мужчина жить, подвиги совершать, а не этой женской работой заниматься! Сегодня же я уезжаю отсюда! – резко отрезал вдруг Зорян.

– Ну и выметайся давай, катись ко всем бесам! – в порыве злости бросила Рада, хотя наверняка почти сразу же об этом и пожалела, ведь все знали, что она любила его больше

всего на белом свете и не желала на самом деле его ухода. Однако мужчина, по-видимому, уже давно был настроен решительно, ибо ему, вероятно, надоело расплачиваться за ошибку своей молодости столь долго.

Бархатная занавеска марного цвета резко отдернулась и из комнаты словно пуля выскочил молодой человек лет двадцати тр, его светлые стальные глаза были налиты кровью, взлохмаченные земельно-рыжего цвета волосы его придавали ему еще более сумасшедшего вида, при его-то не таком уж и большом росте, вены на его мощных руках, казалось, пульсировали, а кожа на костяшках правой руки была содрана – видимо, в порыве гнева он разломал какую-то деревянную утварь, попавшуюся ему под руку. С такой же темно-рыжей, как и его волосы, щетины мужчины упала капля пота. Зорян, по-видимому, не заметил мальчика, ибо проскочил дальше к сениям, даже не взглянув в его сторону. Было очевидно, что столь накаленная беседа между молодыми супругами длилась не один час, пока наконец терпение мужчины не лопнуло. Распахивая двери, ведущие в прихожую, он ненароком чуть не сбил четверых уже закончивших раздеваться ребяташек, чем немного смутил тех, хотя они особо и не обратили внимания на состояние главы семейства. В тот же день Зорян словно испарился в неизвестном направлении и к вечеру так и не вернулся домой.

Весна 143 г.

В этот первый весенний день в доме, где некогда главою был Зорян, а теперь же эту роль на себе взял его отец Сам, стояла шумная суматоха: все три жены Сама под водительством матери Таргитая метушились по дому в поисках то подходящего по размерам деревянного корыта, желательно целого, то чистых, стиранных пелен или рубах. Сам же правитель Семиводья находился во дворе вместе со своими внуками и юными потомками рода Сиа: Таргитаем и братьями-близнецами Порышем и Спорышем. Жена Зоряна, златовласая Рада, нагая пребывала в остывающей бане и готовилась дать жизнь новому человечку, который уже созрел и был готов войти в этот новый для него, грубый мир. Таргитай еще ни разу в жизни не присутствовал на таинстве рождения нового чада. Конечно, он не мог помнить тот день, когда его родная матушка рожала на свет близнецов, ибо ему было тогда только четыре годика, да и вряд ли он вообще присутствовал при этой мистерии, скорее всего он весело и беззаботно резвился во дворе их родового каменного замка, в то время как его младшие братишки появлялись на свет один за другим: первым увидел лик старой повитухи и своего отца серьезный Порыш, через пять мгновений уже на правой руке Адвина лежал крохотный Спорыш. Сейчас же они оба стояли по левую и по правую руку соответственно от своего старшего брата, облаченные в праздничные яркие одежды, и то и дело теребили его то за один рукав, то за другой, нетерпеливо задавая вопросы:

– А у Славена тоже родятся братья-двойняшки?

– Пока только Богам известно, кого они подарили царю Саму, – наставнически отвечал Таргитай, который после праздника Рожденного Солнца, приходившегося на зимнее солнцестояние, уже начал посещать Храм Вед, где старые длиннородые ведуны Кологарда обучали его древней мудрости, сохранявшейся жрецами храма. Порыш и Спорыш же были еще юны для постижения глубин сакральной мудрости.

Сам же пребывал немного во взволнованном состоянии: то присаживался на березовую лавочку у входа в баньку, то вдруг резко вскакивал – казалось, радость и счастье просто переполняли его на столько, словно это на свет появлялся его сын, а не внук. Спустя несколько мгновений из терема показались жены царя, суматошно спешившие в баню со всем необходимым, за ними спокойным уверенным шагом проследовала закутанная в светлый платок зеленоглазая Мира, которая не замедлила, аккуратно прикрыв двери, скрыться внутри. Вскоре находящиеся на улице мужи услышали, как из глубин бани начали доноситься громкие крики:

Рада начала достигать наивысшей точки наслаждения, давая жизнь новому, спускающемуся с Солнца Богу. Через несколько мгновений раздался последний протяжный возглас девушки, и до уха Таргитая донесся приглушенный, но яркий детский смех. Спустя мгновение двери бани распахнулись и на пороге показалась Мира, ее волнистые каштановые волосы были распущены, на руках у нее, укутанный в старую льняную рубаху своего деда покоился такой же, как и его старшие брат с сестренкой, златовласый с ярко-синими глазами младенец, его детская улыбка придавала ему некой солнцеликости.

– Рада захотела, чтобы ты назвал его Русом, – протянула Мира дитя Саму.

Тот же, трепетно приняв дар Богов в свои объятия и взглянув ему в его глубокие, как море, очи, молвил:

– Нарекаю тебя Русом, отныне таково есть твое имя! – повысив голос на последней фразе, молодой мужчина на вытянутых руках поднял чадо к небу – лицо младенца залили яркие лучи весеннего солнца.

– Он станет великим богатырем! – торжественно добавила зеленоокая молодая повитуха. – Он показал недюжинную силу, когда появлялся на свет.

– Дай посмотреть на братика, дедушка! – сразу зарезвились Славен с Ильмерой. Близнецы также проявили интерес к новорожденному ребенку, ибо все они в первый раз имели счастье наблюдать совсем маленького еще человечка.

– А почему у него какое-то пятнышко на левом боку? – изумился вдруг Спорыш, указывая пальчиком на еле заметное темное образование, размером с соловьиное яйцо, напоминавшее по форме некую птицу. Таргитай заметил, как Мира и Сам многозначительно обменялись взглядами...

Лето 158 г.

Оживленные звуки леса раздавались со всех сторон: можно было различить среди них отчетливое пение соловья, радующегося новому насыщенному событиями дню; жужжание спешащей к улью пчелы, несущей в своих лапках священный для всего ее пчелиного сообщества нектар; кое-где пролетал и здоровый пьяный шмель в поисках лакомого кусочка; с ветки на ветку перепрыгивала кукушка, пытаясь отсчитать возраст каждого дерева, на котором оказывалась, но, всякий раз сбиваясь перелетала на новое; час от часу из чащи слышались удары молота ведущего свои работы дятла по коре многовековых древ в поисках пропитания на день. Под ногами же творилась своя жизнь: из кустов в кусты перебежали пестрые ящерицы, играя друг с дружкой в догонялки, а их старшие собратья, змеи, притаившись в засаде, выслеживали очередную жертву-суслика, не чурались змеи и иногда цапать за ноги проходящих мимо зевак людей, мешавших их охоте. Весь лесной воздух был насыщен ароматами хвои вперемежку с цветочными и ягодными запахами, отчетливее всего чувствовалась жимолость, отдававшая кислинкой. Еще большей загадочности этому летнему лесу добавлял легонький ветерок, который время от времени поглаживал листья дубов и берез, заставляя их перешептываться друг с другом и обдувая расслабляющей прохладой любого встречного, особенно в тот жаркий солнечный день, когда на небе невозможно было найти ни единого облачка. Статный молодой человек в белой рубахе с закрытыми глазами ступал по лесной тропе и наслаждался всею полнотой и обильностью лесной жизни всеми органами чувств за исключением зрения: он мог слышать, как шелестит листва толстенных древ, как пчелки-труженицы переговаривались между собой и как радовались жизни певчие птицы; обонял юноша и всевозможные насыщенные благоухания леса и даже мог прочувствовать парящую в воздухе жимолостную кислинку на кончике языка, которая перекликалась с привкусом хвойного листка; руками же человек обнимал каждое дерево, мимо которого проходил, и гладил мягкий мох своими тонкими пальцами. Его прямые темно-русые волосы шевелюрой спускались до плеч и гармонично сливались с такой же

густой бородой, окутывающей все его горло. Несколько мгновений спустя молодой человек вышел на опушку леса, которая находилась на холме, а снизу до его уха доносились звуки уже человеческой речи. Его веки приподнялись и темно-зеленого цвета глаза юноши глубоким взглядом окинули действие, происходившее под холмом: на поляне у леса столпился огромный сонм народа, все как один были одеты в такие же белые льняные рубахи, как и молодой человек, всевозможные пестрые нити украшали их одеяния. Прекрасные светлые девушки были в длинных белоснежных платьях с узорами цветов и благоухающими венками на головах. Все были босые и, казалось, готовились к какому-то действию. Но молодой человек знал, что это за обряд должен был быть – в день летнего солнцестояния все собирались вокруг заплетенного колохода и устраивали празднество в честь Зрелого Солнца, которое длилось семь дней, всю неделю. Колоход же являлся неотъемлемой частью сего торжества. Он представлял из себя выложенную спиральным лабиринтом из камней тропинку, которая закручивалась в коло и раскручивалась обратно. Иногда же строились и весьма сложные колоходы, которые создавали довольно таки запутанные узоры на земле, и требовалось величайшая концентрация и внимательность дабы пройти сей колоход от начала и до конца. Некоторые же из таких колоходов возводились поистине грандиозными и уже не ограничивались лишь тропой, выложенной из камня, их уже строили высотой с человеческий рост из мегалитов, что делало их еще куда более таинственными, особенно если смотреть на них сверху. Это-то про себя и отметил молодой человек, находясь как раз на возвышенности, над поляной, где и был сооружен как раз один из таких редких, необычных колоходов. Вдруг в толпе людей юноша разглядел до боли знакомые, родные нежные черты лица русоволосой девушки. Даже очи ее он смог опознать из сотни иных глаз: небесно-голубого цвета, переливающиеся оттенками серебряного клинка.

– Таргитай! – вдруг громко крикнула она, тоже опознав своего возлюбленного. И они бросились на встречу друг другу: юноша – стремглав налегке спускаясь с холма, а девушка – расталкивая людей на пути, которые вовсе и не думали возмущаться, что их так, немного дерзко, обходит некая девица.

С Зариной Таргитай познакомился еще давно, будучи двадцатилетним юнцом, она же была тогда младше его лишь на год, но всегда относилась к нему, как к намного старшему и поражалась глубине его знаний. Их первое знакомство состоялось в Храме Вед, куда еще молоденькой девочкой Зара пришла со своим старым ослепшим отцом. Таргитай же уже в те годы был молодым учеником жреца при храме и взял молодую девушку на свое попечение. Он стал для нее настоящим учителем и наставником и всегда относился к ней, как к своей ученице. Девочка же в тайне от него хранила свою любовь и боялась признаться юному жрецу в своих чувствах. В те юные годы молодой человек еще не думал всерьез о женитьбе и о построении семьи, он решил полностью отдаться любимому делу – жречеству. Хотя в детстве он и провел большую часть времени за упражнениями в воинском мастерстве со своим учителем – Самом, и даже преуспевал в этом деле. Сам не раз говорил его матери, что из него вырастет отменный воин, ибо в нем, как и в роду Трояна, текла кровь самого Имира. Но, возмужав, Таргитай все же выбрал для себя другой путь. Его начали привлекать ведовские ритуалы, которые он часто наблюдал в исполнении жрецов Храма Вед, при котором обучался древней мудрости. И решил остаться в храме и по завершению обучения. Таргитай не ведал, были ли такие храмы на его родине, в далекой Ринии, ибо даже не мог уже и вспомнить тех золотых детских лет, проведенных на берегах реки Златы. Единственное, что осталось от детских воспоминаний юноши – образ его отца, Наместника Ринии Адвина, коим он навсегда и запомнился еще маленькому мальчику. Мать же Таргитая спустя несколько лет по прибытии в Семиводье вынуждена была вернуться на свою родину – в Чюдрок, когда окончательно уверилась в том, что в Кологарде ее сыновьям уже ничего не грозило и там они были в безопасности. Она была вынуждена пойти на такой шаг, ибо преследователи рано или поздно по ее местонахождению вычислили бы и ее детей. Таргитай не обвинял свою мать и не обижался на нее, он прекрасно понимал, что так

было нужно. Когда же он повстречал Зару, то сразу заметил в ней что-то знакомое, напоминающее ему свою родную мать. Зарина была чиста и целомудренна и, по мнению юноши, была одной из самых идеальных невест всего Семиводья. Поэтому, чувствуя себя старшим братом для нее, он всегда относился весьма подозрительно ко всякому, кто приходил свататься к ней. Отец ее умер через год после того, как они прибыли в Кологард, и теперь кроме Таргитая у нее совсем никого и не было. Зара же расценивала эти его действия, как намек на то, что она ему была небезразлична как девушка. Со временем юноша и сам начал понимать, что у них было достаточно много общего: Зарина всецело разделяла жизненную позицию Таргитая, и он даже признавался порой самому себе, что именно о такой жене он всегда и мечтал. Но для начала он хотел крепко встать на ноги, а уже потом заводить семью. Теперь же, будучи двадцативосьмилетним парнем, молодой человек все-таки решился сделать Заре предложение на праздник Зрелого Солнца. Юноша понимал, что идеальнее жены для него и матери для его будущих детей ему было не сыскать, и что, возможно, это действительно была его судьба.

Наконец поравнявшись с возлюбленной, Таргитай заключил ее в крепкие объятия закружил в воздухе – яркий девичий смех раскатился по округе, но никто из присутствующих на праздновании не обратил на них внимания, ибо каждый был занят прояснением своих любовных отношений. Когда же все разбились по парам, главный жрец праздника попросил всех выстроиться в очередь у входа в колоход, в который поочередно юноши и девушки, держась за руки, должны были начать заходить, когда другой волхв принялся играть на причудливом музыкальном инструменте, представляющем из себя надутый мешок из шкуры животного с несколькими трубками, в которые, набирая полные легкие воздуха, играющий дул, выводя растяжную мелодию, погружающую всех присутствующих в дрему. Когда очередь наконец подошла к Таргитаю, жрец протянул ему длинную деревянную поварешку с неким волшебным питьем. Молодой человек пригубил снадобья и ведомый впереди стоящей девушкой скрылся в таинственных коридорах колохода, таща за собою, проделавшую ту же процедуру Зарину. Чередующиеся плавные и резкие повороты колохода заставляли юношу все глубже и глубже погружаться в дремучее состояние, уже через несколько мгновений ему захотелось опустить свои веки и полностью отдаться движению хоровода по причудливым закоулочкам колохода. В глазах пестро поигрывали всевозможные цвета, но Таргитай отчетливо начал ощущать, что солнце начало все ближе и ближе клониться к линии горизонта, преобладающие ярко-алые огоньки сменились марными фиолетовыми отблесками, на мгновения проскальзывали и резвые, словно вспышка молнии, небесные цвета, которые тотчас же сменялись насыщенными зелеными красками и желтой точкой, которая как горошек скатывалась откуда-то сверху, уходила вниз, за переносицу и опять появлялась наверху, так повторяя свое движение до очередной вспышки. На фиолетовом фоне рисовались причудливые розовые картины и порой даже радужные разливы, но с большим заносом в темную, ультрафиолетовую, сверхмарную часть. Спустя неопределенное время Таргитай вдруг начал чувствовать, что не может ощущать земли под ногами: казалось, словно при каждом последующем шаге ноги его ступали все выше и выше, а под ними ощущалось некое мягкое и приятное, будто вода, пространство. Несомненно, эти ощущения было знакомо молодому человеку, ибо не первый раз участвовал он в колоходах на подобных праздниках. Но с каждым таким разом эти незабываемые ощущения усиливались, и открывались все новые и более яркие краски в осознании всего действия. Вскоре ощущение легкости наполнило все его тело, и он уже был готов открыть глаза – сплетаясь в причудливый узор все люди кружились в таинственном хороводе, паря в воздухе на высоте в сажень над колоходом. Внезапно Таргитай почувствовал, как девушка впереди него потянула его куда-то наверх, еще выше чем он был. С любопытством новорожденного ребенка юноша принялся вглядываться в другие части заплетенного хоровода и начал замечать, как некоторые из людей так же стали взмывать выше в воздух, нежели другие, при этом образовывая уже объемный хоровод, который продолжал свое плетеное движение, рисуя хитросплетенные круги

уже не на плоскости земли, а в трехмерном пространстве. Вскоре весь этот объемный хоровод принял форму шара и Таргитай начал различать как по контуру этого шара начало излучаться сначала приглушенное, но становящееся все ярче и ярче с каждым мгновением марное свечение, которые начало укрывать собою всю округу, освещая дремучие леса. Юноша уже полностью погрузился в дрему и теперь мог даже наблюдать со стороны как выглядел их трехмерный, шарообразный хоровод со всевозможными сплетениями и переходами – этот огромный светящийся фиолетовый шар уже висел высоко над южными склонами Чюдрокских гор. Марное свечение, казалось, можно было наблюдать уже из любой точки Семиводья, но, скорее всего, даже потому, что таких хороводов в ту ночь взмыло над всеми степными и горными просторами страны сотни и тысячи. Теперь, находясь на достаточной высоте, Таргитай мог отчетливо разглядеть светлые очертания северных полуночных земель, все величие белых морей и рек, а также и всю окутанную тьмою таинственности полуденных южных территорий и созерцать глубины черных морей и впадающих в них рек. Необъятность просторов просто завораживала. Зара, казалось, думала о том же, о чем и молодой человека, ибо ее глаза передавали точно такие же переживания, какие испытывал в тот момент в своей душе и Таргитай. Неожиданно где-то на юге промелькнуло еле заметное червонное свечение. Это привлекло внимание юноши, и он решил посмотреть, что же это такое необычное было, чего он еще никогда доселе не видывал: далеко на юге высоко в темном небе сплелись в ядовитый клубок две ярко-алые огромные змеи, которые кусали друг друга за хвосты и невыносимо шипели – кто-то проводил темный хоровод. Вдруг, заметив Таргитая, одна из змей оттолкнула голову другую, и они уже вместе на мгновение ока уставились на молодого человека и внезапно резким движением рванули к нему издавая еще более ядовитые шипения, словно были разгневаны чем-то...

Очнулся молодой человек ранним утром, когда птички начали уже выводить свои райские мелодии, а пчелки опять устремились на цветочные луга за очередной порцией золотой добычи. Все вокруг еще спали, обнявшись парами, прямо на поляне, где вчера произошло празднество. Зарина сладко зевнула своими алыми губками, устроив головку поудобнее на груди Таргитая, но еще, по-видимому, не думала просыпаться. Таргитай приобнял возлюбленную и поцеловал ее в лобик – этой ночью они открылись друг другу...

Осень 159 г.

На центральной площади Кологарда, прямо у царского терема столпились огромные сонмы народа. Так как город сей будучи столицей всего Семиводья не был таким маленьким как иные, то и на вече собиралось немало копных мужей, тем более, что были и те, которые приезжали с посланиями или прошениями в стольный град от своего вече. По обычаю, вокруг костра этим вечером сложили несколько кол из березовых лавок. На лавах в ближнем к огню кругу восседали царь Сам, его верные советники и многомудрые старцы-волхвы, а также жрецы из главного храма города – Храма Вед. Места в среднем кругу занимали все достойнейшие главы своих родов, которые имели право называться роданами – копными мужами, что указывало на их здравомыслие и компетентность в решение вопросов, выдвигаемых на уровень копы. Третье же коло составляли главы менее слабых родов, которые были не столь успешны в поддержании достатка в своем роду, но тем не менее право голоса на городском вече они также имели, а вот на державном уровне учитывались только решения, принятые исключительно копными мужами, которые доказали обществу свою состоятельность и рассудительность. Царь должен был прислушиваться к мнению копы и в обязательном порядке исполнять возложенные этой самой копой на него задачи, советники же его лишь могли подсказать ему мудрой мыслью по поводу того, каким образом можно было бы лучше и добротнее выполнить ту или иную задачу. Старцы же на вече решающего голоса не имели, но к их слову прислушивались и их совета спрашивали в необходимых случаях, они также, подобно и жрецам, следили

за тем, чтобы вече проходило в согласии с древними конами и его ход не нарушался. Гостям же с ходатайствами и посланиями из иных волостей и весей всегда были отведены места среди копных мужей, ибо в стольный град могли послать только надежного человека, с хорошей репутацией, таким образом он зачастую являлся главой одного из достойных родов тех мест, откуда прибывал. И обычно же, когда на стольном вече присутствовали гонцы из других волостей и весей, то это, за исключением, конечно, экстренных и чрезвычайных случаев, уже являлось державным вече, на котором обсуждались вопросы касательно продвижения дел во всей державе. Такие вот посланники еще во время их поездок в стольный град по каким-то важным заданиям были обеспечены всем необходимым из мирской казны: в какой бы город они не явились по надобности, там их обязаны были накормить, дать кров над головою и предоставить им возможность заниматься своим делом, которое, конечно же, должно было идти на пользу всей веси, волости или державе.

Вот так и в тот осенний вечер на главной площади у колокольни Кологарда собралось очередное вседержавное вече, и оттого там присутствовало так много народу, что собрались и мужи из других волостей. Особенно важным было поднятие вопроса безопасности границ страны, которые за последнее время довольно часто нарушались войсками южного правителя. Вече уже было в самом разгаре и Сам с одобрения копы уже вынес немало мудрых решений касательно дальнейшего державного курса и планирования по таким вопросам, как: благосостояние народа, что касалось накопление добра и распределение его в городских и родовых общинах волостей; опять-таки безопасность для тех весей и волостей, что находились на рубежах с южными землями; построение новых храмов и основание новых поселений в степных местностях страны и другие насущные дела. Где-то в середине второй части вече, которая уже проводилась под покровами темноты, когда лишь костер в центре площади освещал лица копных мужей, очередь молвить свое слово наконец дошла до взволнованного мужчины средних лет в украшенном золотыми нитями коричневом кафтане:

– Уважаемые копные мужи, роданы, – начал он, выйдя на центр, – Твое Сиятельство, царю! – повернулся он и к Саму. – Здравия вам всем! – обвел он рукой присутствующих на вече. – Я прибыл из небольшого городка, расположенного на берегах Касского моря. Я являюсь представителем одного из мощных родов тех земель и прискакал я в стольный град, в такую даль для того, чтобы сообщить о бесчинстве и беззаконии, которые происходят в нашем городке и распространяются по округе.

– Что ж, поведай, родан, нам о несчастье, постигнувшем твою весь, – кивнул белобрысой головой Сам, который теперь с отпущенной белесой щетиной и собранными в хвост длинными кучерявыми волосами стал более походить на опытного, мудрого правителя и могучего богатыря, коим он и являлся.

– Давеча, несколько недель назад, в наше местечко прибыли заморские купцы. Лады их были выполнены весьма добротнo, и на первый взгляд мы и не могли подумать ничего дурного о наших гостях. Конечно, явились они слишком спонтанно и неожиданно для нас, но вскоре показали себя с самой лучшей из своих сторон, и мы согласились приютить сих людей. К тому же они привезли с собой с полуденных берегов Касского моря диковинные товары на обмен. Так торговались они с нами три дня на ярмарке, которую князь нашей волости не преминул устроить по данному поводу. В третью ночь же проснулись мы от переполоха великого – гости наши похватили свое оружие, неведомо откуда взявшееся у них, и захватили князя с его семьей в его же доме, что на холме возвышается над городом. И вот уже третья неделя идет, как они грабят наш город и всю волость. Оказались те заморские купцы, как мы осознали потом, разбойниками, прибывшими из южных земель. Посему просим мы всей волостью помощи твоей, царю, ибо не ведаем даже того жив ли наш князь или уже казнили его захватчики, – завершив доклад, человек упал на колени подле Сама и ударил челом оземь.

– Поднимись! – строго ответил правитель и встал, выпрямившись во весь свой немалый богатырский рост. – Я тотчас же отдам приказ и отправлю часть своего войска с тобою в обратный путь, человеце, и выедете вы завтра на рассвете! – громко объявил царь, потом подошел к послу от волости и уже обычным голосом спросил. – Были ли те пришельцы инородцами или нашего рода-племени?

– Глаза их были черны, а кожа смугла, но Золотой речью владели они неплохо, – взволнованно протараторил посланник. Лицо царя на мгновение приняло задумчивое выражение, и он продолжил:

– Что же, сие уже есть нарушение нашей державной границы! Давно уже никто не решался нарушить целостность порубежных земель Семиводья, следует преподать преступникам урок! – глас Сама звучал величественно, как того и подобало настоящему царю.

Внезапно, стоявший все это время за пределами последнего круга роданов и наблюдавший за происходившим статный златовласый юнец начал бесцеремонно расталкивать всех локтями дабы пробраться к центру площади, где стоял его дед. Сам сразу же узнал в этом амбициозном и упрямом парне своего внука, который будучи еще довольно юным не имел права присутствовать и гласить на собраниях копы. Русу только недавно стукнул шестнадцатый год, но он уже проявлял недожинную сноровку в военном искусстве и намного опережал всех своих сверстников. Своим могучим телом он уже походил на былинных богатырей и героев, но его еще гладкий подбородок и по-детски синие глубокие глаза выдавали его истинный возраст. Рус, будучи царского рода, всегда рос с осознанием того, что ему должно быть дозволено немного больше, чем остальным его одноклассникам, которые обучались вместе с ним военному делу. Еще с восьми лет он начал твердо держать меч в руках и уверенно сидеть в седле, но чем старше он становился, тем больше росла его сила и к четырнадцати годам уже ни одна лошадь и ни один конь не могли удержать на себе веса юноши. Именно благодаря своей такой необычной силе он и ощущал свое превосходство над другими своими сверстниками и считал это наследием, которое досталось ему от великого царского рода, к которому он принадлежал. Хотя в сих землях уже несколько сотен лет не рождались такие поистине могучие богатыри. И мощь Руса заключалась даже не в объемах его мышц, которые хоть и были в форме, но не придавали ему вида огромного неповоротливого медведя – все пропорции сочетались в юноше идеально. Сила его крылась еще, видимо, и в необычайно крепком духе его, который и подпитывал парня. Все это Рус унаследовал от своего отца – Зоряна, а от матери же ему достались, как юноше бывало рассказывал дед, необычайно красивые синие очи с длинными ресницами и золотистые волнистые волосы. Сам же Рус свою маму уже и не помнил, ибо потерял ее еще в детстве – она погибла во время прогулки со своими детьми, когда на них напал дикий зверь. Весь удар на себя приняла самоотверженная мать, успев лишь крикнуть Славену, чтобы он хватал своего младшего брата и бежал. Царь Сам, потом, конечно, поехал в горы и разобрался со зверем, подобных которому в этих местах не видывали уже много лет доселе. Так Рус воспитывался лишь своим дедом Самом и братом Славеном. Сестру же Ильмеру он тоже уже практически и позабыл, ибо, как только ей исполнилось двенадцать лет, Сам решил отправить ее обучаться женскому знахарству к жрицам Озерной долины, что в просторных степях Семиводья. Так Рус не по дням, а по часам вырос велимогучим богатырем, подобно своим предкам. Женского же воспитания у него и вовсе не было, от чего, возможно, он и стал таким грубым и упрямым юношей, который не церемонился ни с кем и был слегка горделив, но эту его гордыню мог усмирить лишь Славен, который сумел привить богатырю с детства чувство совести, которое и не позволяло Русу стать заносчивым и самодовольным воином, который мог в одиночку разбросать уже в свои шестнадцать небольшое сторожевое войско, что он и намеревался сделать. И об этом своем намерении он и хотел сообщить деду на вече, нагло расталкивая собравшихся копных мужей, дабы пробраться к середине.

– Я готов идти в поход к Касскому морю! – выкрикнул он из толпы, еще не приблизившись к центру площади, люди же шарахались от него в стороны, ибо ведали, что его самый легонький толчок рукой мог значительно покалечить попавшегося на его пути зеваку.

– Что? – удивленно воскликнул Сам. – Ты не должен здесь... – хотел было возразить правитель, ибо никогда не желал выделять своего внука среди других юношей уважаемых родов Семиводья и давать ему какие-то привилегии, но громогласная речь юноши заглушала голоса всех присутствующих на вече:

– Я смогу разделаться с разбойниками одной левой, дед! – самоуверенно заявил молодец, уже наконец высвободившись из толпы и очутившись в центре внимания. – Сколько их там засело? – обратился он к гонцу, не дав царю даже возразить ни слова.

– Э-э-эм... – замялся посланник, – порядка полсотни, – неуверенно заявил тот.

– Дайте мне только дюжину воев и одну ладью, – обратился к копным мужам Рус. – Мне этого хватит, – коротко отрезал юноша.

– Ты еще юн для таких походов, – сурово запротестовал Сам не столько из-за заботы, ибо в действительности он не сомневался в силе внука, сколько из-за того, что никак не хотел нарушить сложившиеся за тысячелетия коны, за почитанием которых следили беспристрастные старейшины. – Я – царь и твой дед, и я запрещаю тебе участвовать в этом! – строго заявил правитель, он был серьезен и строг как никогда.

На мгновение над площадью нависла тишина, лишь успокаивающее потрескивание дров в костре и пение сверчков разряжало обстановку. Рус не собирался так просто упускать свой шанс проявить себя впервые как настоящий и полноценный воин:

– Копные мужи! – сделал он многозначительную паузу, обведя всех присутствующих своим, кажущимся не таким уж и юным, взглядом. – Я обращаюсь к вам, ибо вы – копа, и вы вынесете окончательное решение. Рубежи нашей державы были нагло нарушены каким-то чужеземным племенем! Те люди пришли и захватили одну из наших волостей, у них хватило сил одолеть войско тамошнего князя и пленить его! Всего с полсотни разбойников уже третью неделю держат не только весь, но и большую часть волости в подчинении. Представьте себе, насколько могучими являются они воинами и насколько мощным должно быть их вооружение, чтобы их до сих пор никому не удавалось выгнать из тех земель. И я не думаю, что, послав на битву пускай даже и многочисленную дружину, вы не избежите крупных потерь! Вы хотите этого? Желаете, чтобы ваши братья, сыновья, внуки, которые, быть может, и окажутся теми дружинниками, коих направят в поход, не вернулись вовсе? Мне же хватит лишь дюжины воев, которых я отберу сам, дабы завершить все это беззаконие! Многие из вас ведают, какой силою обладаю я, – молодец взглянул на своего деда, – посему прошу вас, чтобы вы позволили мне возглавить сей поход, и клянусь вам: каждый из двенадцати дружинников вернется домой живым и невредимым.

Когда юноша закончил свою речь, копные мужи и старейшины начали оживленно переговариваться между собой и в воздухе повис гул. Спустя некоторое время все совещающиеся замолкли и один из них поднялся с места и обратился к царю:

– Твое Сиятельство, копа с одобрения старцев приняла решение: мы считаем необходимым послать сего юнца, не смотря на его лета, в поход против захватчиков.

Рус опять повернулся к Саму и заметил сильное неодобрение на его лице, которое при этом выражало и смирение:

– Что ж, раз копа решила, то так тому и быть! – с печалью в голосе произнес правитель.

Утро в этих местах было довольно туманным. Да и сам воздух на протяжении всего дня казался каким-то влажным. Все это было весьма непривычно для Руса, да и, скорее всего,

для его спутников. Ведь там, откуда они прибыли, такая погода была редкостью, хотя высоко в горах бывало и выпадали туманные деньки. Но, все-равно, молодой воин ощущал некий дискомфорт находясь в совершенно иных землях, хоть они и были частью его страны. Это был первый поход юноши и вообще его первый выход за пределы долины, где располагался Кологард. В это раннее утро Рус уже бодрствовал, ибо не мог полноценно выспаться здесь. Возможно, все дело было в том, что находились они сейчас в низовьях реки, совсем недалеко, в паре верст, от моря, отчего, как казалось парню, и было столько влаги вокруг. Даже росы на траве было столько, что ее можно было в буквальном смысле пить. А когда босыми ногами тем утром он ступал по зеленому ковру, устилающему землю, то чуть ли не по шиколотку утопал в воде. Юноша стоял, обратившись лицом к виднеющемуся вдаль Касскому морю. За спиной его, на востоке, солнце еще и не думало показываться, хотя было уже довольно светло вокруг. Неподалеку в разбитом шатре еще похрапывали двенадцать воинов, отобранных лично Русом для данного похода. Критерии, которыми довольствовался молодец при выборе своих спутников не были многочисленными: во-первых, это были только те ребята, которых он сам лично хорошо знал и в силе духа которых не сомневался; во-вторых, они должны были побороться с ним, и, конечно же, одолеть Руса в честном бою один на один ни у кого не удалось, но тем не менее юноша мог оценить у кого какая хватка и кто был ловчее и притче иных. Также в этот военный поход с Русом отправился и его старший брат Славен, которому на тот момент уже было двадцать два года, и он уже мог участвовать в таких мероприятиях, как полноценный воин. На самом деле Славен не особо любил воинское дело и никогда хорошим воином и не был вовсе. Его увлекала совершенно иная стезя – он еще с детства поставил обучение военному искусству на второй план и отдал предпочтение изучению мудрости и углубился в науку мысли. Но еще будучи ребенком, когда умерла их мать, он дал себе обещание, что никогда не бросит Руса и будет всегда ему верным наставником и помощником. Именно поэтому он отправился на юг вместе со своим братом. Была и еще одна причина – их дед Сам настоял на том, чтобы за старшего был Славен и присматривал за вспыльчивым и бесшабашным, чересчур самоуверенным мальцом. Так Славен убил сразу двух зайцев: и поручение деда выполнил, и свой обет сдержал. Он был полной противоположностью своего младшего брата: спокойный, уравновешенный и не по годам умудренный он все же больше походил на свою мать. Даже волосами различались юноши: безмятежный Рус обладал вьющимися волосами, ниспадающими на плечи, Славен же носил прямые, но такие же золотистые, как во всем их роду, власы, которые подобно деду подбирал в короткий хвост на затылке. Большой серьезности ему придавала и его недлинная, но густая борода. Так в этом тандеме двух братьев если Рус несомненно был силою, то Славен мог по праву считаться разумом. В то утро он тоже как ни странно проснулся раньше остальных и, найдя своего братца на поле на вершине холма глядящим в морскую даль, подошел к нему. Откуда-то снизу доносился периодический стук дерева о камни – это была небольшая ладья, на которой воины спустились по реке из горных долин в низовья. Теперь же она стояла пришвартованная к берегу и видимо и ударялась из-за течения реки о прибрежные подводные камни.

Рус очередной раз втянул носом запах свежей травы и уселся на склоне холма. Он даже и не заметил, как сзади к нему подошел Славен.

– Зря ты все-таки, братишка, затеял этот поход в одиночку.

– А? – резко повернул голову юноша. – Это ты, Славен, – улыбнулся он, узнав брата. – Что теперь говорить – мы уже здесь. Да и что тебя так смутило-то, а, братец?

Славен опустил на траву рядом со своим братом и продолжил:

– Ты же сам видел, что все местечко обнесено каменной стеной в две сажени, да и захваченный разбойниками дом князя мало того, что находится на возвышенности, так и еще тоже окружен частоколом. Рус, это – почти неприступная крепость. Я боюсь, как бы ты не сгубил двенадцать семиводских витязей, да и сам не погиб в сражении, – его голос звучал взволновано.

– Их всего с полсотни людей, – усмехнулся юноша, – я же и не стольких могу запросто раскидать.

– В честном бою, Рус, в честном и равном. А здесь, – махнул Славен в сторону моря, где располагался городишко, – у них явное преимущество, да и будут ли они, эти преступники, сражаться в честном бою!

– И что ты предлагаешь, брат? Уйти и вернуться в Кологард ни с чем, с позором?

– Нет, братишка... Есть у меня одна мысль касательно сего, – задумался Славен.

– Какая же?

– Я, кажется, читал когда-то об этом племени акалианцев. Они давно пришли с западного полуострова Акалиании и осели в южных землях и ведут полудикий образ жизни, отчего у них и нету единого правителя или князя. Они сами по себе, живут стаями, подобно волкам. И в каждой такой стае есть свой вожак.

– И что же? – перебил уже потерявший терпение Рус своего брата.

– А ты слушай дальше! – строго заметил Славен, – Хоть и живут они разрозненно, но есть у них один обычай, который почитаем во всех стаях: тот, кто сумеет одолеть вожака, сам им и становится. Это выгодно и для них самих – встречаются две такие стаи, скажем, и один из вожаков убивает другого и становится главарем уже двух стай, которые объединяются в одну, более мощную.

– То есть ты предлагаешь прийти к ним не как семиводское войско, а как такая же шайка? – осенило вдруг юношу и на его лице заиграл румянец. Солнце тем временем уже начинало краснеть на горне.

– Только так у тебя появится возможность сразиться с ними в честном бою и без значительных потерь для обеих сторон.

– Особенно для их стороны! – развеселился юнец.

Вожак инородного племени выглядел довольно огромным и мощным воином, что заметно выделяло его на фоне остальных членов его стаи, хотя они тоже всем своим видом выглядели устрашающе. Что делало главаря еще более страшным, так это угрожающие татуировки, которых было значительно больше, чем у его сородичей на его теле и остриженной наголо голове. Все эти узоры извивались причудливым образом, словно пародируя телодвижения пустынных змей и повторяя те рисунки, что они оставляли после себя на раскаленном песке. Песку же подобно была такая же медного оттенка кожа пришельцев, которые сейчас столпились во дворе княжеского дома, полностью окружив прибывших к ним воинов, не догадываясь о том, кем они являлись на самом деле. Рус же и их вожак находились в самом центре, который был специально очерчен для проведения поединка между двумя главарями. Юноша оценивающе проводил взглядом по своему конкуренту и отдал должное многочисленным шрамам на руках и лице соперника, поверх некоторых из них даже не росла безобразная смоляная щетина дикаря. Такие же черные его глаза сверкали злобой, его соплеменники поддерживали его какими-то непонятными улюлюканьями на своем языке, хотя и Золотой речью они владели недурно, что не без удивления отметил про себя юный богатырь. Его противник расхаживал по имитированному рингу словно павлин и заводил толпу своих поклонников. Его бесстрашие или безрассудство еще подчеркивалось и тем, что никаких доспехов на нем и в помине не было: лишь грубые, сшитые из кожи некоего животного штаны, торс же его был полностью обнажен. Неожиданно вожак дикарей наглой походкой, словно являлся хозяином всех тех мест, подошел к Русу и ткнул указательным пальцем в червонные латы юноши, намекая на то, что он должен был их снять. Главарь чувствовал себя действительно вальяжно и явно считал, что преимущество было на его стороне, ибо он даже не удосужился произнести свою просьбу на Золотом

языке, а обратился к богатырю жестом, словно тот был холопом или недалеким человеком. Самолюбие Руса было задето, но он тем не менее удержал себя в руках и послушно снял всю свою броню, оставшись в плотных просторных штанах и рубахе. На мгновение ему даже стало жалко и своей расшитой рубахе, поэтому он решил на всякий случай снять и ее, отдав одному из своих дружинников и обнажив свою мускулистую грудь. Вожак тем временем не церемонился, и как только Рус оказался без одежды сразу же зарядил ему первый удар по ребрам. Такое бесчестие уже полностью вывело юношу из себя и, выпрямившись, претерпевая боль, он набросился на противника со всею накопившеюся ярью. Такого ожесточенного и длительного поединка не видывали давно даже сами разбойники, ибо их главарь всегда довольно быстро одерживал победу над своими соперниками, выводя их из ориентации первым же, но мощным и неожиданным ударом и затем сворачивая им голову. Но Рус был не из робкого десятка, и, став лучшим на своей родине, он наконец нашел себе противника по силе, настоящего конкурента, который все же не всегда придерживался правил честного сражения.

Уже около часа длился их бой, но сдаваться не собирался ни один из них. Лицо и тело юноши уже украшали всевозможные ссадины и кровоподтеки, не меньше отхватывал от тяжелой руки богатыря и чужеземец. Внезапно Рус почувствовал, что его противник начинает терять свою мощь и его удары начали ослабевать. Собравшись со всеми оставшимися силами, молодой воин навалился на разбойника и повалил его наземь, прижав его своим же весом к земле и обездвигив – противник был повержен, это была справедливая победа. Зрители, наблюдавшие за сражением, одобрительно заулюлюкали, намного меньше оказалось недовольных результатом поединка. Рус встал с проигравшего и подал ему руку, тот уже полностью обессилев вцепился правой рукою в предплечье богатыря, но неожиданно кто-то из толпы выкинул кинжал на землю рядом с противниками – вожак не думал так просто отдавать свое лидерское место – свободной рукой он схватился за рукоять и воткнул кинжал в бок юноши. Все произошло слишком быстро, Рус даже не успел ничего осознать, как вдруг ощутил резкую боль в боку. Опустив свой взгляд, он видел, как фонтан крови начал хлытать из глубокой раны. Богатырь упал на локти, вожак же тем временем, уже набравшись сил, встал и занес кинжал над головой Руса. Молодой воин собрал всю свою последнюю волю в кулак и несмотря на режущую боль резко приподнялся и головой протаранил грудь главаря свалив его на землю. Удар затылком на время оглушил дикаря, кинжал отлетел куда-то в сторону. Выпрямившись, Рус подошел к телу соперника и упал на колени рядом с ним – сердце главаря еще билось – он был жив и его веки начали медленно приподниматься. Рус уже пылал ярью и что было силы замахнулся своим массивным кулаком – раздался хруст костей – черепная коробка дикаря треснула и по его лбу медленно побежала бурая струя крови. Юноша наклонился к уху еще живого чужеземца и шепотом промолвил:

– Так будет со всяким, кто придет в наши земли.

Неожиданно главарь, явно сквозь боль, но с огромными усилиями, прошептал на Золотом языке:

– Ты одолел меня... но Зохак... уже рядом... – с этими словами дикарь испустил дух. Его же соплеменники восторженно закричали что-то на своем языке, а потом и перешли на тот, который могли понимать все. Один из них вышел к Русу и помог ему подняться.

– Теперь ты наш вожак! – молвил он. – Веди нас о, сильнейший из волков! И прими этот дар – коня, обуздать которого будет под силу лишь тебе! – чужеземцы расступились и за узду вывели поистине крупного и массивного вороного скакуна, принадлежавшего ранее предыдущему вожаку. Рус, отказавшись от помощи, залез на спину подаренного ему скакуна и с неприкрытым удивлением и радостью отметил, что тот сумел выдержать его на себе. Юноша схватил своего коня за гриву, прищпорил его и стремглав помчался к морю, заставляя людей в панике разбегаться:

– Несись, Рах, несись! – склонился парень к уху жеребца. – Теперь мы вместе до скончания времен!

Весна 163 г.

Наконец-то этот день в жизни Таргитая настал. Все свои тридцать три года жизни он шел к этой цели и вот сегодня он все же должен был пройти посвящение и стать полноценным жрецом. Уже полгода отсутствовал молодой человек дома и пребывал в горах далеко на востоке от города, в котором вырос и прошел обучение. Еще осенью прибыл ученик старого жреца Храма Вед в эти далекие от Семиводья земли. По достижению определенного возраста любой достойный ведун мог пройти посвящение и принять титул жреца, дабы хранить и передавать мудрость при каком-либо храме, зачастую именно в том, где и проходил свое обучение. Для Таргитая это было чем-то особенным, он как никто другой с самых ранних лет своего нахождения в Семиводьи понял, что именно этому он должен был посвятить всю свою жизнь – нести свет вед людям, призывая их к миру, а не к вражде. В последнее время именно козни и злобы наполнили сердца большей части людей за пределами Кологарда, даже в самом Семиводье внутри одного племени могли возникнуть разногласия, которые в свою очередь приводили даже к междоусобным битвам. Конечно, войнами это назвать было сложно, ибо все же никто не осмеливался покуситься на целостность державы, но тем не менее обстановка становилась все более и более накаленной. В детстве, живя еще в Ринии, Таргитай и подумать бы не мог, что когда-либо столкнется со столь суровой правдой жизни – ему казалось, что он жил в абсолютно чистом обществе, что в Меровуре не было места вражде, и что его окружали кристально честные люди, которые не таили внутри себя никакого злого умысла. Эта твердая детская вера в бесконкурентное добро была разрушена в довольно раннем возрасте – предательство местными управителями его отца Адвина и убийство его заставили еще маленького мальчика совершенно по-иному взглянуть на реальность. О своем золотом детстве юный наследник ринского престола помнил немного, но два противоборствующих воспоминания засели в его детской душонке глубоко: искренняя улыбка его отца, которого переполняла радость при каждой встрече с маленьким сыном, и смерть Адвина на собственном троне. Эти два образа никогда не покидали подсознания маленького человечка и их он сохранил в своей голове аж до зрелых лет, стоя именно в этот момент посреди бескрайних горных лугов и прокручивая эти воспоминания в своей голове с преднамеренной детальностью – Таргитай от всего сердца желал понять, что же двигало теми людьми, которые столько лет могли выдавать себя за близких друзей, но в итоге всадить нож в спину. «Что могло заставить человека изменить своему обету и своей чести?» – этот вопрос не давал покоя молодому ведуну.

Находящееся в чистом небе в зените солнце прогревало землю совсем слегка, несмотря на то, что со стороны могло казаться, будто всю уже цвела и благоухала всеми возможными цветочными ароматами весна. В этих местах теплые времена выдавались только в отдельные летние сороковники – ныне же на склонах некоторых гор еще лежали толстые шапки снега. Долина, в которой сейчас пребывал Таргитай, являлась одним из самых его излюбленных мест в этих горах. Местные жители называли ее долиной Ярл, а все из-за необычайного обилия удивительных цветов, красоте и запаху которых можно было внимать буквально на каждом шагу на просторных лугах сей долины, окруженной с трех сторон не менее причудливыми горами. На некоторых их склонах до сих пор лежал снег, но большая их часть уже была раздета и Таргитай мог часами наслаждаться пестрым разнообразием красок, которыми отдавали, возможно, диковинные породы составляющие сии горы, которые отнюдь не были поросшими многовековыми дремучими лесами и пушами, подобно иным горам в округе. Именно эта экзотическая загадочность тех мест и привлекала молодого человека более всего, из-за чего все свое свободное время он старался проводить, изучая каждую ровную сажень этой долины. Самый

ближайший поселок от сих мест находился далеко на северо-западе, за лесистыми склонами гор и таинственными озерами, на берегах которых Таргитай также успел побывать еще осенью и потом один раз зимой вместе со жрецами. Жрецы же обитали в самом чудесном месте сих гор – недалеко, на юге возвышалась величественная и полностью белоснежная, от самого своего подножия и до вершины, гора, которую сами жрецы именовали Вторым Храмом Метроура. Она считалась сокровенным центром мудрости всего Метроура и колыбелью народов, хотя была она так названа, по заявлениям тех же жрецов, в честь куда более древнего храма. Таргитая всегда привлекали подобные рассказы и сказания, особенно те из них, что в красках описывали ту жизнь, которую вели рода ариантов до древней войны, названной Битвой Арты. И тот ушедший в глубину веков мир всегда преподносился, как идеальный, в котором не было мест войнам, до определенного момента. Именно этот момент волновал молодого Таргитая больше всего – именно там лежал ответ на мучающий его все эти годы вопрос. Вскинув свою косматую голову вверх, ведун прищурился от ослепляющих лучей солнца и отметил про себя, что оно уже перешагнуло точку зенита и начало свое неуклонное движение в сторону горизонта – это был знак. Именно в этот час жрецы и ожидали его в своем храме. Таргитай торопливо сунул свой варган в суму и двинулся в сторону белой горы...

...Взобраться на нее казалось невозможным со стороны, ибо уже за несколько верст при подходе к ней весенняя погода резко менялась на суровую зиму, а молодой человек был одет лишь в длинное льняное жреческое одеяние до пят. Но Таргитай уже был научен старцами, как проходить сквозь морозные преграды храма. В самый первый раз, как юноша сюда явился, он был укутан в несколько медвежьих дубленных шкур, что все-равно не особо-то и спасало его от холода. Тогда ему казалось, что храм скорее всего находился где-то у подножия горы, ибо добраться до вершины казалось вообще невозможным. Велико было удивление Таргитая, когда он узнал, что представлял из себя сей храм на самом деле: давным-давно, еще до Битвы Арты и войны между правящими родами Яровиндлов и Курасов, эта гора являлась рукотворным гигантским куполом высотой в девять верст; она и была тем самым Вторым Храмом Метроура и являлась одним из самых главных культовых мест для всех жрецов ариантских народов, многие правители древности приезжали поклониться величественным золотым кумирам Богов, выставленным в главном зале храма. Множество различных жрецов: ведунов, чаклунов, знахарей, чародеев, волхвов – ежедневно прибывало и покидало стены сего грандиозного храма – жизнь когда-то кишела в сих местах, и не всегда здесь круглый год стояла зима; во время последнего сражения между двумя враждующими родами Курасов и Яровиндлов обеими сторонами было использовано древнее мощное колдовское оружие, которые до того момента охраняли от людей в Асилиуме вечномолодые кудесники ясны, дабы никому не досталось оно; тем не менее Ярену, герою той войны, удалось убедить их дать ему то страшное оружие, ибо иного выхода усмирить разбушевавшегося противника уже не возможно было найти; не могли ясны допустить того, чтобы породнившиеся с инородными акалианцами Курасы распространили свою власть по всей Великой Арте. Это был последний раз, когда ясны, дети Духов-Сваоров, вмешались в дела людей. Подобное оружие тем не менее оказалось и у Курасов, переданное кем-то неизвестным. Так в итоге финального сражения Битвы Арты, когда обе стороны использовали это мощное оружие, произошло великое землетрясение, из-за чего на юге происходили многие потопа, извержения вулканов, некоторые территории полностью смыло и на их месте остались лишь бескрайние пустыни, как те, что по рассказам, которые доводилась слышивать и читать Таргिताю, находились к югу от Семиводья, не избежал злой участи и Второй Храм Метроура – из-за ужасного землетрясения вершина купола была напрочь разрушена и с тех пор сей край погрузился в зимнюю тьму, остатки же купола надолго оказались сокрыты жрецами от людских глаз под толстыми слоями снега; отныне лишь немногие удостоивались чести войти в древний храм.

Повидавшие многое на своем веку старинные проходы-лабиринты храма таили в себе немало загадочного: все их стены были исписаны какими-то непонятными уже покрывшимися пылью символами, насколько Таргитай был осведомлен – это был один из древнейших видов письменности, используемых жрецами, и именовался Волхарем. К своему великому сожалению, молодой человек не имел возможности обучиться понимать сии знаки и часами с факелом в руках пытался разгадать зашифрованные на стенах рунические послания древности, которые ему никак не хотели даваться. Жрецы же становились довольно не разговорчивыми, когда пытливый ведун пытался завести речь о сей таинственной письменности. Но напротив, жрецы были и крайне любезны, предоставив Таргитаю возможность поизучать древние пураны и манускрипты, написанные другими видами письма – Образарем и Торгарем соответственно. Эти формы письма были распространены и среди обычных образованных ариантов, но только уровень прочтения, который им был доступен являлся неглубоким, а вот жрецы, напротив, могли читать все сорок девять слоев текста. Разница же между Образарем и Торгарем состояла в том, что черы, значки первого, писались правой рукой, называемой пурасом, слева направо, а арфы, символы второго – левой рукой, манусом, справа налево. Первое было письмо творчества, выражения чувств и глубинных образов, а второе являлось письмом торговли, науки и логики.

Вскоре древние освещенные тусклыми факелами коридоры храма кончились, и молодой ведун очутился в залитом золотым светом просторном зале с высоким сводом. По периметру сего помещения величаво нависали статуи Богов – для чего-то они не стояли на полу, а были неким образом врезаны в стены зала, доставая так своими макушками почти до самого свода, словно подпирая его. Недаром этот храм величали еще и Престолом Богов. В центре у алтаря собрался круг самых уважаемых и мудрых жрецов. Все они были в длинных, полностью белоснежных одеяниях, капюшоны которых были натянуты на лица и покрывали очи старцев, подобно тому, как зачастую скрывал свой лик и Ульгень – главный советник Наместника Ринии Адвина, его правая рука и первый учитель маленького Таргитая. Именно образ этого старого мудреца явился в голове молодого человека, как только он вошел в центральный зал храма.

– Мы уже давно ожидали тебя, – поднял голову один из девяти жрецов.

– Проходи, присаживайся, – указал иной из них рукой на десятый пустующий гранитный трон, замыкающий круг.

– Итак, Таргитай, – продолжил первый жрец, когда ведун занял свое место, – идет уже четвертый сороковник как ты прибыл к нам. Пришел ты с одним лишь волнующим тебя вопросом и в поиске решения к нему. Мы сочли тебя достойным пройти во Второй Храм Метроура и дали обет перед Богами помогать тебе чем можем и чем дозволено на пути к твоей цели. Прямых ответов ты не получил и являешься глупцом, если вообще ожидал их найти. Но мы тебе дали ключи, ключи к тем вратам, за которыми покоится ответ на тревожащий тебя вопрос. Что же делать с обретенными тобою ведами, решать тебе.

– Я с благодарностью принял ваши дары и действительно ключей, данных мне вами, явилось предостаточно, дабы понять всю глубину происходящего с ариантскими родами. Но что же делать мне со всем этим? – спросил Таргитай. – Хватит ли одних знаний, дабы вразумить людей? Или же мне следует прибегнуть к неким иным орудиям?

На какое-то мгновение мудрец насупил брови и, когда к нему пришел ответ, продолжил:

– Ты должен завершить дело Имира – великого предка твоего рода.

– Какое именно из его великих дел?

– Не думай ты только, что у него были одни лишь великие дела. Неужто забыл ты, как возгордился он и вознесся над людьми? Осознание своей божественности и помешало Имиру завершить деяния, которые были возложены на него Богами. Он так же, как и ты явился в сей храм, который именуется людьми еще и Престолом Богов. Явился он еще златокудрым юно-

шей, таким же жаждущим справедливости, пытаюсь понять отчего же произошла ссора между родом Яровиндлов, к которому принадлежал он и его старший брат Ярена, и родом Курасов. Подобно тебе он нашел ответы на свои вопросы и понял, что ему делать. Именно для этого создал он первый город ведунов Кологард, который был по сути одним большим Храмом Вед, для всех приходящих в него. Но с течением времени из мудрого жреца сделался Имир великим правителем, ибо под его крыло пришли многие племена из различных стран, и заиграла тогда в нем гордыня и сделал он в Кологарде царский престол и назвал его стольным градом своим, откуда стал править над восточными землями Арты, а после смерти Ярена и всей Артой. Тогда же и ступил он свой первый шаг на тропу тьмы... – жрец вдруг замолчал, – Тогда далеко в полуденных землях явился на свет змей, который начал не по летам, а по сороковникам набирать могущество и вскоре стал он угрозой великой для Имира. Даже собственный народ восстал против скатившегося во тьму Имира и предпочел видеть над собой акалианского отпрыска, нежели сбившегося с пути потомка божественного рода... Страх и трусость одержали верх над Имиром, и он бежал на восток, в земли ринцев, где и постиг его конец от руки брата собственного. И я же истинно глаголю тебе, Таргитай, возроди дело своего предка – устрой в Кологарде новый великий Храм Вед, весть о котором разлетится по всем землям среди ариантских родов. И пускай стекаются в тот град все, жаждущие знаний. Но пусть же судьба Имира станет для тебя уроком, и да не разделишь ты его участи! – последние слова седобородого жреца прозвучали грозно и отдались эхом по всему огромному залу.

– Отныне нашел я свой путь в жизни, старче, – смиренно склонил свою главу Таргитай, и его темно-русые волосы спали на его могучую грудь.

– Нарекаем всем Жреческим Советом тебя отныне и навеки Оседнем, что на нашей Золотой речи значит «мудрец»! – торжественно молвил жрец и встал со своего трона, вслед за ним поднялись и остальные восемь мудрецов. Взявшись за руки и подозвав Таргитая, который не преминул замкнуть их коло, они принялись медленным, медитативным шагом водить хоровод. Когда они закончили описывать третий круг по часовой стрелке, то остановились, и глаголющий до этого старец достал из своей сумы, лежащей подле трона, тканый золотистый пояс с диковинными свастичными узорами. Такие пояса носили лишь жрецы высокого посвящения.

– Теперь ты – один из нас, Оседень – жрец Храма Вед в Кологарде! Прими этот дар! – с этими словами старик протянул сложенный вчетверо широкий пояс Таргитаю.

Город, казалось, практически не изменился тех пор, как Оседень его покинул еще полгода назад: все та же тихая размеренная жизнь кишела на его кольцевых улочках; как обычно немного величавее иных домов Кологарда возвышался трехэтажный терем Сама, который в принципе ничем особо не отличался от остальных архитектурных строений города – бедных районов с нищими избами там и в помине не было; на центральной площади города можно было встретить спешащих по своим делам людей, молодых пар, наслаждающихся своим беззаботным временем в тени деревьев, стражей города, которые неустанно и днем и ночью следили за поддержанием порядка на улицах столицы. Снаружи Храм Вед казался таким же, каким и был всегда: спокойным, тихим, единственным в городе сделанным из камня с росписями строением, находившимся на одной из самых крайних кольцевых улочек прямо у вторых, запасных и практически неиспользуемых врат в город. Не сразу Оседень обратил внимание на подозрительную копоть на стенах здания, а даже когда и заметил, то не придал почему-то особого значения этому, так же, как и тому факту, что деревянная кровля храма отсутствовала, зато были возведены строительные леса у боковой стены – молодой жрец склонился к мысли, что оставленный им присматривать за храмом брат Спорыш решил провести реконструкции

некоторых частей строения в связи с их обветшалостью. Посему, без всяких задних мыслей Оседень медленно отворил двери храма и вошел внутрь: вокруг копошились люди с различными строительными материалами в руках и приборами, спеша завершить очередное данное им задание, а руководил всем процессом непосредственно сам русоволосый Спорыш, который в этот момент стоял спиной ко входу и не заметил, как вошел его брат. Оседень же тихо подошел и тронул его за плечо, тот резко одернулся от неожиданности и повернул свою голову – его стального цвета глаза, гармонирующие с серой мантией, отражали всю суровость этого мужа, длинные же до пояса волосы и пышная борода лишь добавляли ему строгости. Но, сразу сообразив что к чему, муж тут же расплылся в добродушной улыбке и заключил Оседня в крепкие объятия.

– Брат! Как же ты изменился! А этот взгляд! – стал рассматривать своего старшего брата Спорыш, словно не видел его целую вечность. – Взгляд истинного жреца! А-ах, брат мой! – вновь сжал он своими мощными руками Оседня.

– А ты, я смотрю, стал тут заправлять всем храмом без меня! Строительство затеял!

– Да, есть маленько, – немного смутился Спорыш

– А где же брат твой, Порыш? Вы же всегда не разлей вода – Порыш да Спорыш! – съерничал Оседень.

– А мы сейчас по очереди преподаем мудрость детям в храме, – вздохнул Спорыш. – Теперь мы вынуждены проводить уроки на свежем воздухе, ибо вот, – кивнул он в сторону идущих за его спиной работ, – хотя так даже и благотворнее для восприятия детишек. Да к тому же надо еще и успевать на совет к Саму попадать.

– А то без вас двоих советчиков там не справятся! – продолжал подтрунивать молодой жрец.

– И да, – вдруг горделиво выпятил грудь вперед учитель, – отныне меня не зовут более Спорышем.

– Ого, а как же? – Оседень начал ощущать, что его челюсти уже даже порядком подустали улыбаться.

– Я взял себе новое имя – Моск, «умудренный»! Надоело быть Спорышем, знаешь, словно я – привязка к своему брату, – по-детски обиженно надул губы близнец Порыша. – Но, к делу, – вдруг резко переменялся он в лице. – Я должен тебе сообщить страшную новость...

– Что стряслось? – задергались в волнении зрачки Оседня. – Не томи, ну же!

– Несколько недель назад на храм напали заговорщики... Они были одеты подобно стражам нашего города, и было сложно различить, кем они являлись, ведь и лица их были закрыты личинами. Под покровом ночи они перебили всех, кто находился в храме, многие ученики и ведуны были убиты, даже детей не пощадили...

– Сармат, Зарина! Что с ними? – нервно затрясся молодой жрец, начав догадываться о том, что собирался ему сообщить брат. Неожиданно некое опустошенное чувство овладело мужчиной еще до того, как он услышал ответ, успев только представить, что вмиг мог потерять самых близких ему людей: любимую жену-ладушку и трехлетнего, совсем невинного еще сына.

– Сармат был со мной... Зарина... Зарина умерла вчера, при родах... – комок встал в горле Моска, – Она родила тебе второго сына – Тура... Так распорядилась судьба...

На глаза Оседня навернулись слезы: он даже не осознал сразу – все же убиваться ли ему от горя или же радоваться – Зарину он любил, как свою идеальную золотую жену, которая подарила ему семейное счастье и двух сыновей, последнего из которых они зачали незадолго до отбытия мужчины, без нее, без своей верной любящей спутницы он никак не мог представить своей жизни; но в то же время молодой жрец был благодарен Богам за то, что сыновья его остались здоровыми и невредимыми. Но не менее, чем потеря своей лады, его травмировало и осознание того, что храм, в котором он провел всю свою жизнь теперь был уничтожен вместе со всеми жрецами и учителями, которые приходились юноше духовными наставниками.

Только сейчас он смог полностью узреть, что от храма остались лишь обгоревшие стены, все же остальное с особой отдачей восстанавливалось самими жителями города...

Глава 3. Древнее пророчество

Осень 181 г. Третьей Эпохи

Севергард был одним из самых древних городов Царства Чюдрок, а также являлся и его столицей с самого своего заложения на северных скалистых склонах Чюдрокских гор. За многие тысячи лет он разросся до поистине грандиозных масштабов. Структура города была весьма сложна и сориентироваться в ней с первого раза было нелегким делом: старинный град был поделен на множество ярусов и уровней, при чем, как мог бы догадаться любой из путников, в самых верхних районах города проживали самые знатные рода не только Севергарда, но и всего Чюдрока, нижнее же ярусы его были отведены более бедным домам людей, принадлежавших к не столь могучим родам. Но далеко не это было первым, что поразило Сама, когда он только въехал через не менее захватывающие воображение ворота в город. К великому удивлению Царя Семиводья большинство из строений столицы Чюдрока были выполнены из камней различных пород, все его девять уровней были сложены напрочь из огромных каменных мегалитов, которые были подогнаны один к одному с изумительной точностью. Лишь на самых нижних трех уровнях, и то, ближе к окраинам, можно было встретить обычные бревенчатые дома, подобные тем, в которых в Кологарде жили обычные люди, да и сам правитель Семиводья. Главный же дворец царства и столицы возвышался над всем городом и соответственно его структуре был поделен на девять ярусов и достигал в высоту порядка трехсот саженей. И так как сей дворец одновременно являлся и первым храмом Севергарда, Храмом Сваоров, то с полной вероятностью можно было предположить, что самые верхние этажи этой цитадели Царь Чюдрока и его советники делили вместе со жрецами храма. На фоне же живописных гор весь этот какой-то укутанный облаками город выглядел еще более величественно. Вече Союзных правителей всегда проводилось лишь в самых высоких чертогах цитадели, окна которых находились на одном уровне, а то и выше облаков. Собиралось такое вече в очень редких случаях и отнюдь не каждый год. Поводом же для такого собрания могло послужить нечто чрезвычайно важное и неотложное, что требовало срочнейшего вмешательства обоих Союзных правителей и немедленного решения образованной проблемы. Зачастую на таком вече правители с собой брали и своих самых ближайших советников, которых обычно не могло быть больше чем три головы. Союзные державы представляли из себя некий конгломерат из двух независимых друг от друга царств, образовавшимся после раскола Великой Арты, когда ее последний правитель Имир был повержен. В объединение Союзных правителей входили лишь два царства: Чюдрок и Семиводье, названные так по тем территориям, где располагались. Остальные же земли, некогда входившие в единую державу, предпочитали оставаться в стороне и не откликнулись на первый призыв на союзное вече со стороны Царя Чюдрока. Жрецам-прорицателям же Храма Сваоров на данном совете зачастую было делать нечего, ибо в дела политики они никогда не вмешивались, по крайней мере в открытую, и занимались исключительно делами духовными, где их власть была выше власти царя. В этот же день в одном из самых верхних просторных залов башни собрались Царь Семиводья Сам, взявший в качестве правой руки своего родича Порыша, который был значительно младше его, и Царь Чюдрока, который явился лишь с одним советником и еще тремя жрецами, что было, конечно, не по правилам этого вече. Присутствие на собрании жрецов лишь еще в большей степени подчеркивало всю серьезность той причины, которая и заставила обоих правителей вновь встретиться в чертогах Севергардской цитадели спустя столько веков.

– Итак, многоуважаемые члены вече Союзных правителей, сегодня на повестке дня у нас стоит весьма и весьма важный вопрос, – начал свою речь немолодой царь, который показался

Саму в своих величественных одеждах чересчур напыщенным. – Уже много лет не собирались мы в данном чертоге, и сегодня я могу видеть новые лица среди нас, – повернулся он к Саму. – Сей молодой правитель является сыном Трояна, которого мы все хорошо знали, – обратился он к сопровождавшим его жрецам. – Но, как известно, наш старый почитаемый друг решил покинуть царский престол, передав его своему благочестивому сыну, и отправился в полуденные земли, дабы править в некоем маленьком городке. Посему ныне я рад приветствовать тебя, Сам, в нашем вече! – кисло улыбнувшись, старик продолжил, – Сразу хочу объявить, что сегодня с нами в одном чертоге будут заседать верховный жрец и два иных советника-жреца – вопрос, который мы сегодня будем обсуждать на сей раз касается и жреческого мира. Итак, всем здравия! – вскинул старый царь руки вверх и присел на трон.

– Здравия! – хором ответили все присутствующие, восседавшие на своих тронах, стоящих кругом.

– Что же, – продолжил старик, – Наш главный враг набрал силу за все эти лета, пока до нас могли лишь доноситься слухи о нем из полуденных земель... Его имя – Зохак. Все вы наверняка слышали о нем, а некоторые из вас, – кинул он взгляд на верховного жреца, – даже помнят те времена, когда возник он на юге и начал покорять все земли к полудню от Семиводья. Но покорял он их не силой, а хитростью, обещая людям лучшую жизнь. Правил же тогда Великой Артой Имир, который к тому времени уже начал ступать по темной стезе. Наверное, посему многие от него отвернулись и предпочли обольстительную власть Зохака, нежели господство обезумевшего Имира над ними. Тревожиться же наши рода начали тогда лишь, когда Зохак начал тянуть свои лапы все дальше и дальше на север, но благодаря созданному нами Союзу правителей он так и не смог захватить Семиводье полностью и пройти севернее. Он со временем успокоился и затих на долгие века. Но тридцать девять лет назад что-то заставило его вновь пробудить свою силу, и он нанес первый удар по Ринии, подорвав в ней власть ариантского рода наместников, но, тем не менее, после не завоевав те земли. Восемнадцать лет назад его прислужники проникли в самое сердце Семиводья, в Кологард и разгромили под основание Храм Вед. И вот буквально на днях он чуть-ли не открыто собрался идти войной на Семиводье и начал укреплять свои войска на порубежных землях.

– Что же им движет? – спросил тоном полным недоумения советник царя, – Что понудило его так бестактно и безбоязненно развязать войну с Семиводьем, а значит выступить сразу против обоих Союзных правителей?

– На сей вопрос есть ответ у наших жрецов, кои хранят память о том, что многие из нас уже и позабыли. Посему я хочу предоставить слово нашему почитаемому верховному жрецу.

Не менее древний белобородый с распущенными такими же белоснежными власами старец в длинной светлой мантии насупил брови и поведал то, что ему было известно:

– После низвержения Имира и его смерти мудрейшие мира сего смогли узреть в своих дремах пророчество. Они все как один сошлись на том, что рано или поздно родиться потомок Имира, который станет новым воплощением его брата – Ярена, и именно сему славному потомку будет уготовано сразить Зохака. Кто же сей потомок, мне удалось вычислить. Это и объяснит действия Зохака, – жрец вдохнул побольше воздуха и приготовился к дальнейшему повествованию, – Дело в том, что по кону у Имира оказалось лишь два потомка, которые стали правителями: они суть братья Один и Двоян, или как он себя нарек, взойдя на престол – Адвин. Об обоих из них Зохаку могло стать известно, но волею рока он решил нанести свой первый успешный удар именно по Адвину и его семье, однако дети его были спасены благодаря своей матери. Видимо сие и подвигло Зохака продолжить охоту именно на семью Адвина, ибо уж очень сильно старались все мудрецы замести следы его потомков. Так Зохак понял, что с первой же попытки ступил на верный след. Скорее всего, что лишь недавно ему стало известно, что они все это время скрывались в Кологарде. И тут-то он и начал действовать решительно, ибо также узнал и о том, что у Адвина оказался еще и не по кону рожденный брат Троян. Воз-

можно, Зохак решил убить сразу двух зайцев, собравшись войной на Семиводье: теперь и царь Сам, сын Трояна, представляет для него опасность, являясь еще одним потомком Имира, – услышав это молодой правитель Семиводья нервно затеребил свою белесую бородку, а жрец на этом закончил свое повествование и вновь погрузился в задумчивое состояние, в коем пребывал прежде.

– Что же, благодарю тебя, жрец, – начал Царь Чюдрока, когда тот закончил, – Итак, как вы можете убедиться, соратники, все сие – далеко не шутки, и война Зохака будет носить вовсе не захватнический образ, но будет личной войной для него, а значит – он не отступится до самого конца. Я предлагаю нам на сей раз объединиться в военный союз против Зохака, и нам следует добиться того, чтобы нас поддержало как можно больше держав.

– Каковы же должны быть наши первые шаги? – не терпел поскорее решить эту проблему Сам.

– Я считаю, что в первую очередь тебе следует убедиться, что твои южные рубежи надежно защищены. Посему было бы хорошо, если бы ты отправил туда своего военачальника.

– Я думаю, Рус отлично справится с данной задачей, – обратился к Саму, до этого внимательно слушающий и наблюдающий своими стальными глазенками за всеми светло-русый, бородатый Порыш, – Он с самых ранних лет проявлял задатки превосходного воина и богатыря.

– Ты прав, Порыш, я, пожалуй, соглашусь с тем, что никого лучше и достойнее, чем Рус во всем Семиводьи не сыскать.

– Но мы ведь совершенно позабыли об Одине! – решил поучаствовать в активном обсуждении и советник чюдрокского царя, – Между Семиводьем и его Касским Царством находятся берны, которые никак не хотят подчиниться Одину. А ведь он определенно станет нашим союзником, и берны могут стать тем местом куда и нанесет удар Зохак, опять же убив двух зайцев: он и подойдет к нам с запада, и уничтожит род Одина, как одного из потомков Имира.

– Верно глаголешь, – подметил старый царь и вновь повернулся к Саму. – Тебе нужно будет послать и кого-то, кто бы смог дойти до северных склонов Касских гор, в Касское Царство и обезопасить рубежи с юга в той стороне. Но туда путь тоже неблизкий: придется преодолеть реку Ратон, договориться с бернами, обогнуть Касское море с северной его стороны и закрепиться в горах.

– Даже не знаю, куда же послать своего Руса теперь, ибо действительно и те земли тоже было бы разумно предохранить от вторжения... – задумался Сам.

– Я ведь не договорил самого главного, – молвил вдруг старый жрец Севергарда, вновь вышедший из своей задумчивости, и все сразу же повернули головы к нему, – Потомком из пророчества является старший сын Адвина – Оседень. Так указывают звезды. И вы можете воспользоваться сим, ибо сам Зохак пока не ведает того.

– Тогда вот как поступи, Сам, – обратился к правителю Семиводья величавый царь, – Отправь на юг Оседню, пусть он будет сторожить полуденные рубежи, а Руса пошли на запад в Касгард. Вероятнее всего все же первый удар Зохака будет нанесен с юга, и чем раньше он встретится с тем, кто должен, согласно пророчеству, его низвергнуть, тем будет лучше.

– Но ведь Оседень – не воин, – запротестовал было младший сын Адвина Порыш, – Он – жрец, он никогда не согласится встать на тропу войны!

– Тогда пускай Сам поставит его на эту тропу! – повелительным тоном отрезал Царь Чюдрока.

На улице уже смеркалось, Оседень по обычаю своему заканчивал все приготовления в храме. В столь позднее время посетителей там уже практически никогда и не бывало. Лишь

иногда можно было застать какого-нибудь одинокого старца, пытающегося побыть в уединении, настроиться на внутренний диалог с самим собой, и то, не из-за того, что атмосфера в храме располагала к этому, ведь подобными духовными практиками любой человек мог без особого труда заниматься и у себя дома, но потому, что по мнению некоторых старцев сами текущие энергии в храме, построенном на древнем месте силы, благоприятствовали тому. Закончив с делами бытовыми, по хозяйству, молодой жрец принялся тушить светильники, освещавшие центральное помещение храма в вечернее время. Неожиданно старая входная дверь, которую не меняли еще со времен реконструкции, проводимой Моском, скрипнула, и на пороге показался Сам. Лицо его было уставшим, но все же не выражало некой озабоченности – напротив показывало всю его умиротворенность. Оседень медленно повернулся и, увидев своего родича и военного наставника, тихо улыбнулся:

– Я слышал, что вы с Порышем прибыли еще на рассвете.

– Прости, не мог зайти раньше – пока мы отсутствовали образовалось столько державных дел, даже Моску не удалось со всем справиться.

– Я не виню тебя, – мягко ответил жрец, – Как все прошло? – спросил он, когда усадил Сама на одну из свободных лав храма и присел рядом.

– Да-а, – махнул рукой правитель, – Лучше не спрашивай – все оказалось намного сложнее, чем мы могли предполагать.

– То есть эти набеги на порубежные земли являются все-таки объявлением войны?

– Зохак всерьез решился на завоевание северных земель, и Союзные правители даже не уверены в том, что он остановится на одном лишь Семиводьи.

– Но зачем ему покрытые глухими, дремучими и непроходимыми лесами просторы Чюдрока?

– Ну, ты же знаешь, что он еще с самого начала, как сверг Имира с престола, намеревался воцариться полностью над всей Артой.

– Но чего же он выжидал тогда мирны лет?

– Не могу быть уверенным ни в чем, – вздохнул белокурый Сам.

– Но... – сделал многозначительную паузу Оседень и посмотрел на своего родича таким взглядом, будто бы видел его насквозь, – У вече на этот счет было свое твердое мнение, не так ли?

– Ты прав, – понял, что отпираться бессмысленно, царь, – В общем, Зохак преследует цель истребить полностью весь род Имира и свергнуть власть всех его потомков. Поэтому его завоевания будут касаться лишь Семиводья и Касского Царства.

– Но ведь Касское Царство такое незначительное, как одна волость в Семиводьи.

– Да, и все же им правит Один – брат твоего отца. Ты ведь помнишь, как бессовестно предали Адвина его же люди? За всем же стоял Зохак, еще с тех времен он начал свои гонения на потомков Имира.

– Однако Ринией он так и не завладел, или не захотел владеть, оставив ее рассыпаться на мелкие удельные княжества, возглавляемые местными ринскими племенными ватажками. Видимо, все же завоевания не являются его основной целью, – прищурился Оседень, – Да и к чему бы ему ждать столько после победы над моим отцом, чтобы приступить к следующему своему шагу – намного разумнее для Зохака было бы нанести сразу же такой же неожиданный удар и по Одину.

– Тут ты прав, – развел руками Сам.

– К тому же никто не знает и о том, что твой отец, Троян – был незаконнорожденным братом моего отца, и тоже является таким образом потомком Имира.

– Стало быть, Зохаку каким-то образом удалось пронюхать и сие. Но не это главное, – встрепенулся вдруг правитель, – он охотится на всех нас, и сейчас самое важное – обыграть его в этой схватке.

– И у вас наверняка есть уже готовое видение ваших действий, – заключил молодой жрец.
– Да, я решил послать на защиту наших рубежей Руса.
– Что же, он – отличный воин и у него есть все задатки, чтобы справиться с этим делом.
– Его я пошлю на запад, за Касское море в Касское Царство, – продолжил Сам, – где он должен будет заключить мир с Одним и склонить местные самостоятельные племена бернов на нашу сторону. И все вместе они встанут на оборону рубежей Касского Царства с юга, ведь через перевалы южных Касских гор Зохаку открывается прекрасная возможность беспрепятственно проникнуть к нам в тыл.

– Постой, постой, – заспешил прервать Сама Оседень, – все хорошо – ты подумал о прикрытии тылов. Но что же на счет передовой?

– Хм-м, – насупился на мгновение молодой царь, – вот об этом-то я и хотел с тобой поговорить, Оседень.

Жрец внимательно уставился на своего собеседника, приготовившись внимать его речам:

– Союзом правителей было принято решение... – тут Сам замялся, и Оседень начал догадываться, что родичу нужно было что-то от него лично. – В общем, они предложили, чтобы ты возглавил военный поход на юг, – выдохнул Сам и утер пот со лба – печь в храме была изрядно истоплена.

– Исключено! – резко вскочил вдруг Оседень.

– Но, послушай! Ты ведь действительно тоже довольно неплохой воин – я тебя обучил всему, что знал сам. Да и люди тебя любят, они уважают каждое твое слово!

– Как слово жреца, – поправил молодой человек.

– Да, но именно поэтому они пойдут за тобой – все наши вои будут слушаться твоих приказов, ибо знают, что ты – мудр! Ты нужен мне и Семиводью сейчас, как кам, военачальник, а не как жрец.

– С таким же успехом ты мог бы предложить это и Порышу, либо Моску – они тоже достаточно мудры, хоть и не имеют жреческого посвящения. Но поэтому-то им и легче будет взять меч в руки, тем более что в бою они даже лучше меня справляются. Я же – жрец, я не могу взять меч и пойти убивать направо и налево!

– Оседень, Моск с Порышем итак согласились идти в этот поход, но только при условии, что именно ты будешь его возглавлять, что ты станешь камом семиводского войска, – слукавил царь, ибо на самом деле не получал подобного согласия от близнецов и даже не спрашивал сего у них.

– Да что же, во всем Семиводьи не найдется ни одного достойного воина, который бы встал во главе?! – негодовал молодой жрец, ибо даже и подумать не мог, что бы кто-нибудь решился предложить ему изменить своему уже сложившемуся пути.

– Подумай над этим, Оседень, от тебя будет зависеть многое, – взмолился Сам.

– Я сказал свое твердое «нет» и менять своего решения не собираюсь! – коротко отрезал жрец и, развернувшись, удалился в свою жреческую келью.

Вчерашний разговор с Самом еще никак не уходил из памяти Оседня. Этим вечером он решил заночевать в доме своих сыновей, чтобы хоть как-то отвлечься от бесконечных раздумий. На самом деле дом этот принадлежал некогда самому Оседню, но после смерти жены он забрал обоих своих сыновей в храм, где продолжал воспитывать их и отправлял мальчиков лишь на зиму к Славену и его сестре Ильмере, где братья проводили время играя с сыном Славена. Несмотря на то, что Оседень обеспечил должным воспитанием обоих сыновей, они выросли все-равно довольно непохожими друг на друга, а порой даже и совсем казались полными противоположностями друг друга: старший, Сармат, отдавал большее предпочтение

мечу, в то время как младшенький, Тур, был превосходен в верховой езде – он словно сливался с конем в единое целое и, казалось, умел общаться с ним на каком-то мысленном уровне, ибо животное тотчас же исполняло то, о чем просил его Тур; в связи с этим Оседень неоднократно отмечал и то, что Тур являлся более дисциплинированным нежели его братец, который, хоть и был неплохим воином, но все же зачастую проводил время впустую, словно шалтай-болтай целыми днями разгуливая по улицам Кологарда и заигрывая с девицами. Когда же сыновья стали постарше и уже могли нести некую ответственность за свои деяния, то Оседень разрешил им переехать и жить отдельно в их старом доме, который самому Оседню спустя даже столько лет продолжал навеивать воспоминания о Зарине. А когда же он все-таки навещал своих сыновей, то всякий раз оставался ночевать в бывшей детской комнате, ибо его супружеская опочивальня всегда напоминала ему о любимой ладушке. Так и в этот вечер как обычно Оседень уже собирался отходить ко сну, подбросив маленькое поленце в огонь, как вдруг дверь спальни тихонько отворилась и в щели показалась голова Тура с кучерявыми темно-каштановыми волосами:

– Отец, к тебе дядя Порыш пришел, – сообщил безбородый юнец. Оседень приподнял брови от удивления:

– Пускай заходит, что же ты томишь гостя?

В небольшую комнатку вошел статный мужчина средних лет, его распущенные светлорусые волосы покоились на его могучей груди, а стальной взгляд царского советника еще больше подчеркивал его сходство со своим братом-близнецом Моском. Порыш заключил старшего брата в крепкие объятия, ибо тоже с тех пор, как они с Самом вернулись из Севергарда, он еще не успел повидаться с Оседнем.

– Я пришел поговорить с тобой серьезно, – сразу прямо начал Порыш, присев на край кровати возле брата.

– Я тебя внимательно слушаю, – сконцентрировался на лице Порыша Оседень.

– Я знаю, что ты отказал на предложение Сама принять титул кама и встать во главе семиводского войска в походе на юг, – жрец был даже немного обескуражен такой неприкрытой прямоотой своего брата, – Но речь тут идет не о твоём желании: хочешь ли ты быть воином или нет. Выслушай меня и не перебивай, будь добр.

– Что же, твоя воля, – спокойно согласился Оседень и Порыш продолжил.

– Во-первых никто тебя не просит взять меч в руки и идти убивать врагов – все мы прекрасно понимаем, что в первую очередь ты – жрец, и это не твой путь. Мы всего лишь должны обезопасить наши рубежи с юга, а для этого нам нужно будет взять всего лишь один небольшой алатынский городок, что находится прямо на порубежьи. И все это лишь ради того, чтобы Зохак не смог использовать сей городок в качестве своего оплота для ведения военных действий против Семиводья. Вижу твое негодование в очах, – поспешил пресечь попытки брата возразить Порыш, – но есть и вторая причина, по которой мы вынуждены, да-да, именно вынуждены, просить тебя возглавить наше войско. Сам тебе не договорил всей правды до конца, – в этом моменте мужчина сделал небольшую паузу и, сглотнув, продолжил, – Зохак в действительности преследует всех потомков Имира, поэтому он и развязал сию войну, но причина в таком его интересе к нашему роду кроется отнюдь не в том, что он хочет истребить всех нас просто потому, что мы ему мешаем. Нет. Все гораздо глубже, и об этом тебе не должно было знать. Я же считаю это единственно верным способом заставить тебя переменить свое решение и посему иду против указов Союзных правителей, – Оседень уже пребывал в предвкушении того, что ему сейчас должен был сообщить Порыш. Что могло повлиять на его твердое решение?

– Итак, сразу же после смерти Имира жрецам явилось пророчество, что один из его потомков сумеет свергнуть Зохака с его престола. Об этом пророчестве узнал и сам Зохак, поэтому и начал охоту за всеми правящими потомками рода Имира. Так он добрался до Ринии,

где убил нашего отца. Наш же след он потерял и вышел на него лишь спустя много лет, разгромив тогда храм. Это было дело рук его людей! – Оседень почувствовал, как некая внутренняя ярь начала понемногу наполнять его сердце, Порыш тем временем продолжал нагнетать. – Наша мать покинула Семиводье по этой же причине, ибо находясь здесь, рядом с нами, она подвергала нас опасности – через нее Зохак мог легко выйти и на нас. И сейчас он идет в Семиводье только из-за нас, а точнее – из-за тебя, Оседень! Да! Именно о тебе говорилось в том пророчестве и именно тебе суждено сразить Зохака, брат!

– Бред! – не выдержал Оседень такого напора. – Я давно избрал себе путь жреца! – его нутро отказывалось верить таким речам своего собственного брата. На какое-то мгновение ему даже показалось, что Порыш сошел с ума или же его опоили чем-то дурманящим сознание, ибо речи его уже походили на слова человека, зараженного некой навязчивой идеей.

– Не бред, братец – сии слова были изречены самим верховным жрецом Храма Сваоров, прорицателем из прорицателей, – Порыш поднялся и направился к двери, но, уже собравшись взяться за ручку, обернулся. – Подумай над сказанным мною. Зохак воюет лично против тебя, и пока он об этом может лишь догадываться, у нас есть преимущество – чем дольше ты будешь размышлять, тем меньше у нас времени остается, – с этими словами Порыш скрылся за дверью, оставив Оседня наедине со своими думами.

Различные мысли переполняли сознание молодого жреца и путались у него в голове, но одна было отчетлива и ясна, как белый день: вся страна может пострадать лишь из-за него одного, сколько людей погибнет, защищая, выходит, что лишь его одного, пока он сам будет отсиживаться в Кологарде на самом севере Семиводья, наблюдая как пылают в огне войны все остальные земли, веси и волости, этой страны. Мог ли он, будучи жрецом, целью которого являлось достижения мира для всех родов ариантов, допустить, чтобы все обернулось хаосом и разрушением всего того, чем он дорожил, и в первую очередь – мирным небом, ибо война вновь бы опустила вниз уровень сознания всех людей, мечтою и целью Оседня же было вывести всех на высокие уровни, где уже не могло быть места ни для каких междоусобиц. С этими мыслями молодой жрец и отошел ко сну. Проснувшись же наутро, он судорожно нашарил рукою в ящичке стоящей подле его кровати тумбы ножницы и, подойдя к зеркалу начал оскубать свои длинные темно-русые космы...

Весна 183 г.

Уже почти два года прошло с тех пор как Оседень дал свое согласие Саму на участие в военном походе на юг и стал военным камом Семиводья. Таким образом почти все войска державы оказались в полном подчинении у молодого человека. Целый год он занимался отбором и тренингом лучших из лучших для того, чтобы суметь с минимальными затратами человеческих ресурсов дать отпор противнику. Оседень даже на свое собственное удивление проявил недюжинный военный талант и начал показывать себя еще и со стороны мудрого военачальника, которого его вои слушали не только из-за того, что он был выше их рангом, но и из-за личного уважения к его персоне. Жреческую же свою деятельность новоиспеченный воевода пока оставил в стороне, ибо совмещать сии два направления своей деятельности не считал таким уж и разумным решением. На свое место в храме он поставил одного из своих самых лучших учеников-ведунов и теперь мог абсолютно не беспокоиться за целостность и сохранность древней мудрости храма. За эти полтора года Оседень уже практически полностью свыкся с мыслью, что ему предстоит по крайней мере временно, но забыть о своих обетах, данных во время посвящения. Однако, чем дольше он занимался делами мирскими, тем больше ему начинало казаться, что все же он и не нарушал те обеты, ибо все то, что он вынужден был делать теперь и к чему готовился, было направлено лишь на одно – сохранение мира на просторах ариантских земель – на то же самое, о чем клялся он и тогда, стоя на одном

колоне у алтаря в одном из глубинных залов Второго Храма Меровура в Чюдрокских горах. Все это время Оседень по долгу службу делил царский престол с Самом, являясь ответственным за все дела, которые касались готовящихся походов. Сам же во всем этом занимал место куратора и лишь контролировал, чтобы все протекало именно так, как то было им задумано. И наконец те дни, когда все уже было почти готово, настали. За окном царского терема уже вовсю цвела и благоухала весна, природа, уже несколько недель назад пробудившаяся от зимнего сна, теперь начинала оживать со все большими и большими оборотами. Примерно с такою же скоростью и проходили сборы к военным походам. В эти дни в тронном зале было необычайно много людей – все носились по залу каждый по своим делам, перебегая из одной комнатухи в другую, переноса в своих руках какие-то забитые доверху непонятными вещами сундуки, кто-то же не тратил время на утрамбовку всего в них и торопливо рассекал со всею утварью сквозь не такие уж и просторные помещения хором правителя. Час от часу мимо носа восседающего на троне Оседня проносились и вои, которые спешили либо в кузницу с грудой железных доспехов, дабы исправить последние недочеты в своем обмундировании, либо из нее с уже подлатанной и надраенной до блеска броней в оружейную. Метались через тронный зал и те добровольцы, кои вызвались подготовить все съедобные припасы, которые могли пригодиться в походах воинам. Посему в доме царя в тот день витали не только всевозможные запахи свежесыванной стали, стиральной одежды и начищенных сапог, но и разнообразные благоухания вкусных прикормов, доносившиеся из кухни, где работала кипела в своем русле. Оседень же наблюдал за всею этою суматохою, сидя на месте Сама, лишь потому, что все иные стулья или лавы в данном помещении уже были задействованы для различных нужд: где лежали приготовленные мешки с припасами, где кое-кто додумался складировать свою броню, а где сидений и вовсе не было по каким-то непонятным причинам. Гул соответственно повсюду стоял такой, что Оседню было даже сложно различить, о чем доносили ему стоявшие подле его трона сыновья и иные военачальники, среди которых был и Порыш, который сам согласился войти в ряды воев и тоже отправиться в поход, несмотря на то, что Сам предпочитал, чтобы тот и дальше оставался его советником. На крайний случай правитель Семиводья рассчитывал, что Моск окажется должной заменой Порышу на сей должности. Но еще большее разочарование на лице Сама прочитал Оседень, когда и Моск несколько дней назад озвучил, что он тоже отправляется в поход. Верным же помощником Оседня во всех делах касательно военной подготовки дружинников являлся Рус, участие которого в походе было predetermined еще задолго до начала подготовки к нему. Иногда Оседень ловил себя на мысли, что Рус в принципе и сам мог бы справиться со всею возложенною на него задачей, и что ему, Оседню, может и не стоило вообще соглашаться не только на участие в сем походе, но и на то, чтобы его возглавить. Но повернуть вспять он уже не мог, ибо дал иной обет, Саму – довести сие дело до конца. Концом же Оседень видел взятие города Алтынгарда и укрепление благодаря этому южных границ Семиводья.

Заветною мечтою Славена с самого детства было стать одним из жрецов при Храме Вед и трудиться на то, дабы взрастить вновь то высокоморальное общество, которое существовало среди родов ариантов всего еще несколько веков назад. Славен всегда также видел, что чем-то они с Оседнем были схожи: несомненно, у обоих было одно и то же стремление – к перевоспитанию людей и их душ. Но при все при этом Славену всегда казалось, что Оседень все же в своих речах улетал куда-то в чересчур идеальные миры и представлял, что люди могут и должны жить так, как жили их предки тысячи лет назад, в то время как у Славена были куда более приземленные цели и мысли. Оседень также был склонен беспокоиться больше о духовных качествах людей, Славен же напротив считал, что теперешнему их обществу необходимо

было все-таки в первую очередь позаботиться о возвращении душевных ценностей, без которых он не видел и возможное формирование в далеком будущем духовных. Оседень же, в его глазах, всегда стремился перепрыгнуть сразу через несколько ступенек и забраться на вершину горы. Но Славен никогда не осуждал молодого жреца и преклонялся перед его мудростью – он лишь считал, что их общество еще не доросло до миропонимания и осознания мудрости Оседня. Славен на примере собственной судьбы мог испытать, как несовершенны люди были и насколько им не хватало морального воспитания прежде всего. Еще когда он был совсем маленьким ребенком, его отец Зорян бросил их: его, младшую сестренку Ильмеру и тогда еще беременную Русом маму. Юный Славен никак не мог понять, что могло заставить их отца, который ему всегда казался самым лучшим человеком во всем Кологарде, пойти на такое подлое предательство собственного рода и так вероломно покинуть любящую жену, носящую под своим сердцем его чадо. Нет, Славену никогда было не понять сего поступка. Более того, со временем он даже стал сомневаться в том, сможет ли он простить своего отца, и чем старше юноша становился, тем больше он осознавала то, что его отец не заслуживал прощения.

Судьба сложилась так, что жрецом Славен не стал, равно как и отменным воином, подобно своему младшему брату. Но наука всегда будоражила разум юного внука правителя Семиводья. И уже в зрелом возрасте он заслужил звание мудреца и стал верным советчиком Сама, сопровождая его на всех вече. Но очень скоро он отказался от сей должности в пользу своего брата Руса, ибо после их первого похода против разбойников Рус попросил Славена стать его верным спутником. С тех пор сколько молодой богатырь не колесил по просторам Семиводья, свершая всевозможные подвиги и помогая местным людям, Славен всегда следовал за ним и был его верным спутником и помогал дельным советом. Этим они зарабатывали себе на жизнь и не хотели быть привязаны к своему царскому происхождению, во всех своих скитаниях они намеренно умалчивали от людей, что их дед являлся правителем всей страны. Когда же в одном из странствий Славен встретил очаровательную девицу, то не смог удержаться и между ними вспыхнула любовь, а через семь сороковников у них родился прекрасный сынок с пшеничными волосами Славена и изумрудными глазами своей матери, которая к великой скорби своего жениха скончалась при родах – они так и не успели обвенчаться. Поэтому Славен отвез своего новорожденного сына в Кологард, где передал его своей уже вернувшейся из обучения сестре Ильмере, которая и занялась воспитанием младенца. Она же и нарекла его Вятко. Славен несколько раз в году старался навещать своего сына и не хотел, чтобы его постигла та же судьба, что и самого Славена. Но покидать дом он был вынужден из-за обета данного своему брату Русу – сопровождать его во всех его походах. Однако всякий раз как он возвращался, то пытался дать сыну всю ту отцовскую любовь, какой у него самого не было в детстве. Когда же Сам позвал их с Русом в Кологард для какого-то чрезвычайно важного задания, радости Славена не было предела – ему казалось, что теперь он будет постоянно проводить все свое время с сыном. Вернувшись же домой, Славен обнаружил, что совсем и не заметил, как Вятко возмужал и стал уже крепким юнцом.

В этот один из последних дней подготовки к великому военному походу Славен пришел домой как обычно при первых сумерках, ибо Оседень вновь задержал их с братом для обсуждения проблем, связанных с этим походом. Вятко уже был дома, и, судя по его глазам, Славен понял, что тот хотел что-то с ним обсудить. Ильмеры дома не было – в этот вечер ей необходимо было находиться в Храме Здравы и присматривать за хворающими людьми. Поэтому отец и сын сели за стол лишь вдвоем. Когда оба закончили ужинать похлебкой, заботливо оставленной Ильмерой томиться в печи, Вятко вдруг ошарашил отца неожиданным заявлением, до этого беседа лишь на отвлеченные темы:

- Отец, я тут решил, – замялся юноша, – что тоже буду участвовать в вашем походе.
- Что?! – от удивления у Славена даже его пшеничные брови подскочили.
- Ну, отец, – надавил Вятко.

– Нет, ты еще слишком юн – тебе всего восемнадцать лет исполнилось недавно. Это исключено, – однозначно отрезал мужчина.

– Но я уже умело владею мечом – дядя Рус даже говорил об этом!

– Зачем тебе этот опасный поход? Ты можешь вступить в ряды стражей или личной дружины царя.

– Но они ведь не идут в поход вместе с Оседнем! – голос юноши звучал даже немного обиженно, словно он был маленьким ребенком, просящим своего вечно занятого родителя выстрогать игрушку из куска полена.

– Рано тебе еще в походы ходить, Вятко.

– Дяде Русу было шестнадцать, когда он одолел чужеземца в честном бою.

– Дядя Рус с детства обладал богатырской силою – не каждому она дана, – уже начинал понимать, что бессилён переубедить своего сына Славен. – Я не могу тобою пренебречь. Что если ты ляжешь в своем первом же серьезном поединке? Ты еще недостаточно научен.

– Но я не буду воевать, – заявил вдруг златокудрый юноша, – я уйду из войска, как только мы пересечем рубежи.

– Но зачем? – был еще пуще прежнего удивлен Славен, услышав немыслимое заявление своего чада о намерении дезертировать.

– Я разыщу своего деда, я знаю, что он – великий и известный по всем полуденным землям витязь и совершил не один десяток прославленных подвигов! – воодушевленно пытался убедить своего отца Вятко. – Я хочу отыскать его и вместе с ним совершать всевозможные подвиги, отец, будь добр, разреши мне пойти в этот поход! – Славен же, услышав только упоминание о Зоряне, своем непутовом отце, вдруг резко вскочил:

– Кто тебе такое рассказал про этого мерзавца?! – вспыхнул он.

– Тетушка Ильмера! – не собирался просто так сдаваться и Вятко и вступил в перепалку с отцом, ответив ему таким же грубым тоном. – И не смей так называть моего деда и своего отца!

– Ты никуда не поедешь! И точка! – затрясся Славен и отвесил своему сыну крепкую пощечину. Резко покраснев, юноша пнул ногой стол, перевернув его, развернулся и быстрым шагом покинул столовую. Горе-отец опустил на дубовый стул и попытался сдержать горькую слезу...

В первый жаркий день весны на поле поодаль от Кологарда столпились сонмы народа – все собрались в этот день, дабы проводить в путь всю многотысячную дружину, которую смог собрать Оседень за эти полтора с небольшим года. Вой и витязи со всех уголков Семиводья на протяжении всего этого времени стекались к стольному граду, чтобы испытать свою силу и попытаться попасть в войско Оседня. За особенную честь для них было сражаться с самим Русом, который к тому времени уже прославился как великий богатырь практических во всех землях страны, и ходили слухи, что о его славе и храбрости даже слагали гимны барды Чюдрока. Выстоять в поединке с Русом хотя бы пять мгновений считалось уже похвальным для бывалых воинов, в то время как большинство из прибывавших были повалены Русом с трех движений буквально. Так уже к весне этого года семиводское войско было полностью укомплектовано и теперь уже дружинниками они приступили к непосредственной подготовке всего снаряжения и необходимых припасов для длительного военного похода. Оседень же, напротив, считал, что сей его поход будет одним из самых коротких, какие когда-либо семиводские войска совершали за всю историю существования этого царства. И чем скорее приближался тот день, когда они наконец выступят, тем веселее становилось Оседню, ведь это означало лишь одно – сразу же после завершения удачного похода он мог вернуться в свой храм. И вот когда

наконец сей великий день настал, бывшего жреца, а теперь уже воина переполняла некая непонятно откуда взявшаяся чрезмерная радость, и со стороны многим могло показаться, что он радовался именно началу этого военного похода. Проводить своих сыновей, братьев или отцов съехались со всех концов страны родственники дружинников – такого наплыва людей земли Кологарда еще, наверное, ни разу и не видывали. Величественный Сам со своими белокурыми длинными волосами, пушистой бородой и стальным взглядом давал последние царские и дружеские наставления Оседню – именно его, так называемое южное войско, отправлялось сегодня, западное же войско Руса должно было отбыть на следующий день. Пожав крепкую руку своего родича и обнявшись с ним по-братски, Оседень ловко запрыгнул на своего белогривого коня – русые власы мужчины порядком отросли и уже покрывали его затылок, пока не доставая спины. После же стрижки они даже стали кучерявиться отчего-то и теперь уже из-за своей волнистости казались очень густыми. Сверкнув своими темно-зелеными глазами, мужчина неторопливо надел на голову блестящий на солнце шлем и зафиксировал его, подчеркнув свою аккуратно подстриженную бородку.

Оглянувшись по сторонам, Оседень увидел, как сзади, из огромного войска и сонма, окружающего его, вперед выехало три всадника: это были его сыновья вместе с братом Порышем. Буквально через несколько мгновений показался и четвертый всадник – Моск. Близнецы были облачены в почти одинаковые доспехи, с одной лишь разницей – размере брони, ведь Порыш выглядел намного упитаннее своего худосочного братца. Но эта разница была последствием лишь особого пристрастия Порыша к чрезмерному чревоугодию из-за всевозможных вкусок, которые наготавливали жены Сама почти каждый день без всякого на то праздничного повода. Моск же очень часто любил придерживаться различных постов, считая, что так его мозг использовал свои ресурсы намного функциональнее и продуктивнее. Волнение на румянном лице Моска и в его серебряных глазах проявлялось точно так же, как и у его брата Порыша. Тем не менее оба держались смирно и старались не подавать виду. Ниспадающие светло-русые волосы и бороды обоих придавали им какого-то еще большего величия. Выделялись на фоне остальных воинов и Тур с Сарматом, но каждый по-своему: безбородый статный Тур со своими недлинными кучерявыми темно-каштановыми волосами походил на некоего древнего легендарного героя, взгляд же его стальных очей делал его чрезмерно серьезным и строгим для своих двадцати лет, в то время, как его старший на три года брат был его полной противоположностью – озорным, веселым и бесшабашным, что еще больше подчеркивалось его рыжей львиной гривой и бородой в совокупности с по-детски беззаботными белесо-голубыми глазами. Даже сейчас, за несколько часов до отбытия, Оседень заметил, как его старший сын успел пофлиртовать чуть ли не с десятком девушек, пришедшими проводить своих братьев на войну.

Итак, когда все уже были готовы, и все прощания и разговоры между дружинниками и их родственниками были завершены, Сам взял в руки переданный ему помощником бычий рог, и глубокий утробный звук раскатился по всей местности и, казалось, был слышен аж за несколько верст. Оседень прищпорил коня, следом за ним устремились Моск по правую руку, будучи его первым советником, и Порыш по левую руку – его глава похода назначил военачальником всей дружины. Сзади скакали сыновья Оседня, которые были воеводами-тысячниками семиводского войска, чуть поодаль догоняли лидеров и оставшиеся три воеводы. От стука копыт коней многотысячного войска вся земля задрожала так, что даже в домах Кологарда посуда подскакивала на столах, а пыль в поле стояла столбом и дружина постепенно начала растворяться в ней, скрываясь за горизонтом. Славен проводил последних воев взглядом и, как и все, развернулся и направился к городу. Вернувшись домой, он захотел вновь переговорить с сыном и попросить прощения за то, что вчера не сдержал свой гнев, хотя и считал, что все же неразумно было Вятко в таком возрасте ездить в столь опасный поход. Но дома на удивление было тихо – в такое время обычно все собирались обедать, и Вятко зачастую звал

своих друзей, поэтому в доме стоял вечный гул, что в какой-то степени было по душе Славену, ибо он по природе своей не переносил чересчур тихих и пустых мест. На кухне копошилась Ильмера, домывая свою посуду, тарелка с уже остывающей, но аппетитно пахнущей на весь дом снедью ожидала его на столе.

– Ну и как все прошло? – поинтересовалась девушка, заметив присутствие брата на кухне.

– Они ускакали...

– Да уж, – хихикнула хозяйка, – было слышно аж сюда.

– Ты Вяtko не видела сегодня? Я хотел извиниться... – замялся Славен.

– Ах извиниться? – резко повернулась вдруг с полотенцем в руках девушка, – Это-то за то, что ты его ни за что, ни про что ударил? – с издевкой спросила она.

– Не ни за что, а за дело, – попытался было оправдаться мужчина.

– За какое такое дело? – не унималась Ильмера, выгораживая своего пасынка.

– А почто ты ему напела, что его дед – великий витязь? – начал переводить стрелки Славен, повышая тон.

– Успокойся! – отрезала девушка, – Я люблю тебя, и он тебя любит, так не веди же себя подобно самодовольному мужлану!

– Прости, сестренка, – успокоившись, присел горе-отец на лавку.

– Боги простят, – уселась и Ильмера напротив брата. – О нашем отце действительно слагают сказания, и на пустом месте они не рождаются. Перестань быть таким самолюбивым, и не выплескивай свою личную неприязнь к отцу на всю семью.

– Где он? – поникшим голосом произнес Славен. – Я хочу с ним поговорить...

– Он уехал, – спокойно заявила молодая знахарка.

– Как уехал? – не до конца осознал сказанное сестрой мужчина.

– Он пошел с Оседнем в его войске, как рядовой воин.

– И ты позволила ему вот так просто взять и уйти? – опять начал вскипать Славен.

– Он сам сделал свой выбор, моего же бережного круга хватит и на вас двоих – ты же как-то возвращался из всех этих ваших бесовых походов с Русом живым и невредимым.

Мужчина не желал более спорить и что-то доказывать – поднявшись с места, он подошел к сестренке, поцеловал ее в лоб и направился в свою опочивальню, ибо почувствовал вдруг некую резкую слабость – перед завтрашним походом же следовало набраться сил.

Погода в день отбытия войска Руса стояла весьма пасмурная: темно-серые тучи заволкли все небо и массивною черною горою нависли над Кологардом и округой, дождь с самого утра лил как из ведра, но вместе с тем в воздухе присутствовал яркий запах травы и свежести, а ветер из лесу еще приносил и ароматы хвои. Рус пребывал в тот день в довольно приподнятом настроении и уже каждой клеточкой своего тела предвкушал свои будущие завоевания и победы, а путь ему, как и Оседню, предстоял не близкий. Западному войску следовало дойти до самых западных рубежей Семиводья, где стремительным водопадом протекал Ратон, который и являлась той самой границей, и за ней уже шли неподчиненные земли, в которых обитали множества самостоятельных небольших племен, и даже некоторым из них хватало смелости и самоуверенности называть себя царствами. Подобным образом поступали и рода бернов, проживавшие между Касским Царством и Семиводьем. Многие берны жили и в далеких северо-западных землях уже многие года, но не устраивали себе никаких централизованных царств, подобно этим их родичам, установившим Барну. А именно в это самое царство и должно было держать свой путь войско Руса. Не менее важной была и цель данного похода, которая заключалась в том, чтобы как раз и усмирить тех бернов, и взять в союзники Касгард, таким образом фактически присоединив к Семиводью еще значительный кусок территории.

О чем Славен неоднократно и предупреждал Руса, говоря, что по большей части поход именно западного войска будет захватническим, в отличие от похода южного, и что Руса, возможно, в последствии невзлюбят, и он потеряет свою славу героя и богатыря, но останется теперь в памяти народа, как жестокий воин. Рус же в свою очередь расценивал сию войну, как свой шанс проявить себя в полной мере, ибо ему уже надоело заниматься мелочными делами, какими он считал все свои предыдущие подвиги будь то спасение некой волости от страшного не то лесного, не то горного зверя либо змея, помощи жителям различных местечек с местными разбойничьими ватагами, засевающими где-нибудь в холмах или тех же лесах, и тому подобные вещи. Война же должна была раскрыть Руса, по его собственному мнению, с новой, совершенно иной и более серьезной стороны, и он ничуть не гнушался при этом приобрести славу кровожадного завоевателя, если на то была бы необходимость. От этого-то своего младшего брата и хотел уберечь Славен еще как только узнал, зачем же их все-таки вызвал в столицу Сам, но все было тщетно – богатырь был непреклонен и намеревался принять предложение своего деда.

Златые волнистые волосы ниспадали из-под шлема Руса на его червонные доспехи, а его могучий конь Рах был украшен такого же цвета накидкой, которая скрывала большую часть его туловища от дождя. В некоторых же местах черная, как смола, шерсть скакуна промокла и длинными космами свисала вниз, в особенности его грива, что в купе с идущим из носа коня паром придавало Раху довольно устрашающий вид. Славен же осанисто восседал на лошади рядом со своим братом. Его златые волосы были аккуратно собраны в хвост, а борода завязана в косичку, ибо мужчине не особо было приятно, когда его волосы намокали, и потом нужно было довольно долго ждать, пока они высохнут, что создавало определенный дискомфорт. Такие же, как и у его брата, озерно-синие глаза Славена были наполнены глубокой печалью, о причинах которой Русу не было известно. В этот день провожающих воинов родственников собралось не так много, как в предыдущий. Возможно, оттого, что войско Руса было намного меньше войска Оседня – эта его малочисленность была обусловлена тем, что для похода на запад такое огромное количество воев просто не было необходимым, а возможно и оттого, что просто многие из родичей просто не пришли в такую погоду на поле, находящееся за полверсты от Кологарда, и попрощались со своими сыновьями, братьями и отцами еще дома. Когда последние советы от царя были получены Русом, то Сам на своем коне отошел в сторону и, встав поодаль, затрубил в уже заранее подготовленный и надежно спрятанный от дождя под кафтаном рог. Воины Руса пришпорили своих коней и все войско помчалось в сторону запада, шлепая копытами по лужам и грязи и разбрызгивая её в разные стороны так, что многие присутствующие сразу же поспешили отойти на несколько саженей от проскакивающих мимо всадников. Рус, одержимый чувством эйфории, пришпорил своего коня еще сильнее и вырвался намного вперед своей дружины, не услышав даже, как старший брат попытался окликнуть его. Рус скакал на встречу новым приключениям, в совершенно таинственные и неизведанные им земли, которые по его представлениям были полны чего-то необычного, с чем юноше предстояло столкнуться лицом к лицу и проявить все свое мужество и силу, дабы преодолеть грядущие преграды на его пути.

Солнце уже скрылось за горизонтом и начинало смеркаться, когда огромное воинство, медленным шагом ступая следом за Оседнем, приближалось к какому-то водоему. Кам семи-водского войска внезапно остановил своего коня и поднял правую руку в знак того, чтобы все последовали его примеру. Он начал пристально всматриваться вдаль, пытаясь разобраться, что это могло быть: полноводная река, необъятное озеро, соленое море или, быть может, топкое болото. Потом военачальник перевел свой взгляд на розовеющую линию горизонта и тут же

обернулся назад, чтобы оценить насколько темной уже стала линия горна, и понять, как скоро их уже могла настичь ночь.

– Я думаю, нужно сделать привал здесь, – обратился предводитель к одному худощавому всаднику, находившемуся рядом с ним. – Ты что думаешь, Моск?

– Можно будет встать на берегу водоема. Подъедем поближе, узнаем, что он из себя представляет и можно ли из него пить.

Оседень аккуратно пришпорил коня и махнул своему войску, чтобы оно следовало за ним. Уже несколько дней длился их путь и многие воины порядком подустали и поистрепались. Останавливаться на ночлег каждый раз требовалось у водоемов, благо их в центральной и южной части Семиводья было немало. Потому-то путь войска и тянулся от одного озера к другому. Именно эти места и назывались Озерной долиной. Спустя небольшой промежуток времени путники все же дошли до воды – являлось ли это огромным озером или небольшой лужицей было неясно – судить в полутемноте о масштабах водоема Оседень с полной уверенностью не мог, но был твердо уверен в одном – вода была в нем пресной и чистой, что оставалось самым главным критерием выбора места для стоянки войска. Ведь если бы это оказалось болотом, то воинам пришлось бы всю ночь мучиться от жажды, ибо пробираться сквозь семи-водские степи уже в ночной темноте представлялось не весьма разумной идеей.

– Странно, об этом озере ничего не известно и на картах его, видимо, нет... – задумчиво произнес мужчина.

– Южные рубежи Семиводья вообще мало исследованы, а из-за огромного множества озер здесь многие из них просто и не на носятся на карты, – заключил Моск.

– Тогда останавливаемся на привал здесь! – громко крикнул Оседень, чтобы было слышно всем. – Воду можно пить, пополнять запасы, утром мы выступим немного позже – всем нужно будет встать пораньше и как следует отмыть грязь с себя и своей одежды – сейчас уже слишком поздно. Разбивайте шатры, разжигайте костры, готовьте ужин – будем ожидать возвращения из разведки моих сыновей со своими отрядами. На случай, если они вернутся поздно, выставим дозорных! Давайте братья, время спешиться! – с этими словами Оседень сам спрыгнул с коня и принялся снимать со своей вьючной лошади мешки с припасами и шатром, предназначенным для них с Моском.

Не успели еще все толком обосноваться и разбить лагерь, как издалека со стороны юга были замечены приближающиеся всадники. Когда они оказались на достаточном расстоянии, Оседень смог разглядеть в них своих сыновей Тура и Сармата, а также еще с дюжину воинов, которые были отправлены им на разведку еще пару дней назад с приказом скакать галопом и не при каких обстоятельствах не задерживаться в пути – каждое выигранное мгновение было на вес золота в сем походе. Завидев их, глава войска внутренне перевел дух и успокоился, ибо все эти две ночи не мог заснуть, переживая за сыновей. Теперь же он уже был в предвкушении добрых новостей – разведчикам надлежало выяснить сколько дней пути оставалось еще до вражеского Алтынгарда и на сколько сильны и готовы враги были к обороне. Как только всадники, возглавляемые Туром и Сарматом, въехали в лагерь, все сразу же поспешили к ним. Оседень встретил сыновей и провел их к своему костру, где кроме него сидели еще только Моск и Порыш.

– Ну-с, рассказывайте, – подбросил хворосту в огонь кам и потер руки, – с какими вестями вы прибыли?

Тур подсел поближе к костру и вытянул ноги и руки, дабы лучше прогреться, а Сармат сразу, не тратя лишнее время на церемонии, принялся уплетать уже зажаренного Порышем кролика.

– От разбитой вами стоянки осталось полдня пути, если завтра выдвинемся рысью на заре, то к обеду уже будем там, – объявил Тур. – Город у них немаленький, стены у него каменные и хорошо защищены со всех сторон. В тыл пробраться вообще не представляется

возможным – град с трех сторон окружен пустынными горами, только с одной можно въехать в ту долину. Долина сама небольшая – лишь поселение в ней и умещается. Земледельческие поля, видимо, у них расположены с тыльной стороны, ибо с лицевой части имеется лишь просторное вытопанное поле, на котором все наше войско может без преград вместиться даже вместе с их воинством.

– А что на счет того, на сколько они осведомлены о нашем походе? – поинтересовался Моск.

– Судя по необремененному расположению стражи на стенах города, то они вряд ли догадываются о нависающей над ними угрозе.

– Да уж и не похоже, чтобы у них была хоть какая-то сила дать отпор, – вставил свое слово и со вкусом жующий кролика упитанный Сармат. – Мы их раздавим, как щепку, – добавил он, сломав пополам обглоданную косточку и бросив ее в костер.

– Что же, если надо будет – мы их порвем, – поддержал Сармата и Порыш, – если все в действительности так, то можно даже не торопиться и дать войску вполне набраться сил, тогда та долина станет их могилой, ибо мы перекроем им всякие пути к отступлению завалившись туда многотысячным воинством.

– Нет, Порыш, – перебил вдруг его Оседень, – я не собираюсь устраивать бойню – мы должны укрепить наши рубежи, а не растратить половину дружинников в первом же сражении, – категорично заявил кам. – Мы попытаемся договориться с ними.

– Я тоже, пожалуй, поддержу Оседня в этом, ибо нам все же стоит искать союзников, а не врагов, – согласился и Моск. – Если мы заручимся поддержкой алатынцев, то Зохаку уже придется с нами считаться.

– Не думаешь ли ты, братец, часом, что все алатынцы, даже те, что живут в самой Алатынии, встанут на нашу сторону? – недоверчиво переспросил Порыш, – Союз с одним сравнительно небольшим поселением алатынцев у южных границ Семиводья еще не дает нам повода считать находящуюся далеко в западных землях Алатынию своим союзником. Поэтому нам легче будет их просто разбить, чем возиться с ними.

– Те алатынцы от нас, конечно далеко, – не стал спорить Моск, – но они всяк будут наслышаны о таком нашем отношении к своим соплеменникам и, в случае чего, могут стать нашим щитом, прикрыв Касское Царство с южной стороны Касских гор.

– Я считаю, что Моск прав, – заключил Оседень, – тем более, что у меня есть еще одно решение сей задачи, которое до нынешнего часа пребывало в тайне, даже от царя Сама.

– О чем ты?

– Завтра все увидишь сам, Порыш, – ответил кам и, поднявшись, направился к своему шатру, пожелав всем доброй ночи.

Долина Алтынгарда предстала перед огромным войском кама Оседня во всем своем скупом величии: она, как и передавал Тур, вмещала в себя лишь один город и некоторые территории вокруг него, но высокая пятисаженная стена, которая казалась будто полностью вылепленной из глины, пересекала всю долину на две части, отделяя таким образом обжитую южную часть с поселением людей от совершенно пустынного поля, где находилось войско. Спешившись, Оседень присел на одно колено и зачерпнул рукой желтый песок, который в этих краях заменял плодородную почву. Печальным взглядом он обвел всю округу – ни единого зеленого места было не видать. Уже вечерело и небо было затянуто серо-розовыми тучами придавая долине еще большей унылости. Внезапно со стороны города к грозному воинству начала приближаться поначалу еле различимая черная точка, при приближении которой стало ясно, что это был всадник. Главные воеводы: Порыш, Сармат и Тур – настороженно начали наблюдать

за таинственной фигурой. Оседень же напротив внешне не подавал никаких эмоций, но внутренне он уже был в предвкушении долгожданной встречи. Приближающимся черноволосым всадником с развевающимися на ветру длинными черными космами был Троян. Его Оседень в последний раз видел, когда сам еще был двенадцатилетним отроком. Примерно таким мужчиной его и запомнил: высоким, грозным, словно древний Бог, и воинственным, что еще больше подчеркивалось его крепкой черной броней. Еще только согласившись на сей поход полтора с лишним года назад, Оседень отправил с гонцом письмо своему дяде в его далекий западный город Троянгард, вокруг которого уже выросло целое Троянское Царство. В том письме новоиспеченный кам просил родича о помощи, ибо он хорошо знал южные земли, народы их населявшие и их нравы. Оседень не ожидал, что Троян примет это его послание столь близко на свой счет, и на удивление молодого военачальника в ответном письме правитель Трои писал, что лично возьмется за это дело и на следующей же неделе отправится на восток от Троянского моря, в далекий Алтынгард. И вот почти спустя сорок лет у родичей наконец появилась возможность встретиться, и, как с некой иронией отмечал сам Оседень, благодарить они должны были войну. Троян тем временем поравнялся с передним флангом семиводского воинства.

– Здравия тебе, племянник мой! – ловко соскочил с коня уже не столь молодой, но все еще полный энергии всадник.

– Дядя! – ответил молодой воин крепким рукопожатием и обнял родича, похлопав его по спине.

– А ты сильно изменился, стал настоящим воином, да и доспехи тебя красят! – с интересом разглядывал Троян племянника.

– А ты ничуть не изменился – таким тебя и помню, – улыбнулся в ответ молодой человек. – Ну, поведай же, что тебе удалось свершить для нашего общего дела? – отвел Оседень новоприбывшего воина немного вперед от войска.

– Как ты и просил меня, я в одиночку прибыл в Алтынгард и смог втереться в доверие к местным жителям.

– Постой, в одиночку? – испугался вдруг молодой кам, какой опасности подверг своего родича. – Почему ты не взял с собой хотя бы небольшой отряд?

– Мне нужно было заполучить полное расположение алатынских господ. Не беспокойся, – заметил переживание на лице Оседня воин, – я явился в город в качестве купца и начал торговать на местных базарах троянскими товарами, а уж через зажиточных торговцев мне удалось завести и знакомства среди господ Алтынгарда. Язык торговли намного действеннее языка войны, по крайней мере в южных землях.

– Я бы на их месте счел человека, приехавшего торговать в город, где нечего взять и дать взамен на товары, достаточно подозрительным, чтобы не доверять ему, – усомнился Оседень.

– С чего ты взял, что если город ничего не производит, то в нем не может быть торговли? Зохак намеренно оживляет Алтынгард, рассчитывая на то, что он станет одним из его оплотов на рубежах Семиводья для успешного ведения войны. И чуть ли не ежелунно поставляет из своих земель немереное количество менед, дабы привлечь купцов даже из самых дальних стран приезжать сюда на базары.

– Менеды? – это слово доселе было неслышанным для Оседня, да и для любого жителя Семиводья.

– Так мы в южных землях называем небольшие изделия из золота, которые удобно носить с собой в суме. Их принято менять на товар и... – запнулся Троян, – Но не об этом сейчас, тебе еще все предстоит узнать. Возвращаясь к нашим дорогим алатынцам, хм-м, несмотря на крайнее пополнение казны их различными блестящими самоцветами и металлами, большая часть людей живет за гранью бедности, ибо, как ты сам можешь видеть, земли здешние сделались совсем неплодородными и исчахли после того, как над ними стал покровительствовать Зохак, – взмахнул рукой воин, обведя всю долину. – В последнее же время купцов из иных городов

стало прибывать все меньше и меньше, и толку от того, что казна города доверху забита драгоценностями, особого нету. Да и среди народа ходят разные речи: по ночам чуть ли не в каждом втором трактире перемываются косточки местным господам, которые и сами-то перебиваются раз на раз. Посему для них сие покровительство больше является гнетом, но иного выбора у них нету, ибо единственной могущественной силой на юге, к которой можно примкнуть, является Зохак. Выходит, что – либо с ним, либо против него. Второе же – верная смерть.

– А что же войско их? – перешел к самому главному Оседень.

– Оно достаточно сильное, чтобы продержаться оборону и положить на поле боя немало твоих воинов, и они уже готовы вступить с вами в бой – когда я выезжал за ворота, господа уже отдавали последние указания воеводам, – и действительно, алатынское воинство не заставило себя долго ждать. Успели только Оседень с Трояном переговорить на этот счет, как тяжелые врата Алтынгарда на сей раз с грохотом начали отворяться и на пустынное поле, окруженное горами, постепенно начали стекаться вражеские воины – витязи Семиводья напряглись: Тур сжал рукоять своего меча в ножнах, Порыш натянул узды, а сам кам же поспешил вернуться к своему коню. По пути Троян давал брату наставления:

– Я предупредил господ, что попытаюсь уговорить вас воздержаться от нападения. Оседень, если ты покажешь им свои добрые намерения, то у тебя будет возможность взять этот город без единой жертвы. Попробуй договориться с ними – они живут в страхе, дай же им надежду на мир, пообещай им защиту и помощь Семиводья, если они встанут на нашу сторону.

– Я знаю, что делать, – отрезал Оседень и запрыгнул на своего скакуна. – Ждите здесь! – крикнул он своим воинам и, пришпорив коня, помчал к стенам города, под которыми уже начало скапливаться немалое войско алатынцев...

– Я не для того пришел к вам, чтобы воевать, – молодой кам пытался говорить как можно громче и увереннее, дабы его было слышно абсолютно всем алатынцам, воинственно настроившимся, когда он подошел довольно близко к ним. – Но ничего не остановит меня отдать приказ своим воинам, и они положат самых лучших из вас прямо на этом поле, под этими самыми стенами, – голос Оседня показывал его полную уверенность в своих силах, внутренне же он взвешивал каждое слово, которое собирался произнести. – Я уверен, что вы не хотите именно такого исхода. Я – не являюсь захватчиком, и Царь Семиводья не посылал меня сюда для того, чтобы нарушить независимость вашего города, которую вы сами для себя избрали. Но я пришел договориться. Я знаю, что вы будете продолжать утверждать о своей независимости, хотя являетесь уже захваченными... Зохаком! Даже более того: вы поработаны им! Ибо никак иначе сие ваше жалкое существование назвать невозможно. Я же пришел, дабы предложить вам сделку – услугу за услугу! – многие из алатынцев уже пребывали в смятении. – Я уверен, что вы – достаточно разумны для того, чтобы принять это мое предложение. А заключается оно вот в чем: вы поддержите Семиводье в надвигающейся войне, – тут по толпе пошла волна недовольства, – я не прошу вас отправлять своих воинов на смерть, как того требует от вас Зохак – поддержав нас, вы будете полностью защищены и отстранены от войны, а царь лично обещал дать вам все необходимое для жизни, но лишь об одном вас попрошу: не предоставлять свои земли для расположения основных сил Зохака! Откажите ему, а мы тем временем нападём на него первыми так, что он даже не успеет дойти до ваших земель. Война минует Алтынгард! В противном же случае вас постигнет две войны: сначала – с нами, а потом, когда мы вас завоюем – с Зохаком. Решать вам!

На несколько мгновений в воздухе повисло молчание и напряженность: две небедно оснащенные армии, стоявшие друг против друга в пустынном песчаном поле, были в любое мгновение готовы сорваться с места и броситься друг на друга. Оседень находился ровно по середине между двумя войсками и, придерживая коня, всматривался в лица противников. Неожиданно по всей долине вновь раскатился грохот: алатынцы открывали врата города, но на этот раз

не для того, чтобы выпустить своих воинов. Алатынское войско начало медленно расступаться перед Оседнем – с чувством свершенного долга он шагом направил своего коня вперед. . .

Со всех уголков города раздавались и заполняли всю долину всевозможные крики, громкие пьяные разговоры, шумные и далеко немелодичные песни уже порядком захмелевших бардов, какофоничные звуки неких диковинных музыкальных инструментов и воркования парочек у стен Храма Любви. Под ночным небом Алтынгард горел яркими золотыми огнями и, казалось, полностью оправдывал свое название. Этот разросшийся на весь город пир начинался под сводами дворца алатынских правителей. Таких величественных строений в Семиводи Оседень никогда не видывал, единственным, с чем он мог бы сравнить тот дворец, был замок его собственного отца в Ринии, который был таким же масштабным, как и сей дворец. Безобразные гуляния в ту позднюю ночь охватили и самые центральные помещения дворца, включая и тронный зал, в которых редко можно было бы увидеть такое в обычные дни, как могло показаться молодому военачальнику, ибо на его родине такое непристойное поведение не было принято в местах, отведенных для державных дел. Здесь же полуобнаженные куртизанки в открытую щеголяли под ручки с какими-то важными высокопоставленными особами. Отрешенный от празднования, Оседень разгуливал по ступеням дворца и с неприкрытым интересом разглядывал звездное небо, в ту ночь видимое абсолютно четко. Когда же тело кама начал пробирать легкий озноб, он решил вернуться внутрь и, несмотря на все отвращение к происходившему, понаблюдать за празднеством вблизи камина. Пробираясь через различные комнаты, просторные и более тесные, заполненные толпами совершенно непонятных людей, отношение которых ко дворцу вообще казалось Оседню сомнительным, он все же вскоре добрался до зала с большим камином, у которого грелись, лежа на огромных подушках те, кому уже порядком поднадоели шумные пляски и нескончаемое количество хмельного питья, которое казалось было единственным продуктом в этом городе в избытке. Неожиданно взгляд Оседня скользнул по группе из четырех молодых мужчин в компании неких полуголых девиц – в одном из них кам признал своего старшего сына Сармата.

– Это еще что такое! – оттянул его за ворот Оседень, – Да ты охмелел! – взревел вдруг воин, почувствовав запах виноградного питья от Сармата, который, не смотря на все усилия, внятно не смог уже выговорить ни единого слова в свое оправдание. – Ах ты щенок! – глаза молодого отца наполнились гневом – в таком состоянии он своего сына еще не видел никогда и часто опасался, что беспечный Сармат мог скатиться до такого. В мгновения ока в его руке мелькнула непонятно откуда взявшаяся палица – под ногами по всему залу были разбросаны груды мусора и поврежденных вещей – и он что было силы огрел своего сына. От тяжелого отцовского удара тот аж согнулся пополам и упал на колени, возмущенный же таким поведением сына Оседень нанес еще несколько больших ударов по спине Сармата и, отбросив палицу в сторону, направился к камину. С одной стороны, его терзало некое неприятное чувство, ибо до этого дня он никогда не поднимал руку на своих сыновей, по крайней мере в такой степени, но увиденное им стало последней каплей, так как Сармат уже давно начинал беспокоить Оседня своим поведением, и это прилюдное унижение могло послужить хорошим наказанием сыну впредь.

– Жестоко, – заметил один из тучных господ в золотых одеяниях, возле которого упал на мягкую подушку из марного бархата воин, – но справедливо, – Оседень вопросительно посмотрел на человека. – Должен тебе кое-что сообщить, – пододвинулся господин к молодому каму, – мы ведь, господа Алтынгарда, уже давно были наслышаны о вашем походе. И мы отнюдь не собирались сопротивляться и развязывать с тобой битву – нам нужно лишь было разыграть представление.

– Для чего? – такого откровения Оседень вовсе не ожидал.

– Для тех прислужников Зохака, которые находятся в городе. Они должны были видеть, что мы сдались на по собственной воле, дабы Зохака начал бояться твоего войска.

– Зачем вам помогать мне?

– Это о тебе идет речь в том пророчестве.

– В каком пророчестве? – не мог понять Оседень, откуда этим зажиточным господам юга было известно о тайном предсказании, которое в строжайшем секрете хранилось жрецами Севергарда.

– О, у нас на юге каждый пес хоть раз в жизни да слышал сказание о том, что рано или поздно явится в полуденные земли потомок Ярена, и закончится власть Зохака. Когда наши разведчики донесли, что семиводский царь собирает войско для похода на юг, мы поняли – время настало.

– Не впервой я уже слышу об этом предсказании, – задумался воин, – но хочу сразу же поставить его под сомнение, ибо даже если оно и является правдивым, то речь в нем идет явно не обо мне, – Оседень, казалось, пытался не столько заверить алатынского господина, сколько убедить самого себя в том, что его участие в данном походе было истолковано неверно. – Я не собираюсь идти войной на Зохака – мне было поручено лишь заручиться вашей поддержкой. Я это сделал, теперь же меня ждет мой храм.

– Так ты жрец? – задрал брови аж чуть ли не на лысину полный господин, – Но как же твои обещания, данные под стенами нашего города? Ты же говорил, что вы выдвинетесь на Зохака первыми. А теперь, выходит, ты хочешь просто развернуться и уйти обратно.

– Но вы же поддержали нас в итоге.

– Однако мы можем и передумать – мы свою часть уговора выполнили, пошли на союз с Семиводьем, ты же его хочешь вероломно нарушить в первый же день мира. Когда остальные господа узнают об этом, я не думаю, что они согласятся остаться использованными, – карие глаза собеседника сверкнули.

– Если вы окажете сопротивление, то больше от этого потеряете вы сами, нежели мое войско, – на мгновение Оседень даже заколебался с ответом.

– Ха-ха, – добродушно усмехнулся алатынец. – Во-первых, будешь ли ты рисковать хотя бы даже половиной своего войска? Ты же как жрец, вероятно, изначально хотел избежать военного столкновения. Во-вторых, большая часть твоего войска захмелела на сегодняшнем пиру, а значит – утром нашим воинам не составит особого труда перебить твоих. Ведь несмотря на то, что и наши порядком перебрали с вином, но для них это дело привычное, в отличие от твоих неподготовленных воинов. Да, и в-третьих, господа могут проводить вас как друзей, а на следующий день принимать в этом дворце уже Зохака, который пренебреженно загорится желанием поскорее посетить Алтынгарт после такого. Выходит, Оседень, что пути назад у тебя нет.

– Что же, – понял, что вступил в беседу с далеко не простым человеком, молодой кам, – теперь уже вы ставите нам условия?

– Нет, что ты, – отмахнулся алатынец, – я лишь напоминаю тебе об условиях, предложенных же самим тобою. И если вы хотите нанести чувствительный удар по Зохаку, то отправляйтесь на юг – освободите народы Уречья, они поддержат тебя и станут куда большей опорой нежели какой-то скромный городок на рубежах Семиводья.

– Нет, – Оседень этим вечером уже пребывал в состоянии эйфории и предвкушал, что уже совсем скоро окажется в своем родном Кологарде, вернется служить в Храм Вед и заживет прежней жизнью, – не могу. Я – не воин, я – жрец.

– А мне сдается, что ты сознательно уходишь от своего рока. Но твои желания здесь не имеют совершенно никакого значения – даже если ты развернешься и уйдешь, мы заставим тебя вернуться, ибо ты должен вступить в схватку с шахиншахом, и чем раньше это случится,

тем лучше, – глаза алатынца излучали доброту и открытость его намерений, ему хотелось доверять. – Послушай меня, ты уже не просто Оседень – твой рок речет, что ты не кто иной, как Арий Оседень, как являлся Арием и Ярен, как был им и Яровинд – первый царь Арты. Так нам должно и тебя именовать, воин, – молодой жрец все больше и больше чувствовал свою беспомощность и, сам того не желая, против своей же воли приходил к мысли, что он действительно не мог сейчас повернуть назад. Не так он себе представлял этот захват города – все должно было пойти по-другому. Нынче же он оказался втянут в такую грандиозную авантюру, из которой одним походом теперь уже не представлялось возможным выпутаться. Нужно было выполнить договор и отправиться дальше на юг с войной, что являлось самым страшным сном Оседня.

Глава 4. Царь бернов

Весна 183 г. Третьей Эпохи

Еще с самого утра воины Руса начали разбивать свои походные шатры на одном из зеленых холмов вблизи толстых бревенчатых стен небольшого с виду городка. Несколько дней назад войско возглавляемое Русом перешло стремительную реку Ратон, катящуюся водопадом из Чюдрокских гор в Касское море, и уже на немалое количество верст отделилось от ее правого берега. Городишко же, которое сегодня утром раскинулось перед взором Руса, как стало ясно из рассказов жителей местных деревень в округе, являлся столицей самопровозглашенного Царства Барны. Уже несколько недель Рус ожидал какого-нибудь, пусть и небольшого, сражения. Ведь именно за этим он и согласился отправиться в сей поход, но до нынешнего дня ни одно серьезное препятствие на пути войска не встречалось: сельчане лишь встречали сородичей хлебом да солью и предлагали ночлег. Даже берны-земледельцы относились довольно дружелюбно к проходящим через их земли воинам, хотя и не могли не замечать их семиводских хоругвей. От всего этого Русу становилось все скучнее и скучнее с каждым днем. Теперь же столица всей Барны стояла перед ним, и тут-то уже, казалось, без сражения не обойдется. Неожиданно мысли Руса прервал вошедший в шатер доносчик, кроме них там еще пребывал и Славен.

– Пришло послание от Царя Барны, кам, – поклонился воин.

– Отдай его Славену, – повелительным жестом приказал Рус.

– Слушаюсь, – доносчик торопливо поспешил вручить сверток советнику и покинул шатер.

Славен развернул бумагу, и его глаза забегали по строчкам.

– Ну, что там? – Рус был как обычно суров.

– Царь Атей пишет, что рад приветствовать нас в своих землях. Говорит, дабы мы располагались как дома, и что он может предоставить нам все необходимое, если мы попросим. Также он спрашивает, с какой целью мы прибыли в Барну, с миром ли, с мечом ли, и куда держим путь.

– Хм-м, весьма любезно с его стороны. Не находишь, Славен?

– Нам определенно благоволят Боги – на протяжении всего нашего пути мы еще ни разу не встряли ни в одно сражение.

– Ах если бы только нам благоволили Боги войны... – без даже малейшей драки Рус чувствовал себя в этом походе словно не в своей тарелке, теперь же, кажется, появился шанс на то, что берны просто так сдаваться не захотят.

– Я предлагаю написать ответ сегодня же, дабы не заставлять царя ждать.

– Для меня есть лишь один царь – Сам, иных же самозванцев я не признаю, – Рус вдруг резко вскочил и начал расхаживать по шатру. – Мы обязательно напишем ему ответ, только нужно будет очень тщательно его обдумать...

– Не торопись лишь ввязываться в драку, – казалось, Славен начал понимать к чему клонит Рус, и молодому воину не нравилось то, что его брат захочет его отговорить от задуманного.

– Я не буду никуда ввязываться. Я лишь напишу ответное письмо и предоставлю Атею выбор.

– Я знаю, какой выбор ты хочешь ему дать: подчиниться либо умереть. Он явно предпочтет второе – берны воинственный народ, и просто так они никогда не сдадутся. Лучше подружиться с ними.

– Они в первую очередь – отщепенцы. Из-за таких, как они, Великая Арта и развалилась на части, ибо каждый мелкий князек начал тянуть одеяло на себя, пытаясь урвать кусок побольше и завладеть им.

– Но ведь то же самое сделали и семиводцы, они поступили точно таким же образом, – спокойно заметил Славен.

– Да, но ты посмотри на обширные земли Семиводья и на Царство Барны, которое легко впишется в любую нашу волость. Такие маленькие земли не должны быть самостоятельными, кто-то должен их держать, – Рус всегда был за справедливость, и такое разделение земель, которые некогда были едины и управляемы его предком Имиром, казалось кощунственным для него.

– Несмотря на все это, мы можем договориться с бернами – они станут нашими союзниками. Особенно, если мы поведаем им об истинных целях нашего похода.

– Не могу согласиться с тобой, Славен, ведь они на протяжении нескольких веков состоят во вражде с касами. И я не думаю, что, когда они узнают, куда мы направляемся, они согласятся помогать нам, – Рус никак не хотел отступить от мысли, что сражение все-равно было неизбежно.

– Ты забываешься, Рус, что они наши родичи, и что у них сходные понятия о чести – они не станут вставлять нам нож в спину только из-за того, что мы поддержим Одина.

– Алатынцы тоже некогда были нашего роду-племени. И что же? Сам отправил поход на них с четкой целью – захватить, – продолжал сопротивляться витязь.

– Ты же не думаешь, что Оседень применит силу для этого? У него есть весьма полезная способность убеждать.

– Оседень – жрец, и все военное ему чуждо! Я – воин, мне необходимо это сражение! – уже напрямую сознался юноша.

– К чему это самолюбие здесь, Рус? Пойми же ты, что мы не можем просто так взять и развязать войну только по той причине, что тебе хочется выплеснуть свою силу на кого-то, – все так же размеренно звучал голос Славена.

– Если берны действительно такие искусные воины, как о них говорят, а не трусы, то они не преминут вступить в честный поединок со мной.

– Я все же советую тебя еще раз хорошенько над всем поразмыслить. Я дам тебе весь оставшийся день на это и ночь, а наутро мы напишем ответ.

– Разве так можно? – удивился Рус, ибо не был знаком с правилами ведения дипломатической переписки. – Не должны ли мы дать ответ сразу же, как получили послание?

– Это – не обязательное условие, – подошел Славен к уже уставшему метаться по шатру, присевшему на стул Русу. – Я надеюсь, что ночью тебе в голову придет мудрое решение. Но обещаю тебе, что, какое бы оно ни было, я поддержу тебя в любом случае и напишу письмо с таким содержанием, какое ты пожелаешь.

– Хорошо, – молодой витязь решил прислушаться к совету брата и обдумать свое решение еще раз, – утром я дам тебе окончательный и точный ответ, – тут Рус на мгновение замолк и потом добавил, – Но вряд ли он слишком изменится.

– Надеюсь, что именно так оно и будет. Ты – разумный кам, и обязательно примешь верное решение...

Как Рус и обещал своему брату и советнику, он провел весь вечер предыдущего дня, взвешивая все «за» и «против» развязывания войны с бернами. Рус несколько раз пытался переступить через свою гордость и свое эго, но жажда отчаянного сражения все же брала верх над ним. Он должен был с прискорбием отметить для себя, что стал зависим от битв и герой-

ских подвигов за все эти года, проведенные им в путешествиях по Семиводью и Чюдроку. С каждым новым поверженным врагом Рус ощущал все больший прилив силы и наслаждения. Иногда даже ему самому становилось страшно от того, насколько сильна в нем была жажда убийства – именно так он мог охарактеризовать свое непомерное влечение к сражениям. Казалось, постепенно это становилось его самой навязчивой мыслью, ибо даже во снах ему снились кровавые и наполненные яростью битвы, в которых верх всегда одерживал он. Возможно сия его мания была обусловлена еще и тем, что за столь длительное время своих скитаний вместе с братом он ни разу не встретил противника достаточно способного и достойного, того, который мог соперничать с ним, Русом, на равных. Своя самая первая драка ему теперь уже казалась детским лепетом, хотя тогда он и был почти на грани и мог быть повержен в любой момент. Но каждая такая битва лишь закаляла юношу все больше и больше, а жажда убивать разжигалась все сильнее и сильнее. Но с другой стороны Русу также было не чуждо понятие чести, и он прекрасно осознавал и ощущал, что если он перестанет следовать сей добродетели, то рано или поздно все-таки превратится в настоящего убийцу и разбойника. Пока же он еще мог называть себя достойным словом «богатырь». Однако, молодой человек также ощущал, что находится на грани, и она, эта грань, с каждым разом становилась лишь тоньше и размытие, и порой уже было сложно контролировать свои эмоции во время боя. Рус понимал, что в любой момент может сорваться, и мог благодарить лишь своего старшего брата за то, что благодаря его рассудительности он все еще держался чести и не стал хладнокровным убийцей. Он нисколько не винил своего брата в том, что тот его часто упрекал и пытался наставить на верный путь, но зависимость была сильнее. И эту тягу порой невозможно было преодолеть.

– Ты подумал над своим решением? – вернул вдруг голос Славена к реальности Руса.

– Ах, да, я долго думал... – приподнялся с подушки молодой воин, – ты знаешь... – Русу было тяжело сознаваться, ибо он не хотел в очередной раз расстраивать брата. Но что он мог поделать?

– Я все же до последнего мгновения буду надеяться, что ты принял единственно верное решение. Но знай, какое бы оно ни было – я поддержу тебя, – голос Славена звучал все также умиротворенно, как и всегда.

– Что же, – вздохнул Рус, – тогда бери чернила и бумагу, – махнул он рукой на стол противоположной стороны шатра. Славен приготовился записывать за братом.

– Итак, пиши: Я – Рус, Кам Семиводья. Я верно служу своему царю, Саму, и нет для меня иных царей. Путь мой лежит в земли Одина, к Касгарду. Через твои же земли, Атей, я вынужден пройти. И к тебе у меня есть лишь одно предложение, – Рус встретился глазами со Славеном и тут же продолжил, – либо ты немедленно покоряешься мне и отдаешь свои земли Семиводью, либо я возьму их силой, – от взгляда молодого воина не смогло скрыться глубокое разочарование выступившее на лице Славена, что еще больше ранило самого Руса, но такова была его натура, и поделать ничего он не мог. – Жду твоего немедленного ответа, Атей. В противном же случае я начну нападение первым. Точка.

– Я рассчитывал, что ты окажешься разумнее, Рус...

– Не время для нравоучений, Славен – мы на войне!

– Я обещал, что поддержу тебя в любом случае, – капнул брат Руса каплю воска из свечи на свернутую бумагу и приложил свою печатку, – и свое обещание я сдержу, – встав из-за письменного стола, советник направился к выходу из шатра и окликнул кого-то:

– Вот, доставь это Царю Барны, – сунул он сверток юному витязю, – и доложи всем, чтобы начинали готовиться к битве. Не позже обеда мы выступим войной на столицу бернов и возьмем ее, чего бы это нам не стоило! Смазывайте броню, наточите мечи и приготовьтесь к отчаянному сражению – берны являются яростными воинами и могут обретать силу бера на поле боя!

Когда Славен отправил юношу, Рус в знак благодарности похлопал его по плечу сзади и направился в оружейную. Несмотря на свое заявление, он не собирался ждать ответа бернов. Жажда крови в нем становилась сильнее, и он никак не рассчитывал на мирный исход событий. Чем ближе приближалось само сражение, тем больше Русом овладевали чувства маниакального предвкушения ожесточенной схватки. С каждым затянутым ремешком своих доспехов его взгляд становился все суровее и, казалось, словно пустел – зрачки его начинали дико пульсировать и расширяться, практически полностью скрывая всю глубокую синеву его очей. Дрожащими руками Рус подобрал свои золотые волосы и медленно надел на голову червонный шлем. Когда же настало время привязывать ножны, то взгляд богатыря застыл вдруг на лезвии его стального, начищенного меча, которым он порубил немало вражеских голов. Внезапно по долу лезвия потекла стремительная струйка алой крови. Сильно зажмурив глаза, Рус попытался прогнать нежеланное видение, ибо оно могло еще больше ввести богатыря во искушение и лишить ясности мысли полностью.

– Они идут! – вдруг вновь прервал дрему Руса его брат, на этот раз бесцеремонно ворвавшийся в оружейную с взволнованным выражением лица. – Пора.

Берны уже выступили в полном обмундировании, в глазах их проявлялась вся ярость этого воинственного народа. Несомненно, такое резкое послание их царь принял за непозволительную дерзость со стороны пришедших в их земли гостей. На это и рассчитывал Рус, отсылая то наглое письмо с гонцом в столицу бернов. Царь Атей скакал впереди всего их войска, которое хоть и не было маленьким, но все же размерами значительно уступало семиводскому. Рус также возглавлял свое воинство, которое медленными, но уверенными шагами наступало на бернов. Неожиданно для всех Рус пришпорил своего коня и галопом поскакал прямо на Атея, шедшего немного впереди своей дружины. От такого поворота событий все его воины вдруг насторожились и схватились за рукояти мечей, будучи готовым вытащить их из ножен в любой момент. Но к еще большему удивлению всех Рус также внезапно потянул своего скакуна за узды, как только поравнялся с Атеем. Седой царь внимательно оценивающим взглядом осмотрел юного нахала.

– К чему нам губить столько своих хороших воев? – обратился Рус к Царю Барны, – Мы можем решить сие недоразумение один на один! – богатырь, несмотря на всю свою помешанность, все же сумел перебороть себя и сохранил долю здравого смысла, осознавая, однако, что сия битва нужна была лишь ему.

– Достойное предложение для такого наглеца, как ты, – брезгливо заметил Атей, – Кто будет сражаться от вашей стороны?

– Я, – бросил грозный взгляд на царя Рус.

– Еще и чересчур самоуверен, – берн всем своим видом показывал, что не считал и всего семиводского войска достойным его правой руки, не то, что самого Руса.

– А от вас кто не побоится сражаться со мной?

– Вот он я, перед тобой, – развел руками Атей.

– Старик? – с издевкой усмехнулся Рус.

– А что же, старики тебе трепку еще никогда не задавали? – и не став дожидаться ответа, царь вдруг мощным движением руки скинул молодого воина с коня и спешил сам. Такого позора Рус еще никогда не терпел, и это лишь еще больше раззадорило его пыл и желание вступить в жестокий поединок. Прежде еще никогда Русу не доводилось бить людей на столько старше его, да и к старикам он всегда относился с почтением. Но в этот раз все было совершенно по-иному: Атей и сам был далеко не мирным стариком и своей задиристой натурой заставил Руса позабыть о последних остатках уважения к пожилым людям. Несмотря на свой возраст, седобородый царь ничуть не уступал молодому богатырю в своей силе. Пребывая в огне ярости, Рус все же не мог не отметить того, что такого поистине равного соперника

не встречал уже давно, и что это было именно то, чего он жаждал на протяжении всего этого времени, пока шел их длительный нудный поход.

Воин уже не мог сосчитать сколько времени прошло с тех пор, как они сцепились, ибо все больше и больше отдавался бою, сознание же его находилось в этот момент где-то высоко, далеко отсюда – лишь тело его искусно двигалось, отражая наносимые твердой рукой берна удары. Внезапно на землю Руса вернул неожиданный и резкий пропущенный им удар мечом, лезвие которого рассекло правое плечо богатыря. Юноша почувствовал, как разгоряченная кровь хлынула из открытой раны, и одежда вдруг стала сырой и влажной. Рука, казалось, онемела и перестала ощущать меч, который словно щепка выпал из руки богатыря. Рус упал на одно колено, дабы поднять оружие. Ему казалось, что он проделывал все довольно быстро и ловко, но внезапно он лишь успел заметить, как тяжелая ступня старика промелькнула перед его лицом, и в челюсти раздалась сильнейшая боль – Рус упал на спину. Он мог видеть, как Атей подошел к нему и вдруг выбросил свой меч в сторону. В это же мгновение боль резко куда-то подевалась и некий прилив сил одолел богатыря – ногой он вдруг нанес мощный удар по коленям старого берна и тот грохнулся наземь. Вскочив на него сверху, Рус целой левой рукой замахнулся на царя, но тот вдруг поймал и задержал его удар:

– Я должен отдать тебе должное, – сказал Атей, сплюнув кровь, – ты – сильный малый и достойный воин, – Рус вдруг понял, что уже был удовлетворен и жажда крови более не теплилась в его груди, довершать начатое он не видел смысла, – таких мы уважаем и рады приветствовать в своей столице, – Рус помог старику встать с земли и они заключили друг друга в крепкие объятия, словно не было всего этого сражения еще несколько мгновений назад.

– Все в порядке, – крикнул уже отряхнувшийся Атей своим воинам, – они – наши союзники! – с обеих сторон раздались одобрительные боевые кличи.

– Я еще раз хочу поблагодарить тебя и попросить прощения, царю, – в который раз за вечер уже обращался Рус к Атею. В то время как для всех присутствовавших в небольшом деревянном доме царя этот богатый пир был только в радость, и многие воины из противоположных лагерей уже пили священную сурью «за дружбу», а прекрасные бернские девицы отплясывали с семиводскими юношами под веселую игру гуслей и дудок, Рус все еще пребывал в смятенном состоянии и вовсе не разделял того веселья, что творилось вокруг по поводу установления мира. – Я сам не знаю, что на меня нашло. Это чувство, которое начинает управлять мною и ведет меня в бою, некая жажда крови... Этого сражения можно было бы избежать.

– Ты знаешь, – утирая усы, начал царь, – тогда утром я увидел в тебе нечто большее, чем просто желание убивать. В твоих глазах я видел, как раскрывается в тебе ярь, но не простая ярь, а ярь бера. Таким ее проявлением искусно владеть могут лишь настоящие берны. Именно поэтому я не стал тебя убивать, не знаю каким образом, но ты – один из нас. В твоих жилах течет кровь берна.

– Но я – внук Сама и сын Зоряна, мы – из семиводцев.

– Значит, твоя мать была из наших земель. Иначе объяснить эту твою способность я не могу. Но заверяю тебя, что в любом случае берны теперь навеки являются твоими союзниками, знай это.

– Разве мы не являемся вашими врагами? Ведь вы никогда не хотели присоединиться к Семиводью.

– Мы никогда не испытывали никаких чувств к Семиводью: ни положительных, ни отрицательных. Не присоединяемся мы ни к кому лишь по той причине, что мы – отдельное племя и чтим коны наших предков, которые расходятся с теми, что были приняты Союзными правителями. Мы имеем столько же прав утверждать о самостоятельности своего царства, сколько

и Один. Но он, будучи слишком самоуверенным, не один раз являлся в наши земли, пытаясь подчинить их себе, однако, всякий раз у него ничего из этого не выходило – сражаться с бернами бессмысленно. Поэтому Одина мы не любим. Правда, есть некоторые из нас, кому известно о родстве Трояна и Одина, из-за чего они также резко неодобрительно относятся и к унаследовавшему престол Трояна Саму. Но эти единицы не делают всего нашего общего настроения.

– И как ты смотришь на то, что целью моего похода является все же установление союза с Одином и служение ему?

– Я скажу так, что друзья моих друзей – мои друзья. Отныне мы согласны вступить в равноправный союз с Касским Царством и Семиводьем, ибо мы знаем какую цель преследуете вы. И поверь, что в войне с инородцем Зохаком берны всецело поддержат своих братьев.

– Что же, я рад, что нам удалось достигнуть обоюдного соглашения! – тяжесть начала помаленьку отпускать Руса, и он даже немного повеселел.

– А в знак серьезности своих намерений, – продолжал Атей, – я готов отдать одну из трех своих дочерей замуж за тебя! Ты им явно приглянулся, да и мои красавицы, уверен, не оставили тебя равнодушным, – расплылся в улыбке царь бернов.

– Это было бы для меня превеликой радостью, – вдруг засиял Рус, ибо ему действительно запала в душу одна из тех девиц, как только он вошел в город верхом на своем коне.

– Что же, тогда предлагаю вам побеседовать сегодня, и если все сложится благополучно, то завтра же сыграем свадьбу! – поднял свой рог Атей и до дна осушил его.

Рус аккуратно встал с постели, дабы не разбудить свою возлюбленную, которая подарила ему вчера великолепную ночь, и начал поспешно одеваться. Уже третий день он находился в доме гостеприимного Атея, который был действительно честным правителем и достойным называться царем мужем. За эти неполных три дня для Руса словно вечность прошла, настолько он сроднился со всеми теми добродушными и открытыми людьми бернского города. В действительности он начал ощущать себя даже своим среди них, хотя еще пару дней назад готов был сравнять их всех с землей, а Атей вообще не признавал самостоятельным царем. Однако многое изменилось за этот небольшой промежуток времени, и даже неожиданно для себя Рус обрел свою вторую половинку, его молодая жена сейчас лежала на кровати и пребывала в мире своих грез. Она сочла Руса достойным мужчиной, дабы подарить ему свою девственность. И сам богатырь неоднократно благодарил Богов в ту ночь, что они даровали ему такое счастье. А по утверждению Славена это вообще должно было вернуть Русу его былую мягкосердечность и доброту, ибо сражения полностью заполнили его сердце в последние годы. Молодой человек и сам ощущал, как за два с небольшим дня превратился в беззаботно влюбленного юношу, и на какие-то мгновения он даже забывал о своих целях и обетах, и ему казалось, что его счастье с любимой женой теперь должно было длиться вечно. Но эти утром он проснулся и тот дурман покинул его молодую голову, он вновь вспомнил о тех обетах, которые давал своему царю Саму в Кологарде, и не мог предать свою державу. Рациональная часть мозга начала активно пробуждаться в нем в то утро, дав небольшую фору эмоциональной.

– Ты уже покидаешь меня? – вдруг раздался сонный голос из-за спины, и Рус был вынужден оставить свои мысли на потом.

– С добрым утром, Ланушка моя, – опустил он на кровать рядом с супругой.

– Я думала, ты удержишься надольше, – по ее глазам было видно, что она немного расстроилась, осознав, что их такое мимолетное совместное счастье подходило к концу.

– Ты же знаешь, что я – воин, и обязался исполнить возложенные на меня задачи.

– Я понимаю, но может ты мог бы остаться еще буквально на пару деньков? – по-детски с надеждой засияли ее глаза.

– Краса моя, я должен как можно скорее оказаться у Одина, дабы предупредить его о мире с вами, иначе, судя по его вспыльчивому нраву, он может опять явиться в ваши земли с войной. Если бы ты только знала, как я сам хочу остаться с тобой навечно, – взял Рус маленькую ручонку своей жены и приложил к своей горячей груди.

– Разумом я не могу не согласиться с тобой, мой лев, но сердце говорит об ином... – воин поцеловал руку своей возлюбленной и, встав с кровати, продолжил одеваться, – Ты же скоро вернешься? – Рус заметил, как по щеке Ланы покатила одинокая слеза.

– Обещаю тебе, что как только закончу со своим заданием, то сразу же вернусь к тебе и мы проживем вместе долго и счастливо, растя наших златовласых детишек, – вновь склонился над женой Рус. – Ты же знаешь, что значит обещание воина – я его обязательно сдержу.

– Я буду ждать тебя... – вдруг крепко обвила шею богатыря своими лебедиными руками Лана и подарила ему долгий сладкий поцелуй.

– Вот возьми это, – сорвал со своей шеи Рус медальон, раздобытый им еще в одном из своих первых странствий по Семиводью, и протянул девушке, – это мой оберег. Видишь, алый самоцвет, а над ним с распростертыми крыльями – сколот, – провел пальцем по изображению четырехпалой птицы над ярко сверкающим рубином воин, – Он будет хранить тебя и наше чадо, пока меня не будет рядом, – зажав медальон в пальцах девушки, Рус склонил свою голову и приложил руку к обнаженному чреву дочери Царя Барны.

Касгард был заложен еще самим Кайсаком, средним братом Ярена и Имира, в предгорьях Касских вершин. Тогда, после Битвы Арты, четверо оставшихся наследников правящего рода Яровиндлов, братья Ярен, Кайсак, Кресень и Имир разделили между собой земли Великой Арты и правили всей Конфедерацией одновременно. Старший брат Ярен взял себе Чюдрок, где находилась старая столица Арты – Севергард. Второй брат Кайсак контролировал северо-западные земли Арты, в которые входила Барна, север и юг Касских гор, ставшие после распада Арты отдельными Касским и Вандским Царствами, а так же бескрайние просторы на северо-западе Аркхорна, где расселялись рода бернов вышедшие из Барны вплоть до границ Мории по проливу Танапр. Третий брат Кресень выбрал себе скромное звание Наместника южной Акалиании, а самый младший, Имир, заложил Кологард и взял себе в правление Семиводье, Ринию и все южные земли. После же смерти всех старших братьев он единолично управлял всеми землями Арты, пока не был свергнут Зохаком.

В жизни Касгард оказался совсем не таким, каким его себе представлял Рус. Сей город не задумывался, конечно, как некая великая столица и те, кто внесли свои силы к его возведению, не преследовали цели сделать нечто вычурное и грандиозное. Потому к небольшому разочарованию богатыря столица Одина оказалась совершенно ничем не отличающейся от городов, которые можно было встретить по всему Семиводью: те же деревянные стены из частокола, срубные дома, которые все же в отличие от строений в том же Кологарде не были украшены всевозможной гипюровой резьбой и пестрыми узорами. Да и в целом столица Касского Царства отличалась даже от бернской тем, что последняя хоть отчасти сохранила древнюю культуру создания из простых жилых домов некоего произведения искусства. В землях же Одина царствовал лишь крайний сухой прагматизм и все излишнее было неприемлемо для касов, так жители этого царства именовали себя. Что же удивило Руса, так это сам дом Одина, который без преувеличения можно было смело назвать дворцом: правитель отстроил себе пятиэтажный терем из отборной сосны, да при чем такой широкой, что ее, скорее всего, доставляли в свое время из северных земель. Как объяснил Славен, этот огромный терем Один отводил

не только под свое жилище, ибо он скромно занимал лишь последний пятый этаж, самый меньший из всех, но и для всех державных служащих: там обитали и все его советники, бояре двора, даже личная дружина царя размещалась в одном из крыльев дома на первом этаже. Также во дворце находились и все необходимые помещения для ведения державных дел: так Один назначал отдельные комнаты для проведения державных советов, городских вече, стратегических размышлений, даже отдельно находились тронный зал, в самой середине дома на первом этаже, и зал для пиров. Примечательно было и то, что первый зал был гораздо просторнее второго, что сразу бросилось Русу в глаза, как только стражи с каменными лицами распахнули перед ним и Славеном главные врата терема.

Сам Один восседал на своем дубовом троне, который в отличие от иных вещей был украшен некими искусно вырезанными символами, подчеркивавшими, вероятнее всего, титул и высокое положение правителя. Он же с самого первого взгляда показался Русу чересчур серьезным и строгим: старческие морщины покрывали все его лицо, давая понять, что этот человек правил уже не одно десятилетие в своем царстве; его непомерно длинные седые космы касались самого пола, пока Один сидел, а густая борода была заплетена в сотни мелких косичек. При виде гостей, царь не проявил ни малейшей эмоции – его лицо оставалось по-прежнему таким же каменным, как и у его стражей. Однако, было заметно, что гостей он все же ожидал, ибо уж слишком важно и неправдоподобно он возвышался на своем троне, как это делают правители обычно лишь когда должны встречать кого-то. Рус не замедлил тут же подойти к престолу и упал на одно колено, склонив главу:

– Здравия, твое сиятельство! Я прибыл по приказу внука твоего брата и Царя Семиводья Сама, да продлятся дни его. Цель у меня одна: я здесь, дабы заключить союз с тобой, и я дал обет своему царю служить тебе и помогать в охране рубежей твоего царства.

– Здравия и тебе, витязь! – громогласным, далеко не старческим голосом отвечал Один. – Наслышан о твоей победе над бернами, – по всему было видно, что он пребывал в прекрасном расположении духа, однако, по-прежнему оставался серьезным. Он медленно встал, поправил свой камзол и протянул руку гостю. – Рад приветствовать вас, – бросил он взгляд и на стоящего позади Славена, – в Касском Царстве!

Глава 5. Рождение Семерии

Лето 184 г. Третьей Эпохи

Оседень, которого отныне его верные соратники с подачи алатынских господ стали величать Арием, все же принял окончательное решение продолжить свой поход и смирился с тем, что возвращение в жречество ему необходимо было отложить на еще больший, неопределенный срок. Задерживаться в Алтынгарде он долго не стал и уже совсем скоро после взятия города вновь собрал все свое разгулявшееся и расслабившееся войско, направив его далеко на юг. Так шли они, освобождая город за городом от владычества Зохака, который все еще почему-то не начинал шевелиться и беспокоиться, никак себя не проявляя. Через год воинство Ария Оседня вышло к Комоканскому морю и начало продвигаться вдоль его берегов на запад, где, обогнув множество небольших заливов, которыми была испещрена вся береговая линия, подошло к землям, располагавшимся в дельте одной из самых великих рек тех мест – Кураксы, имя которой было дано пришедшими сюда после Битвы Арты акалианцами, жителями далекой юго-западной Акалиании. В той войне представители этой человеческой расы с бронзовым цветом кожи воевали на стороне рода Курасов, которые сами были наполовину акалианцами, а на другую половину – одной из веток правящего рода Яровиндлов. Одной из причин той древней войны и было то кровосмешение, которое допустил Курас – родной дядя Ярена, Кайсака, Кресеня и Имира. Курас, будучи Наместником утопающей в зеленых лесах восточной Акалиании, взял себе в жены местную девушку. И дети его родились уже наполовину инородцами, но претендовали на престол Арты на равне с остальными наследниками рода Яровиндлов. Тогда-то Ярен, будучи старшим из наследников, и собрал всех своих младших братьев на вече, на котором они и постановили изгнать Курасов, детей Кураса, из правящего рода. Однако те просто так сдаваться не захотели, и тогда и развязалась та великая война, окрещенная Битвой Арты. Согласно сказаниям, Яровиндлов тогда поддержали многие чистокровные народы Метроура. Первыми были кемианцы (или такем-ырки), племя древней расы кхортов имевшее кожу от черного до бронзового цвета и ярко-желтые глаза. Их родиной был остров Кемия в Комоканском море, но проживали они и на юге Аркхорна – в землях будущей Семерии и на Мадайском полуострове. Давным давно, в Эпоху Ветров, когда Метроур погрузился во власть бесконечных бурь, ураганов и смерчей, некоторые племена кхортов, называемые рин-ырки и кали-ырки (известные как низкорослые, коренастые ринцы и высокие, крепкие акалианцы), что обитали в южных и юго-восточных землях Аркхорна, в джунглях Акалиании и горах Ринии, изменились – под влиянием неких темных сил они стали терять свое человеческое начало, высокие души начали покидать их тела и потому очи их из ярко-золотистых и ярко-желтых стали угасать и превращаться в бездонно черные и пустые. Они то и встали на сторону Курасов, а сохранившие свое истинное начало желтоглазые кхорты из Кемии сражались в той битве плечом к плечу вместе с ариантами. Также Ярену и его братьям помогали не только людские народы, но и кудесники ясны, вечномолодые долгожители живущие обособленно на Асилиуме, своем скалистом острове далеко на севере, являвшиеся детьми Духов-Сваоров. После того, как опустошенные в результате Битвы Арты южные земли покинули племена кемианцев и арианты, бронзовокожие акалианцы хлынули туда со своего полуострова, Акалиании. Долгое время они сами проживали в этих южных землях, пока сюда же не вернулись рода ариантов. Обосновавшись здесь, они подчинили себе акалианцев, живущих стаями, подобно волкам, и отвели им самое низшее место в их обществе, как этому и полагалось быть всегда. Единственные более-менее плодородные территории юга в дельте реки Кураксы были названы пришедшими сюда ариантами Уречьем. Так продолжалось, пока последний правитель Арты

Имир не был свергнут с престола юным и амбициозным Зохаком из племени акалианцев. Под его властвованием порядки в этих землях переменялись. Теперь же когда в эти земли явился семиводский кам и освободил местных ариантов, то все они склонились перед ним...

– Так, о чем ты хотел поговорить с нами, Арий? – спросил Порыш, когда Вятко, который теперь стал сотником семиводского войска и приближенным Ария, вошел внутрь шатра, разбитого у устья реки. Он был последним кого ожидали на наряду. То, что кам решил их всех собрать в своем шатре было как нельзя кстати, ибо находиться на улице в такой зной было смерти подобно.

– Что ж, теперь, когда все в сборе, я хочу поделиться с вами своим видением, – Оседень уже давно вынашивал в своей голове этот план, но все никак не хотел рассказывать его остальным, ибо считал, что подходящее время еще не настало. – Я решил заложить град, здесь, в низовьях реки Кураксы, – все были довольно ошеломлены таким сообщением – до этого целью их похода было лишь освобождение земель из-под власти южного правителя, сейчас же Арий выдвинул предложение остепениться. Он заметил растерянность в лицах своих приближенных, а потому добавил:

– Конечно же, я хочу испросить вашего мнения на этот счет, соратники.

– Я думаю, что это – нечто новое для нашего похода, – первым решил высказаться Моск – главный советник Оседня, – но в этой задумке несомненно есть зерно здравомыслия – многие южные рода и так преклонились перед тобой, если же установить град, который станет твоей ставкой, то мы, вероятно сможем объединить вокруг него их всех, тем более, что они являются нам братскими и по языку, и по крови.

– Не думаешь ли ты, что Зохак не оставит этого просто так? Все же он считает себя хозяином этих земель, – недоверчивым тоном спросил Троян.

– Да сколько мы ездим по его землям, он так вообще ни разу и не объявился! – вспыхнул Порыш, ставший одним из трех главных военачальников кама. – Какой он к бесу хозяин?

– Все это так, – оставался спокойным Моск, – но и он не глупец – свободные города – это одно, а вот новый город, у которого есть все возможности стать перекрестным – это совершенно другое дело.

– А что, если все это лишь большая ловушка Зохака? Быть может он лишь усыпляет нашу бдительность? – внес новое предположение в обсуждение Тур, сын Ария и второй военачальник.

– Ха, да бред это все! – вступил в беседу, расхохотавшись, и третий рыжеволосый военачальник – Сармат. – Зохак – трусит, вот и все! Конечно, такое мощное войско почти беспрепятственно разносит его мелкие разбойничьи отряды, оставленные в каждом местечке – наверняка он уже заколачивает ворота своего города досками! – вновь прыснул со смеху полный юноша.

– Да усмирись ты, юнец! – не стал больше слушать глупые доводы Сармата Троян. – Предположение Тура не лишено смысла.

– Возможно, – не смог не согласиться и Порыш, – но, выстроив город, мы в любом случае будем наготове, тем более, что к нам без сомнений примкнут и освобожденные народы.

– Я, пожалуй, соглашусь с Порышем – если результатом всего будет надежно обеспеченный тыл, и наши воины благодаря этому будут хорошо подготовлены к встрече с основным воинством Зохака, то тогда можно смело приступать к постройке города, – заключил Моск.

– Ну что же, я услышал ваши мнения, – Арий все же был доволен тем, что в общем все поддержали его идею, но не услышал он голоса Вятко, хотя за весь их поход тот и не отличался многословием, когда дело касалось принятия каких-либо важных стратегических решений. – А что скажешь ты, Вятко? – обратился он к своему сотнику.

– Что я скажу?.. Я лишь могу обещать повести свою сотню туда, куда прикажешь ты, и если для благополучного исхода нашего предприятия нужно будет возводить стены нового

города, то я прикажу это делать своим воям, – таким ответом Оседень доволен не был, ибо ожидал от юноши большей амбициозности, но тот унаследовал от своих предков лишь превосходную воинскую сноровку.

– Тогда я еще пораздумаю на сей счет, и оглашу о своем решении при всем войске. Об этом должны знать и местные жители. А пока на сегодня наше такое спонтанное маленькое совещание закончено! – когда все покинули шатер и Арий остался один, он прилег на свою постель и сомкнул очи, пытаясь углубиться в свои размышления. Сколько всего он уже натворил, чего жрецу делать никак не подобало. Уже целый год он убивал людей, тех, которые присягнули на верность южному правителю, его преданных псов, что стерегли города его Империи: воев, стражей, даже управителей, многие из которых были по происхождению из арианских родов. Но что могло их заставить встать на сторону Зохака? Возможно, все они были жертвами обстоятельств, присягнувшими на верность ему под страхом смерти и из-за этого же страха сражающимися за него. Не исключено, что были из них и те, кто преследовал свои личные корыстные цели. Но Оседень, никак не мог понять, как можно было предать и продать свой народ, хотя не известна еще была Арию власть менед, которые распространял по всем своим владениям коварный змей, заставляя людей братья за оружие и убивать друг друга за блестящие драгоценности. Были, конечно, среди прислужников Зохака и акалианцы, со смуглого цвета кожей и темными, будто мрак, очами, которым было легко править арианскими родами, ведь они были для них не свои, а значит, с ними можно было творить что угодно без зазрения совести, если она, конечно, у этих нелюдей была. И молодой кам мог представить все их зверства, учитывая тот факт, что во времена господства ариантов, еще при жизни Имира, все представители инородцев не могли занимать высокие положения в обществе – Зохака же дал им такие права, каких они с роду не имели, и теперь они почувствовали волю... Неожиданно мысли Ария прервал вновь появившийся в шатре Троян. Мужчина даже не заметил, как он вошел, и только легкое покашливание побудило его разомкнуть очи и увидеть родича.

– Ты что-то хочешь добавить? – любезно поинтересовался кам, аккуратно присев на своем скромном ложе.

– Я лишь не хотел говорить при всех, – замялся кареглазый Троян, – Оседень, я должен покинуть тебя, – Арий медленно встал и пристально начал всматриваться в очи дяди. – Меня ожидает моя жена, и сын, хоть я и полностью полагаюсь на его ум, все же не сможет он так долго управлять Троей, ведь я не предполагал оставлять его на такой длительный срок, да и Зохака может надавить на него, поднять дань или приставить своего человека во власть, к тому же еще за пресловутым Зоряном нужен глаз да глаз...

– Я все понимаю, Троян, – положил руку ему на плечо кам, – ты сослужил мне верную службу, за что я тебе непомерно благодарен. И, если честно, твой долг был исполнен еще тогда, в Алтынгарде. Посему в любое время ты можешь просить меня о чем угодно и рассчитывать на мою помощь – я примчусь, как только получу известие от тебя.

– Благодарю, – родичи крепко обнялись, – и знаешь, ты все-таки город построй, пусть даже Зохака и придет к тебе, требуя дань, но ты уже создашь оплот сопротивления, и помни, сколько за тобой стоят людей, – добавил он уже у выхода. – Ну, бывай здоров!

– И ты тоже, дядя! – Оседень в очередной раз отметил про себя, каким же мощным казался этот высокий человек со спины, по которой водопадом спускалась его черная густая грива...

Лето 204 г.

– Если ты хочешь знать лично мое мнение, то я считаю, что нам еще рано выходить открытой войной на Оплот Зохака, – заявил один из советников Семерии, собравшихся в каменном доме кама на очередное вече.

– Ты думаешь Семерия еще не окрепла? – Арий Оседень понимал, что отчасти один из верных мужей Урагарда глаголил истину, ведь хоть и прошло уже двадцать лет с тех пор, как им, Арием, и его братом Моском был заложен первый фундамент нового каменного города, которому они дали имя Урагард. За все это время пока они стояли в Уречьи – одной из самых благодатных земель здесь на юге, в низовьях Кураксы – жители многих местных поселений стекались именно к этому граду. Некоторые из них являлись и из местности известной, как Мадайя, находившейся еще под властью Зохака, что к востоку от Уречья и к югу от Семиводья. Все они были потомками тех древних ариантских родов, которые покинули юг после того, как последствия Битвы Арты опустошили эти земли, а затем вновь вернулись туда во времена правления Имира. Все эти рода помнили, кем они были по крови и сразу же признали в пришедших с Оседнем воинах единокровных братьев. Самого же кама они зауважали еще больше, когда он бесстрашно начал ходить со своим войском от поселения к поселению и вступать в битвы с прислужниками Зохака, которые держали все те города и взымали с них дань. Арий же освободил эти земли и дал им независимость. Именно по этой причине люди начали со временем приходить в новый Урагард, тем более, что многие участвовали в его возведении, чтобы преклониться перед камом и присягнуть на верность. Сам же Оседень ни коим образом не желал принимать предложения местных жителей стать их новым правителем. Вскоре Урагард стал центральным местечком для поселений Уречья, ибо, хоть Арий и отрицал свое лидерство в этих землях, но все же город в полноводной дельте Кураксы, испещренной множеством мелких каналов, стекающих в Комоканское море, показался удобным и подходящим для всех мужей Уречья, чтобы собираться в нем на вече. Так образовался некий союз всех родов в тех землях, который Моск предложил назвать Семерия, что указывало на нахождение сего союза в подданстве Семиводья, с чем Оседень с радостью согласился, ибо все же для него единственным царем и повелителем всегда оставался Сам – правитель Семиводья. А все населявшие те земли ариантские рода стали именоваться семерианцами. Тем не менее, полноценной державой Семерия так и не становилась, да и Арий того не желал, он лишь присоединил свои земли к царству, хоть они и находились далеко от него, и представлял себя лишь военным камом Семиводья.

– А, по-моему, Семерия уже готова для похода – Зохака уже давно струсил и боится отправлять своих головорезов к нам, тем более, что все мы поддержим Ария и присоединим своих воев к его войскам, – слова иного копного мужа все же не казались Оседню разумными – он не был уверен в том, что его уже изрядно потрепанному войску, да еще и отвыкшему от войны за эти двадцать лет, было под силу сейчас одолеть воинство Зохака. Нужно было еще больше времени и для подготовки своих дружинников, и для набора новичков из местных семерианцев.

– Как бы ты рассудил, Моск? – Оседень всегда знал, что на советы его мудрого брата можно было положиться – пока они еще ни разу не подводили его в походах.

– Хм-м, ты знаешь, – начал плавно перебирать свою бороду мудрец, – я все же подержу тех наших мужей, которые посчитали твое предложение о войне сомнительным. Мы действительно пока не достаточно окрепли, чтобы в открытую сразиться с войском Зохака, – Арий это прекрасно осознавал и сам, но все же выставил этот вопрос на вечевое обсуждение, дабы узнать мнения всех боярых мужей на сей счет. – Но, мы можем прийти и к некому соглашению с теми, кто считает поход возможным и даже необходимым, – тут у кама в глазах загорелся огонек – все-таки какая-то часть его уже хотела наконец сдвинуться с места и продолжить свое дело. – Немного западнее от нас есть опаленные земли, в которых в глубокой древности ариантскими родами был возведен великий град с крепкими стенами, который назывался Рутельгардом. Когда же змей начал захватывать южные земли, покорила он и Рутельгард, который переименовал в Альмак на свой лад, и который стала его первой мощной крепостью, пока он наконец не возвел себе Оплот. Сейчас же этот городишко с землями Опалона стал лишь частью

Империи Зохака, хотя и является по-прежнему его духовной столицей, ибо там змей возвел святилище своим Богам, – Арий, кажется, уже начал понимать, к чему вел Моск.

– То есть, это – его слабое место, выходит? – все начало в голове у кама выстраиваться в логическую последовательность.

– Так оно и есть, и взять его будет проще простого, ибо предназначения у этого городка лишь храмовые, но не оборонительные. Взяв же его, мы получим огромное преимущество, к тому же к нам присоединятся единокровные арианты, населяющие Опалон, – Оседень заметил, как начали меняться в лицах все его копные мужи, и помещение наполнилось голосами перешептывающихся советников: кому-то эта идея пришла не по душе, но большинство были довольны таким компромиссным решением – во всяком случае сидеть в Уречьи и бездействовать практически никому не хотелось. Арий же был тоже удовлетворен исходом сего собрания и тем, что даже изначально сомневающиеся боярые мужи поддержали мысль Моска. И в который раз кам про себя отметил, как точно не прогадали они с братом в выборе самых рассудительных мужей со всего Уречья.

Глава 6. Храм Творца

Осень 189 г. Третьей Эпохи

В небольшой комнатушке тускло горел свет, исходивший лишь от одной единственной догорающей свечи на письменном столе. Браг был на столько занят своей работой, что даже и не замечал, как за весь вечер успело выгореть уже шесть восковых свечей, и в канделябре осталась лишь одна. Как обычно работа шла своим размеренным чередом и старый жрец, скрючившись над столом, аккуратно шкрябал гусиным пером по желтой бумаге различные числа и буквы-арфы, смысл которых мог понимать лишь он один. Вмешиваться в державные дела своего отца он начал уже давно и так ловко, что тому до сих пор так и не удавалось ни разу уличить своего сына в этом. Браг довольно часто брал на проверку записи казначеев и старался самолично контролировать весь приток и отток менед в казне, порой изымая их оттуда или, что было намного реже, вбрасывая некоторые суммы для поддержания ее. Менеды были одним из тех нововведений, которое были предложены лично Брагом, с подачи которого Один и согласился на этот эксперимент с казной. Идею об использовании драгоценного металла для облегченного обмена товарами сначала исключительно на ярмарках и торгах, а потом и в повседневной жизни, жрец почерпнул от мудрецов, у которых обучался в свое время. Правда те отзывались об этой системе крайне неудовлетворительно. Браг же полагал, что они относились столь предвзято к ней лишь из-за того, что впервые она была придумана и введена лично Зохаком в южных землях. Новатор не считал, что если колесо было изобретено врагами, то его было бесполезно использовать на собственное благо, ведь менеды в его понимании являлись весьма разумным решением. Убедить отца поначалу было, конечно, сложновато, ибо он по обычаю своему был упрям и довольно консервативен, но подговоренные Брагом другие жрецы все же смогли общей массой заверить Одина в верности такого нововведения. Зачастую Браг только так и мог распространять свою власть, чего ему, однако, было недостаточно и он всегда ощущал себя ущемленным: еще с самого детства строгий отец направил его обучаться к жрецам в местный Храм Вед, таким образом полностью перекрыв своему сыну всякий путь к престолонаследованию. Быть же жрецом Браг никогда не хотел и это его не привлекало – намного интереснее смотрелась перспектива восхождения на престол Касского Царства, чего Один, видимо, не желал. Став жрецом, Браг все-равно не усмирил своих амбиций и довольно быстро создал себе блистательный авторитет, сделавшись уже главным жрецом Храма Вед. Тут-то и наступило его время, когда он мог в полной мере приступить к реформированию старой системы, если не в державных делах, то в духовных. Первым делом он отделил свой храм от всех остальных, существовавших в Чюдрокке и Семиводьи. По старым конам в каждом городе или веси мог находиться один храм, который был посвящен одному из четырех Духов-Сваоров: воздуха, воды, огня и дерева, которым соответствовали Храмы Любви, Вед, Смерти и Здравы. В Храмах Любви жрецами-чародеями хранились и передавались таинства семейного уклада и освещались семейные союзы; их жрецы носили золотые одеяния. В Храмах Вед жрецы-ведуны сохраняли мудрость своих народов и передавали ее потомкам, зачастую при таких храмах содержались огромные библиотеки; их жрецы носили белые одеяния, вышитые золотыми нитями. Храмы Смерти служили для подготовки тел умерших к переходу к Солнцу, а также для исполнения ее жрецами-чаклунами смертных приговоров; они одевались в полностью черные мантии. В Храмах же Здравы напротив жрецы-знахари исцеляли и ставили на ноги больных и хволых людей и одевались в алые накидки с синей вышивкой. В крупных городах могло быть сразу два, три, а порой и все четыре храма. Соответственно в каждом таком храме был свой глава, стать которым можно было лишь пройдя все ступени обучения, на совете же

в конце года избирали главу из самых мудрейших. Существовали так же и многочисленные небольшие храмы посвященные Богам – отошедшим к Солнцу предкам. Такие храмы назывались святилищами и содержались зачастую лишь одним жрецом, которого называли волхвом – он общался с Богами, просил их покровительства и милости. Волхвы предпочитали синие, темно синие и фиолетовые цвета в своих одеяниях. Существовал также Второй Храм Мероура, который территориально находился на рубеже между Чюдроком и Семиводьем, высоко в Чюдрокских горах. Он выделялся особенно из всех остальных тем, что не принадлежал никакому городу и в нем можно было обучиться более сокровенной мудрости, нежели при простых храмах. Этот посвященный всем Богам храм считался некой духовной обителью, Престолом Богов, но был и иной, Храм Творца в Касских горах, который являлся его Престолом, и его жрецы так же, находясь между Касским и Вандским Царствами, были независимыми от обоих. Все это устройство жреческого мира нисколько не устраивало тогда еще молодого Брага, и он провозгласил Храм Вед в Касгарде Церковью, независимой ни от каких иных жреческих структур. Таким образом Браг смог полностью переделать все до единого различные храмы Касского Царства в подобные церкви, которые также сменили свою фокусировку с центров передачи знаний на центры веры, ибо Браг считал, что обывателям не нужно было знать многое, им достаточно лишь было следовать канонам и традициям, которые выдвигала его Церковь. Единственным оплотом непокорности для реформатора оставался Храм Творца на юге в Касских горах, находившийся на самой вершине горы Алатур, самой высокой в тех местах. Он обладал неким сходным со Вторым Храмом Мероура статусом, и туда допускались далеко не все. Жрецы его были единственными, кто не поддержали переделы Брага и не поддались его влиянию. Этот храм был подобно истоптанной мозоли для главы новой Церкви. Но на этот счет у него уже давно имелись кое-какие мысли, и, казалось, настала именно та подходящая пора для их осуществления.

Тут размышления старого жреца прервал тихий стук в двери.

– Заходи! – рявкнул он, не отрывая очей от бумаг с делами казны. Двое молодых не то жрецов, не то учеников смиренно вошли в комнатушку и встали немного поодаль от Брага.

– Сегодня на главной площади один блаженный вновь впал в ересь, Твое Святейшество, – робко доложил один из гостей.

– Кто таков? Опять тот кузнец? – поднял вдруг свои страшные глаза Браг и начал ими сверлить докладчика. – Я же уже объяснял, что с ним делать! Нечего меня беспокоить по таким пустякам!

– Нет, Твое Святейшество, мы бы не стали... – старик заметил, как на лбу служителя Церкви выступил пот. – Один из боярых мужей Одина начал собирать народ, дабы вынести предложение на вече касательно нашей Церкви, – тут жрец вскочил и в мгновение ока, подобно пардусу, приблизился к докладчикам.

– И что же они хотят предложить царю? – ядовитым голосом прошипел Браг.

– У него есть собранные сведения и он собирается глаголить против Твоего Святейшества, – руки юноши отчего-то начали трястись.

– Я надеюсь, вы явились ко мне, чтобы узнать использовать ли клинок или же удавку, не так ли? – пристальным взглядом уставился на обоих служителей старик, зная заранее, какой ответ он услышит.

– Н-ну... Можно сказать, что да.

– Ну так почему же я еще до сих пор наблюдаю вас здесь, в своем помещении?

– Значит, мы устраним?... – замялся докладчик.

– Чтобы завтра же утром этот боярин отправился в далекое плавание по быстроводному Кастану с перерезанным горлом прямиком в Касское море!

– Слушаюсь! – хором ответили оба гостя и поспешили удалиться из кабинета.

Захлопнув за молодыми служителями дверь, Браг вернулся к своему рабочему столу, на котором все еще покоились неразобранные до конца отчеты казначея. Время уже было далеко за полночь и продолжать слепиться жрецу уже не хотелось, тем более, что фитилек свечи уже тонул в растопленном воске. Комнату окутала полнейшая тьма, лишь синеватый свет луны заливал пол, проникая через одно единственное небольшое оконце. Завтра у Брага был важный день: он созвал всех жрецов своего ближайшего круга, дабы обсудить с ними важную весть – в скором времени Один должен был оставить свой престол, а ему на замену следовало подготовить нового, достойного преемника, который пришелся бы по нраву и самому Одину. И с этим, как того и следовало ожидать, могли возникнуть большие проблемы – строгому правителю еще старой закалки мог показаться достойным лишь такой прославленный герой и настоящий человек чести, за которого могли бы поручиться даже мудрейшие из мудрейших и старейшие из старейших. К великому сожалению Брага такой человек в Касгарде появился, и это был Рус.

Не успело еще солнце полностью взойти из-за горна, а пять самых старых и преданных жрецов уже собрались в одном из подвальных залов Церкви, который был предназначен как раз для подобных совещаний. Браг по обычаю своему со всем присущим себе грозным видом восседал на своем каменном троне, располагавшемся на несколько ступеней выше остальных пяти тронов.

– Рад всех вас видеть вновь в этом помещении, братья, – слащаво обратился ко всем присутствующим Браг и попытался натянуть некое подобие улыбки на свое хмурое лицо, что, однако, не увенчалось успехом, – Сегодня наконец настал тот день, когда мы вплотную подошли к делу, ради которого и строили этот наш новый мир столько лет, – все внимали старику с должной внимательностью, ибо для каждого из приближенных жрецов он был не просто главой Церкви, предводителем или другом – с самого начала их объединения они были напарниками, партнерами, и поэтому в какой-то степени ощущали себя на равных с Брагом, однако и преклонялись перед его умом. – Вы помните как всех нас еще в те далекие лета свела в этом здании одна общая беда? Все мы были отринуты обществом, которому пытались сослужить благие дела, которое пытались усовершенствовать, но в ответ на нас лишь сыпались их далекие от благодарностей слова, и мы становились изгоями. Но мы смогли найти в себе силы и объединились в одну мощную, непоколебимую силу. Мы смогли возглавить этих придурков-жрецов, погрязших в своих изживших себя устоях, мы стали влиять и на развитие царства. Именно благодаря нашему крепкому союзу мы смогли достичь таких высот. Но все вы согласитесь, что время от времени направлять власть в нужное русло и быть самой властью – это две совершенно разные и даже противоположные вещи. Я надеюсь, что все из вас все еще помнят, что главной целью нашего союза было именно обладание полной властью. И сегодня я позвал всех вас, дабы мы вновь объединили наши силы и сделали последний шаг на пути к этому: мы предложим Одину в преемники всеми нами уважаемого начальника нашей Церковной стражи Усеня, – после этой фразы в зале повис гул – смешанные мнения на этот счет начали раздаваться со стороны присутствующих.

– С чего ты думаешь, что Один согласится и одобрит его личность? – уточнил один из жрецов.

– А почему это ты вдруг решил выдвинуть своего сына на престол? – недовольно заявлял другой.

– Смолкните! – прикрикнул Браг, пользуясь своим авторитетом. – Во-первых, Усень – верный нам служитель и большинство стражей и воинов Касгарда уважает его, Усень – мой сын, и это играет нам только на руку, ибо он будет полностью подчиняться мнению Совета

нашей Церкви, к тому же мы тут же введем новый кон, которым установим Церковь над царем. И если вы знаете еще кого-то, кто прекрасно подойдет на эту должность и согласится на это, то прошу – я обязательно выслушаю каждого из вас, – Браг сделал паузу и в комнате повисла тишина – никто не имел более ничего, что бы он мог добавить или предложить. – Тогда перейду сразу к ответу на второй вопрос, который является куда более важным, ибо он касается того, как мы все это провернем. Многие уже и в наших землях наслышаны о древнем пророчестве, что должен явиться в мир великий потомок Имира, который сразит южного правителя Зохака. И много было предположений, кто же есть этот потомок. Однако, рассуждая умом, можно однозначно заключить, что убитый Адвин не мог быть им так же, как и Один, который свое уже отвоевал и сейчас может лишь управлять царством, восседая на своем троне. Троян еще давно сбежал с царского престола на юг, видимо, под крыло Зохака. Пришедший на его смену Сам сейчас трусливо отсиживается в своем Кологарде. Сын Сама, Зорян – иждивенец, как и его дед спрятавшийся под боком у Зохака. Из потомков Трояна остались лишь внуки Сама, Славен да Рус, однако первый на война вообще не похож, а второй как раз вполне может оказаться этим самым наследником из пророчества. Однако он слишком опасен для нас, если взойдет на престол, поэтому этого мы не допустим. Не упомянул я еще троих сыновей Адвина, у которых более-менее равные возможности стать убийцами Зохака, но многие мудрецы склоняются к тому, что это суждено свершить именно старшему из них. На этих известиях мы и сможем выехать, ведь по счастливым обстоятельствам Усень родился в то же лето и в тот же день, что и старший сын Адвина. Добавив сюда немного звездной науки, мы сможем выдвинуть свое предположение на счет этого пророчества, а вся наша Церковь поддержит его. Вы же убедите Одина, что это действительно так. И тут лежит еще одна маленькая приятность, – хитрым взглядом обвел всех присутствующих Браг, пытаясь заинтриговать жрецов.

– Какая же, не томи?

– Один должен будет дать разрешение Усеню на поход за благословением в Храм Творца, – последние слова он проговорил с особой усладой и не упустил из виду проскользнувшую по лицам всех пяти жрецов ехидную улыбку.

Искусным воином Усень никогда не был, и это было хорошо известно Брагу. Более того, он был даже уверен, что его сын не только не был отличным воином, но и вовсе бойцом как таковым не являлся. Все, что касалось воинского искусства, было всегда чуждо Усеню, ибо еще с самого детства он стал прогуливать уроки по боевому мастерству и никогда не считал это своим приоритетом в жизни, как он однажды заявил отцу. Браг же особо не хотел давить на своего сына, памятуя о том, как беспардонно в его жизнь вмешался его собственный отец, заставив юного Брага идти тем путем, который ему никогда не нравился. Усень всегда воспитывался как царский ребенок и был уверен, что в будущем его ожидает работа куда более важная, чем просто размахивать мечом. Эта его уверенность была привита ему именно отцом, который сам ничуть не сомневался, что если Один отстранил его от престола, то уж на внука у него должны были быть другие планы. Еще одним важным элементом в воспитании Усеня было то, что он был практически напрочь лишен отцовского веского слова – Браг сразу почти после рождения сына взвалил все заботы о сыне на свою жену и отца, полностью удалившись в дела Церкви и царства. Так Один с радостью принял и молодую жену Брага и новорожденного Усеня в своем доме и оставил их на своем содержании. Видимо, это также отпечаталось на том, что Усень всегда себя превозносил над другими сверстниками, ибо с детства рос как царский ребенок, при этом кроме мягкого материнского воспитания не был знаком с отцовской строгостью, так как Один хоть и держал внука при себе, но все же старался не вмешиваться в семейные дела Брага и решил позволить тому самому воспитать сына, чему сам Браг

был отчасти рад, ибо отцовской диктатуры еще и в этом деле он бы не выдержал. Но все это в итоге привело к тому, что ни Один, ни Браг не уделяли достаточно времени Усеню и воспитание юноши было пущено на самотек, так что к двадцати одному году он вырос ни к чему не стремящимся бездельником. Но Браг довольно ловко сумел вписать своего беспечного сына в новую структуру, которая только была введена им при поддержке круга приближенных жрецов – Усень стал главой Церковной стражи, которая на бумаге лишь называлась таковой и была призвана охранять церковные помещения и их служащих от внезапных проявлений агрессий со стороны недоброжелателей, на деле же это было по сути умело прикрытое личное войско Церкви. Со временем практически незаметно это войско заменило городскую стражу, когда с подачи жрецов было принято решение на вече объединить две стражи: царскую и церковную. Жрецы смогли убедить народ и даже Одина в том, что воины, живущие по вере, являлись куда более надежными защитниками, нежели те, что следовали древним воинским заветам. Усень же таким образом продвинулся по своей служебной лестнице и стал самым главным военачальником Касгарда фактически, хотя и эту должность, и должность военачальника всего Касского войска занимали другие, поистине достойные воины. Но власти больше было дано непосредственно Усеню – они были стратегами, а он лишь давал им добро на действия. Так ему практически и не приходилось иметь никаких военных талантов или навыков, ибо всю непосредственную работу выполнял, конечно, не он – его задача была руководить процессом, с чем он справлялся довольно-таки неплохо. Браг, готовивший сына на престол, однако знал, что отдавать приказы войскам – это было одно, а управлять царством – уже совершенно другое, более сложное и требующее хорошего ума дело. Но тут бразды правления в свои руки уже намеревался взять непосредственно сам Браг, выдвинув власть церковную выше светской. Именно об этом и хотел поговорить со своим сыном жрец, придя в его рабочий кабинет, что случилось нечасто, чем и был удивлен Усень:

– Папа? – приподнялся молодой человек из-за своего стола. – Чем обязан столь неожиданным посещением?

– Да вот, зашел повидаться со своим непутевым сыном, – начал старик издалека.

– Полно тебе, – обиженно ответил Усень. – Я уж и не припомню последнего раза, как ты приходил ко мне сам.

– Как стража поживает? Какие-нибудь нелады или же недовольства?

– Со стражей все в порядке, отец. А вот на счет недовольств... Возникли определенные недопонимания со стороны воинов Руса – они отказались подчиняться мне, и я приказал своим стражам проучить их.

– И что же, проучили? – Браг как мог старался скрыть, что ему было абсолютно безразлично и ненужно знать обо всех этих мелких разборках, когда в его голове крутились мысли о делах куда более важных.

– Да они понаставили синяков друг другу и, вроде бы, эти осознали свою ошибку. Но тут явился Рус и принялся оскорблять меня и задираться, защищая своих дружинников, и мне пришлось ответить ему. В общем – мы повздорили, – вздохнул Усень, отчитавшись перед отцом словно мальчишка, вернувшийся домой с разбитым носом.

– Что же, тогда тебе надо срочно бежать к Русу и мириться с ним.

– Это почему же?

– А потому что очень скоро вы вместе с ним отправитесь в военный поход, и ваши войска будут идти рука об руку.

– Военный поход? С этим полудурком?! Но я же никогда еще не... – но старик не дал договорить своему сыну, не желая больше тратить времени на пустую болтовню.

– Я думаю, тебе приходилось слышать о древнем предсказании, что среди потомков Имира рано или поздно должен родиться тот, кто сумеет одолеть южного правителя Зохака и встать на престол.

– Да, в последнее время вокруг него стоит такая шумиха – все начали говорить об этом, особенном с приходом Руса, – утвердительно кивнул головой Усень, – и у меня есть свое мнение на этот счет. Почему все решили, что этот сын Адвина и является тем самым героем из пророчества?

– Послушай, сын мой, ты лишь должен знать одно, – вдруг голос Брага стал таким ласковым, как уже не звучал много лет, – речь в том пророчестве идет именно о тебе, ибо других наследников у Одина нету.

– Да, папа! – засиял внезапно Усень, и, на удивление старика, он не выглядел хоть сколь обескураженным этим откровением. – Я знал, что рано или поздно, но все все-таки признают это, – неожиданно молодой человек полностью переменялся в лице и стал вдруг чем-то напоминать Брагу его самого в молодости. Интонация и голос его тоже изменились, стали более вальяжными. – Так ты пришел мне сообщить, что дед отрекается от своего престола в мою пользу?

– О, да, сынок! Он непременно сделает это, – Браг даже был слегка обескуражен такой наглостью сына, но ему необходимо было направить теперь проснувшиеся в нем детские амбиции в нужное русло. – Однако сначала тебе нужно будет заручиться разрешением деда на поход к Храму Творца.

– Зачем этот поход мне нужен?

– Ты должен разрушить его, ибо они будут единственными, кто выступит против тебя. Заставь их признать себя новым правителем.

– Но дед же никогда не позволит этого сделать – он дорожит этим храмом, наверное, больше, чем своим царством.

– Для этого тебе и нужно будет взять с собой Руса с его дружиной – дед полностью доверяет ему, считая его человеком чести. Понимаешь, когда дед узнает, что и Рус отправится с тобой, то он не заподозрит ничего дурного. Тем более, что мы все обставим не как военный поход, а как поход за благословением – все воины пойдут без вооружения.

– И как же они возьмут храм без оружия?

– Все необходимое будет отправлено следом за вами через сутки в покрытых телегах.

– А как мне убедить Руса сражаться на моей стороне? – недоверчиво прозвучал голос Усеня.

– Попроси у него прощения и в качестве примирения попроси сходить с тобой в святое место и получить благословение и для себя, и для своего войска. А там же все произойдет на столько быстро, что Рус ничего и понять не успеет. Этим ходом мы еще и обеспечим нам спокойное будущее, ведь всю вину можно будет легко перевалить на Руса, когда ты станешь царем, и никто не сможет обвинить тебя.

– Разумно, – согласился сын Брага, но по лицу его было видно, что он все еще тщательно обмозговывал, старик же был абсолютно уверен, что Усень свою необходимую роль во всем этом действе без сомнений сыграет. Осталось лишь пустить по городу слух с новым толкованием пророчества и выждать нужный момент, когда все станут сознательно готовы признать избранность Усеня.

Зима 189 г.

Рус подошел к окну и в очередной раз бросил взгляд на серый пейзаж города. Уже несколько недель прошло с тех пор, как наступили зимние сороковники, но снега и в помине было не видать – вся природа лишь погрузилась в некие тусклые тона, небо уже давно беспроблетно заволочло тучами, некоторые дни выдавались чересчур дождливыми, холода тем не менее начались нешуточные, и уже следовало значительно утеплиться, особенно пробирали до костей морозные ветра, которые беспрепятственно гуляли по степи, среди которой и нахо-

дился Касгард. Для Руса этот город уже давно приелся, стал неинтересным, тем более, что уже более шести лет он практически никуда не выходил, ни в какие походы, и лишь сидел на месте обеспечивая усиленную охрану города и царства. Этим утром витязь вновь проснулся довольно таки рано, хотя в такие дни было по большей части невозможно различить утреннее, дневное или вечернее время суток – солнце скрывалось от взора людей за толстыми слоями серых туч. Все это в совокупности приводило Руса в некое уныние, так и этим утром он абсолютно не знал, чему посвятить свой день, ибо никаких особенных поручений у него не было. Как бы он хотел сейчас бросить все и отправиться скитаться, как он делал это прежде в юные годы – молодой богатырь почти никогда не задерживался на одном месте дольше двух суток, но ныне же он был связан обетом и Саму, и Одину служить верно им, пока враг не будет повержен. Неожиданно могильную тишину нарушил легкий стук в дверь – покои Руса находились в одном из самых тихих крыльев терема на втором этаже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.